

ВВЕДЕНИЕ

«Основы теории международных отношений» – одна из обязательных дисциплин, представляющая теоретико-методологическую основу, на которой базируется изучение такого многоуровневого объекта исследования как международные отношения, цель которой состоит в том, чтобы дать представление об общей теоретической картине международных отношений, способствовать формированию навыков теоретического анализа и интерпретации международных процессов. Задача практикума по курсу «Основы теории международных отношений» – дать возможность приобрести навыки теоретизирования и научного мышления в изучении обобщающих для данной дисциплины тематических разделов, предоставить возможность самостоятельно анализировать, сопоставлять и аргументировать основные понятия и теории международных отношений и части научных работ, посвященные соответствующим вопросам.

Практикум сочетает в себе хрестоматийное изложение материала, методические указания, справочную информацию об авторах, контрольные вопросы и задания. Наряду с отрывками из научных работ, ставших «классической» теоретической основой дисциплины, в практикум включены тексты, содержащие наиболее спорные оценки явлений современных международных отношений, которые позволят студенту сформировать собственное мнение и, затем, принять участие в семинарской дискуссии.

Разделы практикума открываются небольшой вводной статьей, дающей краткое содержание соответствующей темы, ее основные понятия и наиболее распространенную терминологию, что позволяет обратиться и использовать практикум при возникших проблемах с освоением лекционного материала. Каждый приведенный отрывок сопровождается вопросами. Завершают разделы практикума контрольные вопросы и задания по курсу, включающие 80 вопросов и заданий, рассчитанных как на самостоятельную проверку знаний, так и на контрольную работу в аудитории. Индивидуальная работа с контрольными вопросами и заданиями позволит также более эффективно подготовиться к итоговому экзаменационному тестированию, завершающему учебный процесс.

Тематические разделы практикума соответствуют перечню практических (семинарских) занятий, вводные статьи с кратким содержанием тем соответствуют тематике лекционных занятий, приведенных в учебной программе по дисциплине «Основы теории международных отношений» (для студентов специальностей 350200 «Международные отношения» и 350300 «Регионоведение»), выпущенной издательством Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в 2007 г.

Раздел I. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНЫ ТМО

Тема 1. ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Теория международных отношений (ТМО) представляет собой одну из научных и учебных дисциплин, направленных на изучение такого многопланового объекта исследования как международные отношения. Появлению в науке о международных отношениях этой самостоятельной отрасли научных знаний способствовал ряд обстоятельств. В частности, такие события первой половины XX века как две разрушительные мировые войны и создание ядерного оружия, привели к объективной необходимости теоретического осмысления международных отношений, выявлению внутренней логики и закономерностей международных отношений, знание которых позволило бы повысить предсказуемость изменений, происходящих в данной сфере социальных отношений, и управляемость международно-политическими процессами.

Таким образом, теория международных отношений стала формироваться как «сумма» множества теорий о том, что представляют собой система международных отношений, участники международных отношений, их цели, закономерности поведения и т.д. Центральную методологическую роль в формировании теории играет идеализированный объект (его идеальная модель) – модель исследуемой части реального мира в совокупности важнейших для этой реальности связей. Создание в рамках ТМО систематизированного знания об объекте исследования (международных отношениях) и предмете исследования (теориях МО) вызвало появление целого ряда спорных вопросов.

Наибольшие разногласия в определении **международных отношений** как всей совокупности отношений, возникающих в ходе многомерных контактов основных субъектов (акторов) на международной арене вызывает расшифровка термина «актор» или «субъект». Большинство исследователей сходятся на том, что главным действующим лицом и основным элементом МО является государство. Определяющая роль государства в идентификации объекта объясняется тем, что вместе с государством появляется понятие границы – воображаемой линии, отделяющей «нас» от «них». Граница зримо показывает пределы МО и придает «физический смысл» понятию. Без возвращения к идее государства пришлось бы отказаться от утверждений о специфике международной (межгосударственной) сферы. Таким образом, государство стало основным компонентом всего «международного», поскольку без государства нет и международных отношений. Можно отметить некоторые

характеристики государства, позволяющие признать государство главным действующим лицом на международной арене:

- обладает способностью и моральным правом производить и использовать наиболее эффективные инструменты принуждения, в т.ч. военные средства;

- опирается на ресурсы своих экономик;

- опирается на лояльность граждан;

- имеет осознанные, долгосрочные интересы, борьба за реализацию которых способствует формированию альянсов, конфликтов, т.е. наполняет содержанием функционирование системы МО.

Теоретические представления о ведущей роли государства в сфере МО (государственном центризме) являются наиболее распространенным направлением исследований в области МО. Основные закономерности, государственно-центристской системы:

1. Главным действующим лицом МО является государство, а формами его международной деятельности – дипломатия и стратегия.

2. Государственная политика существует в двух разновидностях: внутренней и внешней (международной), между которыми имеется как взаимосвязь, так и существенные различия, в силу которых международная политика государства обладает хотя и относительной, но в то же время весьма значительной автономией.

3. Основа основ всех международных действий государства – национальный интерес, наиболее существенными составными элементами которого являются безопасность, выживание и суверенитет.

4. Потребность в защите и продвижении национального интереса вызывает необходимость обладания как можно более мощным военным потенциалом, который, в свою очередь, зависит от природных, экономических и иных ресурсов государства. Поэтому МО – это силовое взаимодействие государств, баланс сил, в кот. преимущества с точки зрения национальных интересов имеют наиболее мощные державы.

5. В зависимости от распределения мощи между наиболее крупными с т.з. военного потенциала государствами – т.н. великими державами – баланс сил может принимать различные формы, или конфигурации: биполярную, трехполюсную, мультиполярную и т.д. (Подробнее см.: Цыганков П.А. Теория международных отношений: учеб. пособие. – М., 2002. – С. 84–85)

Основные понятия и термины

Актор (лат. *actor* – деятель. Букв. – «актёр») – субъект международно-политических отношений; «действующее лицо» на международной арене. В сфере МО актор – любой авторитет, любая организация, любая группа и даже любой индивид, способный играть определенную роль, оказывать влияние. То есть акторы – все действующие лица меж-

дународных отношений вне зависимости от распространения на них международного права (ТНК, политические движения и организации, крупнейшие лидеры и т.д.). В отличие от актора, **субъектом** МО является государство или любой орган, на который распространяется действие международного права.

Теория международных отношений (ТМО) – совокупность множественных концептуальных обобщений, представленных полемизирующими между собой теоретическими школами и составляющих предметное поле относительно автономной дисциплины (Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учеб. Пособие. – М., 2002. – С. 95. См. также: Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. – М., 2003. – С. 21).

Теория (лат.) – наблюдение, исследования может также употребляться в «широком» и «узком» смыслах. Весь комплекс наук о международных отношениях (историю международных отношений, историю дипломатии, международную экономику, международное право, теорию международных отношений и т.д.) обозначают теорией в широком смысле слова. Под «широким» смыслом понимается максимальный комплекс представлений о выбранном объекте. В таком случае слово «Теория» пишется с большой буквы. В «узком» смысле под теорией подразумевается наблюдение, исследование более конкретного объекта. Так, дисциплина ТМО для комплекса наук о международных отношениях будет являться теорией в узком смысле слова. Если обозначить дисциплину ТМО теорией в широком смысле слова, то «узкими» теориями будут, например, теория войны, теория международных режимов, концепции безопасности и т.д. (Подробнее см.: Косолапов Н.А. Тема 6. Теория международных отношений: предмет анализа и предмет теории (введение в теорию) // МЭМО. – 1998. – №11. – С. 47-57).

Косолапов Н.А.

Косолапов Николай Алексеевич окончил МГИМО МИД СССР в 1970 г., кандидат исторических наук («Социально-психологические факторы в эволюции политики США во Вьетнаме, 1945–1975», Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР, 1976). В 1972–1985 – младший, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН, зам. Гл. редактора журнала «Мировая экономика и международные отношения». В 1985–1990 гг. – помощник секретаря ЦК КПСС. В 1990–1991 – руководитель группы аппарата Президента СССР. С 1992 г. – зав. отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН. С 1999 г. – ведущий научный сотрудник Совета по изучению производительных сил. В 1992–1998 гг. преподавал на философском факультете

МГУ им. М.В. Ломоносова. С 1993 г. преподает в МГИМО МИД РФ. Автор более 100 работ общим объемом свыше 300 п.л.

Содержание основных понятий теории международных отношений Н.А. Косолапов подробно рассматривает в серии публикаций журнала «Международная экономика и международные отношения» № 1–12 за 1998 год.

**Явление международных отношений:
историческая эволюция предмета исследования**
(с сокращениями)

<...> Русскоязычное понятие «международных отношений» существенно расходится с вроде бы родственным ему в английском – языке, на котором почти исключительно создавались пока наука о международных отношениях и теория международных отношений. В русском языке «международные отношения» в изначальном и прямом смысле суть «отношения между народами». Но тогда неизбежен шлейф вопросов принципиального теоретического и методологического значения: где, как, ради чего и почему могли вступать в отношения друг с другом именно целые народы; что это были за народы; что это были за народы; как такие отношения строились и осуществлялись практически; какие последствия имели они для самих народов и мирового, локального социально-исторического развития?

По сравнению с русскими «международными отношениями» понятие «international relations» значительно более богато смыслом и содержательным контекстом. Relations – тождественно “отношениям”. Интер-приставка имеет 2 значения: в определенной группе, социальной среде (among) и между кем-то, кто разделен пространством, чем-то еще, но одновременно и соединен, сцеплен друг с другом этим разобщающим их пространством (between). Слово же nation – является целой концепцией и в этом своем качестве означает не “народ” и не “нацию”, но определенный тип государства – мононационального или с доминированием ведущего этноса; государства, сложившегося в Европе параллельно со становлением капитализма, как своего рода предпосылка и первый его результат. International relations – в строгом смысле этих слов – отношения между государствами вполне определенного социально-исторического и политико-экономического типа, притом отношения, складывающиеся и действующие в среде именно таких (а не иного типа) государств.

Конечно, с течением времени понятие «международные отношения» в западной литературе расширилось и ныне распространяется на все многообразие текущих международных отношений. Да и в русском языке, говоря «международные отношения», мы не имеем в виду отече-

ственных или иностранных «челноков». Вроде бы осуществляющих самым непосредственным образом прямые «отношения между народами». Тем не менее, различие двух категорий имеет далеко идущие политические, идеологические, научные последствия.

Если «международные отношения» – отношения прежде всего между родственными духовно и социально-политически, экономически государствами, то только такие отношения и могут быть максимально полными и ценными. Тогда необходимо или делить государства на «касты» – цивилизованные, получивилизованные, нецивилизованные страны, – причем отношения первых с остальными строятся на разных принципах и осуществляются по разным правилам. Между цивилизованными странами все отношения (включая даже войны) основаны на праве. Между цивилизованными и получивилизованными право действует выборочно, по усмотрению первых. К нецивилизованным право неприменимо вообще. На таких принципах основывалось европейское международное право XIX – первой трети XX вв. Подкрепленная им психология – одна из причин зверств европейцев в колониальных войнах и в России (считавшейся получивилизованной) при отсутствии таких зверств в войнах внутри самой Западной Европы. Другая, демократическая альтернатива – добиваться того, чтобы весь мир состоял из однотипных и равно цивилизованных государств. Но если такой мир когда-то возникнет, не отомрут ли, не исчезнут ли в нем «international relations»? Некоторые весьма видные западные ученые склонны полагать, что исчезнут, уступив место иным (например, межцивилизационным).

Если же «международные отношения» тесно связаны жестко с данным историческим типом государства, то, по-видимому, они существовали до (возможно, задолго до) появления этого типа и, эволюционируя по собственным законам, сохраняются как явление и тогда, когда данный тип государства уйдет на второй план или даже в прошлое. Но тогда «международные отношения» – не что иное, как конкретный ситуационный, реально осязаемый срез мирового развития. В таком случае где граница между первым и вторым, в чем общее и различия в содержании каждой из двух категорий? В отечественной литературе встречается и иная крайность, например, что международные отношения охватывают собой разные сферы общественной жизни – от экономических обменной до спортивных состязаний. Правомерен вопрос, допустимо ли относить к международным отношениям транснациональную организованную преступность? Не размывается ли сама категория «международные отношения» от столь расширительного ее понимания? Тем не менее, русскоязычная интерпретация понятия «международные отношения» представляется в научном плане более интересной, емкой и продуктивной. <...>

Когда возникло явление международных отношений? Или, в иной постановке того же вопроса, при отсутствии каких необходимых и достаточных условий, какого комплекса их организации (поскольку одни и те же условия, но по-разному организованные, обуславливают и различное качество текущих и исторических социальных явлений) говорить о наличии явления международных отношения заведомо нельзя (еще или уже), а при наличии каких – можно, хотя бы предположительно? <...>

На древнейших этапах человеческой истории, когда очень крупным считалось государство с населением в несколько десятков тысяч человек, напротив, целые народы вполне могли непосредственно соприкасаться друг с другом и, по-видимому, по крайней мере в некоторых районах Земли делали это достаточно регулярно. Такие контакты должны были возникать при сезонных и иных миграциях, массовых бегствах от стихийных бедствий, при силовых разделах территорий, обменах, просто случайно.

Первым и естественным результатом таких контактов было для каждого народа узнавание других. Соприкасаясь с другими племенами и их отдельными представителями, человек узнавал, что существуют иные языки, боги, ремесла и умения, иные способы существования и образы жизни. Это само по себе оказывалось для него величайшим открытием, духовным и психологическим потрясением. Когда общение с представителями других племен и народов становится постоянным и шок от первого открытия проходит, наступает следующая стадия духовного и психологического развития: узнавание себя. Подобно тому, как отдельно взятый человек узнает цену себе через мнение о себе других людей, так и каждый народ вырабатывает самосознание и самооценку посредством сопоставления своих веры, образа правления и жизни, достижений и неудач с тем, что есть у других народов. Следом наступает стадия осознанных сравнения и самоотождествления (индивидуального и коллективного, этнического). Конкретные элиты и группы начинают задаваться вопросом и как-то отвечать на него: почему они склонны сближаться с одними народами, отстраняться от других, активно не принимать третьих. <...>

Центральный с точки зрения рассматриваемой темы социально-исторический итог этих процессов – первый качественный рубеж становления международных отношений как явления: первоначальное разделение всех и всяческих социальных взаимодействий, связей, отношений на внутренние и внешние. Первые не осознавались людьми как таковые, пока постоянные и тесные контакты (любого рода) с внешним миром не заставляли почувствовать и понять разницу между «своим», внутренним». И «чужим», внешним. Наличие этих особых, пра-

международных отношений выступает на ранних этапах истории общества одним из важнейших условий становления этнического, а затем и более сложных видов самосознания социума. Отношения между подобными, еще только начинающими осознавать себя социумами, однако, есть именно пра-международные в том смысле. Что духовные, физические. Прочие границы между внутренним и внешним еще только (а) формируются, (б) постигаются, (в) начинают обозначаться. На этом этапе складывается международная жизнь – комплекс постоянно возобновляемых, все более частых и насыщенных, разнообразных по формам, каналам, целям, функциям связей между этносами/социумами, ранее незнакомыми и еще долго остающимися взаимно «чужими».

Часть этих отношений внутри этого комплекса носит политический характер, хотя осуществляться может (особенно на наиболее ранних этапах истории) различными субъектами: главами родов, вождями племен, шаманами, колдунами, жрецами; в более поздние времена – священнослужителями. Эта часть образует международную политику, из которой со временем выделяется новая, специфическая ее сфера – политика мировая.

* * *

Второй качественный рубеж становления явления международные отношения связан с возникновением института государства. На этом этапе в конгломерат отношений внутренних и внешних, но равно неформальных, вносится принципиально новый момент: разделение тех и других на формальные и неформальные при властном утверждении доминирования первых. Как внутри данного социума, так и вовне государство стремится к неограниченной власти. Однако если внутри социума такая цель в принципе достижима, то вовне главным фактором ее недостижимости становится историческая ограниченность доступных государству материальных ресурсов и средств управления. Государство суверенно лишь в тех пределах, в каких оно фактически дееспособно. Поэтому различие между внутренним и внешним обретает принципиально новый смысл: внутреннее суть все то, что безусловно подчинено данной власти (напомню: государство здесь еще выступает в древнейших его формах); внешнее – все то, что ей безусловно неподвластно. С этого рубежа правомерно вести речь уже о появлении собственно международных отношений.

Одновременно складывается и мировая политика: особая сфера силовой по преимуществу борьбы за установлении и/или изменение фактических норм, процедур и правил, по которым осуществляются на практике международные отношения каждой конкретной эпохи. Участниками мировой политики выступают лишь крайне узкие слои высшей элиты соответствующих стран и народов, реально располагающие вла-

стью в своих странах. <...> «Мировая» это политика не по географическому и/или социальному ее охвату, но лишь в том смысле, что она служит механизмом поддержания международных отношений своего времени, участия в них конкретных субъектов, использования ими процессов, явлений, фактических промежуточных результатов международных отношений.

Таким образом, следующие условия можно полагать необходимыми и достаточными для признания конкретных общественных отношений в принципе международными (при рассмотрении таких отношений строго в рамках теории международных отношений ...):

первое: наличие, как минимум, двух организационно оформленных, устойчивых в их образах жизни социумов, пра-международные связи которых уже подвели их к объективному формированию и субъективному различению внутреннего и внешнего;

второе: наличие внутри каждого из таких социумов явного и в целом бесспорного, любым образом институционализированного центра власти (духовного или светского; наследного или избираемого; абсолютного или такого, за обладание которым ведется борьба);

третье: наличие между социумами названных типов постоянных взаимодействий любого рода, постепенно перерастающих в устойчивые связи и отношения, будь то позитивные (обмены, взаимопомощь) или негативные (конфликты, войны, завоевания);

четвертое: поддержание и эволюция таких отношений только и исключительно в сферах (территориальных, идеологических, иных), в которых ни один из участников этих отношений не обладает полной и безусловной фактической властью и/или дееспособностью;

пятое: формирующее воздействие этих связей и отношений на внутренние духовные и материально-практические состояния и развитие соответствующих социумов (тоже позитивное или негативное по его содержанию и социально-историческим последствиям).

<...>

Печатается по: Косолапов Н.А. Явление международных отношений: историческая эволюция предмета исследования // Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. – М., 2002. – С. 37-42.

Вопросы

1. В чем, по мнению автора, заключается суть понятия «international relations»?
2. Что является основной характеристикой социума, необходимого для признания международных отношений международными?
3. Перечислите условия, необходимые и достаточные для признания конкретных общественных отношений в принципе международными.

Богатуров А.Д.

Богатуров Алексей Демосфенович окончил МГИМО МИД СССР в 1976 г., доктор политических наук («Конфронтация и стабильность в отношениях США с СССР и Россией после второй мировой войны 1945–1995», Институт США и Канады РАН, 1996), профессор (1999). В 1977–1988 гг. – стажер, младший, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР, 1988 – н/в – старший научный сотрудник. Зав. сектором, зав. отделом, ведущий, главный научный сотрудник, зам. Директора Института США и Канады РАН (ИСК РАН). С 2000 г. – директор Научно-образовательного форума по международным отношениям. С 2001 г. – зав. кафедрой мировой политики и международных отношений Факультета мировой политики на базе ИСК РАН (ГУГН). С 1991 г. преподает в МГИМО МИД РФ, В 1994, 1995 и 1997 гг. преподавал внешнюю политику России в Принстонском и Колумбийском университетах (США). Директор Научно-образовательного форума по международным отношениям, главный редактор журнала «Международные процессы» Автор 160 работ общим объемом свыше 180 п.л.

Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе

(с сокращениями)

Феномен мировой политики – один из главных для понимания современного контекста отношений в планетарной системе. Но несмотря на приток зарубежных идей и появление публикаций российских авторов по проблематике мировой политики, ее «самоопределение» как научной дисциплины не завершилось. Устоялся набор сюжетов, которые принято считать относящимися скорее к мирополитическому, чем к традиционному международно-политическому полю, материал сгруппирован по темам, а сами они собраны в целостность, которая уже позволяет выстраивать связные учебные курсы. «Задан» язык дискурса, который, воздействуя на сознание (а более – на подсознание) читателя/слушателя, подвигает к «интуитивно-либеральному» пониманию мирополитической проблематики. В 2002 г. появилась книга М.М. Лебедевой – первый отечественный учебник мировой политики. Все это – несомненные достижения, давшие немалым трудом.

Важно заметить, что становление мировой политики как самостоятельного исследовательского поля характерно для политических исследований преимущественно (если не исключительно) в России. В западных странах мирополитические штудии расплывены по разным областям знания, «растеряны» между исследованиями традиционного международно-политического профиля и не претендуют на автономное академическое пространство. В научном сообществе США вообще отсутст-

ует проблема размежевания мировой политики и международных отношений. Там исследования того и другого направлений сосуществуют нерасчлененно и организационно могут относиться как к международно-политическому, так и общеполитологическому блокам.

Равнодушие американских политологов к «самоопределению» мировой политики отчасти объяснимо их обычной, скажем, иронией к философствованию (в европейском смысле) на темы международных отношений. Но более значимо то, что исследования мировой политики на Западе в содержательно-аналитическом отношении сегодня главным образом нейтральны, тогда как в России мировая политика остается политизированной либеральной сферой знания, в которой многие все еще склонны подозревать «чужеродный знак», пересаженный на российскую почву. Отсюда – и «встречный» защитный пафос самой мировой политики, ее стремление обособиться от исследований международных отношений и выйти на доминирующие организационно-административные позиции.

Как бы то ни было, стихийное самоструктурирование мировой политики как автономной субдисциплины неожиданно оказалось отличительной чертой российской политологии, не характерной для научного процесса в странах Запада. Причудливым образом политология в России через полтора десятилетия после ее конституцирования стала приобретать собственное лицо.

Уже только этого было бы достаточно, чтобы отнестись к мирополитическому подходу серьезно.

Но сверх того, он еще и способен существенно обогатить исследовательский потенциал политологии в России, если разовьется из эмоционально-ценностной в обычную аналитическую концепцию и не станет отгораживаться от традиционных, но и более методологически фундированных отраслей знания – в их числе и историко-политических исследований. Задача статьи – достроить понятие мировой политики на базе анализа методологического соотношения между исследованиями мировой политики, с одной стороны, и международных отношений, с другой.

<...>

Следуя логике таким образом понимаемого восприятия в отечественной профессиональной среде, вариант рассуждения о концепции мировой политики уместно представить в виде семи тезисов.

1. *Тезис первый.* Эпистемология. Наиболее убедительной и ясной является мысль о том, что мировая политика характеризует новое качественное состояние международной среды, в которой действуют субъекты международного взаимодействия – как традиционные (государства), так и новые (все остальные). Этот тезис можно принять за основополагающий. С одной стороны, ввиду его богатой философской и семантической «нагруженности», с другой – с учетом его понятности для

основных составляющих интеллектуального спектра в России: от либеральных социологов до радикальных марксистов.

Это не значит, что все согласятся с предлагаемым пониманием. Однако это предполагает, что будет сделан шаг к преодолению «методологического кустарничества», и по поводу предлагаемого можно будет по крайней мере вести корректную научную дискуссию в единообразно понимаемых терминологических и методологических рамках. За двадцать лет ни на Западе, ни в России постмодернизм в теории международных отношений ничем не доказал своей аналитической плодотворности, поэтому какой смысл далее держаться приписываемой ему логики и методологических («антиметодологических») установок («антиустановок»)?

Тезис о том, что понятие «мировая политика» воплощает новое качественное состояние международной среды методологически и эпистемологически имеет для концепции решающее значение, поскольку только он позволяет теоретически корректно уйти от отождествления мировой политики с традиционными международными отношениями эпохи до начала 90-х годов.

Однако при такой постановке вопроса атак со стороны потенциальных оппонентов из рядов историко-политического направления может вообще не последовать. Критикам будет, к примеру, понятно, что тезис о новом качестве международной среды реально «работает»: именно из-за этого нового ее состояния при внешней схожести международных условий (низкая вероятность ядерного конфликта) в 70-х годах, с одной стороны, и затем в 90-х, с другой, сильнейшие страны мира вели себя по отношению друг к другу совершенно по-разному.

При этом в выстраиваемой схеме находится достойное место для двух тенденций-симптомов («смена субъекта» и «сжатие планеты»), о которых с некоторым жаром пишут авторы школы политической социологии, и с несколько холодным вниманием – исследователи историко-политического корня. Оба эти важных тренда в самом деле способствовали возникновению качественно нового состояния среды. Просто не они сами по себе передают его специфику.

2. *Тезис второй.* Параметр нового качества. Специфика новизны определяется тем, что для оценки положения на планете в целом характеристики состояния международной среды стали и продолжают становиться важнее, чем характеристики поведения отдельных, даже самых сильных акторов (старых или новых, демократических или авторитарных, национальных или транснациональных). Среда, образно говоря, подобно траве, она начинает «прорастать» сквозь «бетон» сообщества государств, оплетать его, в известной мере сковывая и этом смысле подчиняя себе.

Конечно, очень важно, какая администрация находится у власти в Вашингтоне – напористая и националистическая или умеренная и либеральная. Но для международных отношений в целом важнее, какой

окажется среда, сквозь которую будут преломляться импульсы, исходящие от любой американской власти.

С мирополитической точки зрения ключевые параметры анализа – это характер эволюции систем вооружений и скорость распространения технологий их производства по миру, показатели транснационализации международной экономики, характеристики всемирного виртуального пространства, включая сферу действия глобальных систем наведения ракет, контуры сферы единообразного понимания морали и права, индикаторы транспортной (и военно-транспортной) проницаемости планеты, характеристики ее экологического состояния, наконец, соотношение всей совокупности земных дел с реальным положением дел в космосе (скрываемом, по счастью, от внимания политических аналитиков).

Приведенный тезис – целиком из арсенала мирополитического анализа. Но его нетрудно и полезно дополнить историко-политическим обоснованием.

Становление мировой политики связано с тенденцией к уплотнению международной среды и повышению ее проницаемости для импульсов влияния, которые участники международного общения посылают друг другу. Среда, присущая международной системе пятьдесят лет назад, была более разряженной, чем сегодня, а государства в ней имели больше свободы действий. На материале международных отношений в Восточной Азии этот феномен был описан в одной из наших работ еще в 1996 году. Но тогда автор счел «открытый им» феномен региональной особенностью, не соотнося его с общемировыми трендами, как стоило бы сделать с теперешних позиций.

Тенденцию к уплотнению международной среды можно проследить на протяжении веков. С одной стороны, она характеризуется нарастанием взаимной обусловленности поведения государств, уменьшением свободы их действий под влиянием самоограничений или ограничений, налагаемых извне, а с другой – ростом подверженности внутренним процессам в отдельных государствах внешним влияниям.

Самоограничения и ограничения могли быть любой природы. В 50–80-х годах прошлого века в Европе это была «блоковая дисциплина». В тот же период в Восточной Азии – страх больших держав спровоцировать «большую войну» и высокая активность малых и средних стран, научившихся, пользуясь этим, иногда навязывать сильным государствам свои варианты решения местных проблем. В 90-х годах универсальным инструментом уплотнения среды стало нарастание ее финансово-экономико-информационной однородности.

3. *Тезис третий.* Гносеология. Можно сказать, что глобализация и обозначала процесс уплотнения международной среды. Но можно этого не делать, продолжая считать ее «особым» явлением. Важно иное. Глобализация не только прекрасно вписывается в понимание, присущее историко-

политической школе, она вписывается в нее даже органичнее, чем в логику мирополитического направления. По определению глобализация – не что иное, как процесс становления нового качества международной среды, а мировая политика – его результат. Вот почему глобализацию убедительнее всего представить как инструмент преобразования традиционных международных отношений в мировую политику. Так снова обеспечивается совместимость научных интересов и аналитических подходов обеих школ – историко-политической и политико-социальной.

Следовательно, с гносеологической точки зрения мировая политика в известном смысле – не что иное, как современный этап развития того, что мы привыкли называть системой международных отношений, подразумеваемая под ними преимущественно отношения между государствами. Выявляется, таким образом, гносеологическое родство мировой политики и международных отношений, хотя, конечно, первая со временем приобрела для себя существенно иное поле изучения. Об этом будет сказано дальше.

4. *Тезис четвертый.* Различение объектов. В цельном виде определения мировой политики ни в западных, ни в отечественных публикациях встретить не довелось. Между тем, найти определение – как раз и значит освободить мировую политику от зависимости, которая ее окружает в семье международников-традиционалистов. Поскольку поиск определения неизбежно идет в контексте сопоставления мировой политики и международных отношений, уместно прежде провести «инвентаризацию» отличий объекта изучения мировой политики, с одной стороны, и традиционной науки о международных отношениях, с другой.

В традиционных международных отношениях согласно принципу суверенитета государства и невмешательства во внутренние дела существовало жесткое разделение между внешней и внутренней политиками государств. С правовой точки зрения объектом взаимодействия стран являлись исключительно (почти) вопросы их поведения в отношении друг друга, но не в отношении собственных граждан (подданных). Взаимодействие между субъектами международных отношений, таким образом, происходило по внешнему контуру, «по касательной». Поэтому объектом изучения традиционной науки о международных отношениях была сфера взаимодействия внешних политик отдельных государств.

В 60-х годах прошлого века в этом смысле кое-что изменилось. Благодаря экспансии системного подхода в исследованиях утвердился постулат о несводимости свойств международных отношений в целом к сумме внешних политик отдельных стран. Соответственно, объектом изучения науки стали не только совокупность непосредственных взаимодействий внешних политик государств, но и закономерности развития всей миросистемной целостности, которая, как следовало из системной логики, обладает определенной автономией свойств по отношению к сово-

купности внешних политик стран мира. Кроме того, составной частью объекта исследования стали так называемые общие (или глобальные) проблемы международных отношений – контроль над вооружениями, энергоснабжение, преодоление отсталости бывших колоний, вопросы культурного обмена, оказание гуманитарной помощи и т.п.

Таким образом, объектом изучения науки о международных отношениях к началу 90-х годов считались, во-первых, политические отношения между традиционными и новыми субъектами международного общения по поводу их действий в отношении друг друга, во-вторых, межсубъектные взаимодействия по поводу решения общемировых проблем, в-третьих, автономные свойства системы международных отношений в целом (качества общесистемного уровня).

Возникновение новой международно-политической реальности в 90-х годах привело к тому, что резко изменилось содержание общения между субъектами в международной системе. Не только новые субъекты общения, но и государства стали регулярно вступать в разноплановое взаимодействие между собой по поводу действий не только в отношении друг друга, но и своих внутривнутриполитических проблем. Более того, эта практика постепенно приобретала моральную, а затем частично и политическую легитимность.

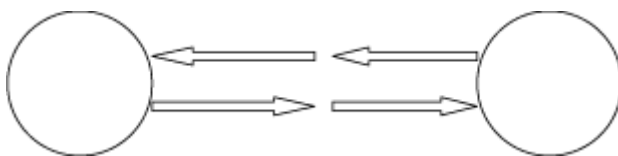
Конечно, можно возразить, резонно заметив, что попытки одних стран давать оценки внутренним процессам, имевшим место в других, оказывать на них влияние и даже прямо вмешиваться во внутренние дела зарубежных государств, происходили «чуть ли не века». В самом деле это так, но со времен вестфальских установлений вмешательство во внутренние дела все равно «в норме» считалось «незаконным» и допускалось как некое исключение, временное отступление от правил. Именно в этом смысле международная среда 90-х годов принесла радикальные перемены: вмешательство в дела других стран стало представляться как новая норма поведения – правило, которое с полной серьезностью стало претендовать на роль универсального, к тому же подкрепленного мощной военной силой такой организации, как НАТО. Почти все 90-е годы прошли под знаком легитимизации того, что с точки зрения вестфальских норм было ни чем иным, как нелегитимным вторжением в сферу исключительной внутренней компетенции суверенного государства. Суверенитет как принцип стал открыто, систематически в широких масштабах подвергаться сомнению на практике только в 90-х годах. И именно тогда он стал получать, хотя и не полное, но все же довольно широкое международное политико-правовое обоснование.

В 1992 г. руководители Российской Федерации и США подписали знаменитые Кэмп-Дэвидскую декларацию и Вашингтонскую хартию российско-американского партнерства и дружбы – дотолде немислимые документы, значительные части которых представляли собой разверну-

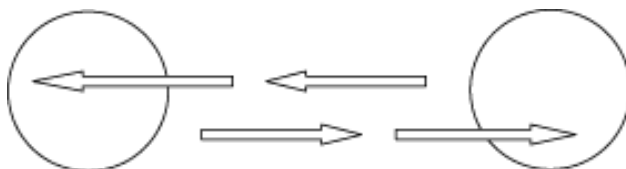
тые обязательства российской стороны проводить внутреннюю политику в соответствии с новыми политическими принципами (демократии и гарантии прав человека), сотрудничая в этих вопросах с США и другими зарубежными партнерами. Значимо было не то, что предметом обсуждения сторон стали вопросы внутренней жизни России (в неофициальном порядке подобные обсуждения происходили на советско-американских встречах не один раз), а то, что Москва де-факто признала подобную практику нормой международного общения.

Таким образом, наряду со сферой чисто внешнеполитического взаимодействия, объектом дипломатических переговоров стала внутренняя политика государств. Если прежде международные отношения представляли собой взаимодействие по «внешнему контуру» отношений, то в 90-х годах оно становилось взаимодействием «на всю глубину» политики государств. Методологически это и было «водоразделом».

Разом и радикально изменился предмет международного взаимодействия. Фактически родился новый объект изучения, значит, могла родиться и новая отрасль знания. Она и стала формироваться. Применительно к российской ситуации рождение науки о мировой политике можно датировать 1993 годом.

а) Взаимодействие акторов в традиционных международных отношениях. Импульсы взаимного влияния тормозятся на «внешнем контуре» отношений (взаимодействие внешних политик)

б) Взаимодействие акторов в мировой политике. Импульсы влияния беспрепятственно распространяются «по всей толще» внешней и внутренней политик субъектов.

Рис. 1. Графическое представление взаимодействия субъектов в традиционных международных отношениях (а) и в мировой политике (б)

5. *Тезис пятый.* Определение. Таким образом, если традиционные международные отношения – это преимущественно отношения между государствами по поводу их политики в отношении друг друга и общемировых проблем, то мировая политика – это сфера нерасчлененного взаимодействия между субъектами международных отношений по поводу как их действий в отношении друг друга и решения общемировых проблем, так и политики каждого из них в отношении собственных внутренних проблем и ситуаций.

При таком прочтении перестает казаться аномалией и «зависать» вне рациональных теоретических обоснований феномен гуманитарных интервенций. Они предстают как специфический метод регулирования, характерный и стремящийся стать универсальной нормой именно на этапе перерастания традиционных международных отношений в мирополитические.

Очевидно, что предмет исследования мировой политики гораздо обширнее, разнороднее и сложнее, чем тот, которым занимаются традиционные международные отношения. Но не означает ли это, что мировая политика, развившись в полномасштабную дисциплину, «поглотит» международные отношения? Вряд ли стоит полностью исключать такую перспективу. Вместе с тем ее убедительность вовсе не бесспорна. Она может зависеть от важных и трудно просчитываемых обстоятельств.

Главным из них пока представляется возникновение наряду с тенденцией к «преодолению суверенитета» своего рода контр-тенденции к его консолидации. Идея отмирания суверенитета, пассивно принятая было российской властью в 90-х годах, в начале 2000-х стала ею активно отвергаться. После американо-британской оккупации Ирака в 2003 г. президент В. Путин сделал по этому поводу ряд совершенно определенных заявлений в отрицательном смысле. Надо отметить, что такая позиция разделяется довольно большим кругом государств. Значит, слияние сфер внешней и внутренней политики государств вряд ли приобретет характер необоримой всеобщей тенденции, хотя оно будет характерным для отношений в довольно большом и, вероятно, возрастающем секторе политических отношений на планете.

Похоже, что в обозримой перспективе «отпочковавшаяся» от науки о международных отношениях мировая политика продолжит развиваться как близкородственная им субдисциплина, связанная и отчасти зависящая от традиционной науки о международных отношениях как в предмете исследования, так и (что существеннее), в методологии проверки достоверности постулатов.

6. *Тезис шестой.* Верификация. Скажем прямо, и традиционная наука о международных отношениях, и мировая политика в этом смысле уязвимы для критики. И все же в этом смысле «старая школа» международных отношений при всех ее слабостях (консерватизм, предубе-

ждение в отношении социологических школ анализа) обладает преимуществом.

7. Политическая социология, в значительной мере воспитавшая мирополитические исследования, инструмент проверки своих выводов не имеет. Ими служат опросы – своего рода замеры состояния политической среды. Если таковые проведены корректно, они способны более или менее достоверно подтвердить или опровергнуть аналитические заключения.

Старая историко-политическая наука о международных отношениях школы МГИМО-ИМЭМО использует в качестве инструмента верификации метод ретроспективного сопоставления. Он менее надежен, чем тот, которым может пользоваться социология. Но этот метод все же позволяет судить о правильности или неправильности выводов исследователей, хотя и по прошествии длительного времени. Ввиду этого систематически (минимум раз в 15 лет) возникает потребность в переосмыслении смысла и направленности международных тенденций.

Мировая политика в ее нынешнем виде и состоянии, тем более работая в рамках своего предметного поля изолированно от науки о международных отношениях, не имеет механизма верификации вовсе. Она практически не может пользоваться инструментарием социологов, чтобы проводить замеры состояния мирополитической среды в планетарном масштабе, но одновременно пропитана скепсисом по отношению к историко-политической школе.

7. *Тезис седьмой.* Предметный уровень. Если на уровне объектов исследования обеих дисциплин провести границу между ними относительно легко, то жестко «развести» их на уровне предметов исследования – сложнее.

Не повторяя устаревшие за минувшие годы предметные перечни ГОСТа Минобразования, представим в виде таблицы картину новых предметов «исключительного ведения» международных отношений и мировой политики, а также сферу их совместного предметного ведения.

Таблица 1

**Предметы исследования международных отношений
и мировой политики**

Международные отношения	Мировая политика	Предметы «общей компетенции»
1	2	3
Историко-политические аспекты МО	Социологические и политико-психологические аспекты МО	Философия и теория международных отношений

1	2	3
Контроль над вооружениями, вопросы распространения	Контроль над деятельностью международных криминальных сетей	Международные переговоры о борьбе с деятельностью криминальных сетей
Жесткая безопасность (Hard security)	Мягкая безопасность (Soft Security)	Внутренняя безопасность (Homeland Security) от транснациональных угроз
Межправительственные организации формального типа (ООН, НАТО, ОДКБ)	Международные организации неформального, в т.ч. сетевого типа («сетевой» антиглобализм, «Международная амнистия», «Гринпис»)	Международные организации переходного и смешанного типа («группа восьми»)
Межстрановая интеграция	Интегриские движения и НПО	Трансграничное сотрудничество всех форм
Межстрановое экологическое сотрудничество	Экологические движения	Экохолистика во всех проявлениях
Роль государств и межгосударственных организаций в разрешении конфликтов	Роль ТНК в вопросах развития	Глобальные аспекты проблемы разрыва в развитии
Унификация международных стандартов прав человека	Сравнительное правозащитное право (Comparative Human Rights Law)	Кодификация деятельности международных правозащитных институтов

Таблицу легко развернуть и в более пространную. Но даже приведенные сопоставления несомненно убеждают, с одной стороны, в наличии разных, уже кое в чем высокоспециализированных предметных полей у международных отношений и мировой политики, с другой – в очевидной взаимосвязанности и взаимозависимости предметов их ведения.

Вот почему оптимальным вариантом взаимоотношений науки о международных отношениях и мировой политики видится их равноположенное развитие как сопредельных субдисциплин в будущем и школ анализа сегодня. Каждое из ответвлений знания обладает своими несомненными преимуществами и очевидными слабостями.

Состоится или не состоится демо-империалистический мир, государства в лице всех его ведущих членов от США и Франции до Китая и России не собираются сдавать в нем свои позиции. Напротив, всемирная угроза сетевого терроризма и коррупция транснациональных финансовых сетей, отравленных наркоденьгами, могут самым неожиданным образом создать в мире стимул к союзу всех государств против всех криминализованных трансгосударственных сетевых субъектов, что вряд ли поведет к ослаблению «государствоцентризма» в международной системе. Это побуждает одновременно внимательнее и спокойнее относиться к трактовке перспектив развития, помимо прочего, и теории международных отношений.

***

Борения по проблематике мировой политики в России – отечественный феномен, связанный как относительной малочисленностью сообщества международных, так и с его излишней политизированностью. Мировая политика как субдисциплина пока что больше утверждается через ГОСты Министерства образования, чем через диалог мнений и серьезные научные труды, попытки применения которых для целей прикладного анализа сами по себе убедили бы массу читателей в бесспорности одних и несостоятельности других теоретических аргументов. Сложившаяся ситуация есть знак незавершенности становления школы исследований по теории международных отношений в России. Ускорить этот процесс – одна из задач этого рассуждения, которое его автор видит как не последнее, а второе слово в обсуждении, которое с выходом первой русской книги о мировой политике неформально началось, наконец, в нашей науке.

Печатается по: Богатуров А.Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. – Январь-апрель 2004. – Т. 2, № 1(4). Доступно on line: <http://www.intertrends.ru/four/002.htm>

Вопросы

1. В чем, по мнению автора, состоит основное отличие содержание термина «мировая политика» в зарубежной научной литературе?
2. В чем состоит основная проблема применения термина «мировая политика» в отечественной научной литературе?
3. Какие условия становления мировой политики называет автор?
4. Назовите общие вопросы, изучаемые в проблематике мировой политики и международных отношений.

Мировая политика и ее содержание

(с сокращениями)

Понятие «мировая политика» (далее – МПЛ) используется в политологической литературе недавно, но широко. Однако попытки определить его смысл по сравнению с понятием «международные отношения» носят редкий и незавершенный характер. Между тем, адекватное определение содержания «мировой политики» не только важно для понимания объекта соответствующей учебной и научной дисциплины, но и имеет практическое значение. Известно, например, что однозначность трактовки термина «международный терроризм» является важным условием успешной борьбы против его проявлений. Строгость интерпретации понятия «мировая политика» может способствовать правильной оценке того или иного политического события и выработке соответствующих форм реагирования на него.

Конечно, требование точности нельзя чрезмерно ужесточать. Такие социальные науки, как политология, страдают ограниченностью в том, что касается детерминированности наблюдаемых явлений и точности достигаемого знания. Поэтому дискуссии, сосуществование различных точек зрения в этой области – нормальное явление. Можно выделить три позиции, касающиеся соотношения мировой политики и международных отношений: а) противопоставление этих понятий, б) их отождествление, в) стремление избежать крайностей путем конкретного анализа международно-политических реалий, выявления новых тенденций и сопоставления последних с выводами теории и практикой исторического развития.

Как показывают дискуссии, наиболее распространенной является третья точка зрения, что не случайно. Проведение четкой границы между мировой политикой и международными отношениями в теории, равно как и отделение их друг от друга на практике, невозможно. Международные отношения – это взаимодействие и обмен деятельностью и ее результатами, который происходит между различными социальными субъектами (прежде всего государствами) в тех или иных сферах общественной жизни. Важнейшим критерием отличия международных отношений и процессов от внутриобщественных является пересечение ими территориальных границ. Результирующая и наиболее значимая сфера международных отношений – политическая, поэтому речь идет о международно-политических отношениях. В чем же состоит специфика мировой политики? Ответ предполагает: во-первых, рассмотрение различных позиций, касающихся ее происхождения и содержания; во-вторых, выяснение ее основных признаков и наиболее значимых тенденций; в-третьих, анализ противоречий МПЛ.

Одно из отличий мировой политики, составляющее элемент ее специфики, вытекает из того факта, что исторически она возникает позже международных отношений. Последние должны были пройти ряд этапов в развитии, достигнуть зрелости, приобрести характер системности. При этом речь идет не просто о том, что отношения между субъектами, пересекающие границы их территориальной принадлежности, приобретают черты определенной целостности, в рамках которой каждый субъект вынужден учитывать в своих действиях вероятные действия другого. Важнейшим условием становится степень общности такой системы. Понятие «мировая политика» (по определению) подчеркивает масштабность отражаемых им процессов – их общепланетарный, всеохватывающий характер.

Постоянный характер отношений между городами-государствами Древней Греции – обмен товарами, технологиями и идеями, элементы дипломатии, войны – формировал своеобразную международно-политическую систему уже в V в. до н.э. Однако первые шаги действительно планетарной политической системы, накладывающей отпечаток на всю международную жизнь, связаны с промышленной революцией рубежа XVIII–XIX веков, когда новейшие средства связи и транспорта сделали возможным распространение элементов социально-экономической модели капитализма на самые отдаленные уголки мира.

Парадокс в том, что в бесспорную политическую реальность МПЛ стала превращаться лишь в годы противостояния между СССР и США – раскола международной системы, когда соперничество за власть, влияние и авторитет приобрело не только глобальный, но и осознанный характер, когда оно стало опираться на идеологические основы. Именно в тот период обе стороны начали использовать для достижения своих целей все имеющиеся ресурсы, ясно понимая при этом, что при наличии ядерного оружия единственной и ненадежной гарантией от катастрофы является лишь понимание возможности взаимного уничтожения. В те годы перипетии «холодной войны» стали затрагивать судьбы самых разных народов.

Новые существенные черты МПЛ стала приобретать с возникновением самостоятельных постколониальных государств. Распад СССР и «социалистического лагеря» в 1990-х годах повлек за собой ускорение процессов глобализации. Массовое вторжение в сферу международных взаимодействий негосударственных акторов, резкий рост количества и усиление роли транснациональных корпораций в формировании всемирного рынка, распространение идеалов демократии и прав человека, возникновение конфликтов «нового поколения» и, наконец, появление и непрерывное расширение сферы действия Интернета – эти и сопутствующие феномены (которые объединяет такая черта, как легкость в преодолении национальных границ) стали основой для выводов о том, что в международно-политическом развитии наступил новый, миропо-

литический этап. В целом многообразие формирующихся в данной связи представлений вписывается в борьбу известных теоретических парадигм, характеризуя новейший (постклассический) этап их развития.

Одними из первых, кто сделал новые процессы предметом анализа, были представители либеральных взглядов. Джеймс Розенау уже в середине 1960-х гг. предположил, что в историческом развитии человечества происходят структурные изменения, влекущие за собой необычайно высокую степень взаимозависимости народов и обществ, коренные трансформации в международных отношениях. Главными акторами становятся не государства, а частные лица, вступающие в отношения друг с другом при его минимальном посредничестве или даже вопреки его воле. Позднее он облек этот вывод в метафорическую форму, заметив, что результатом изменений в сфере международных отношений становится образование так называемого международного континуума, символическими персонажами которого выступают турист и террорист. Трактовка Розенау, таким образом, кардинально отличалась от основного положения политического реализма, в столь же метафоричной форме выраженного Р. Ароном в начале 1960-х годов, согласно которому содержание международных отношений составляют межгосударственные взаимодействия, символизируемые в фигурах дипломата и солдата.

В конце 1960-х – начале 1970-х годов в науке возникло новое направление – транснационализм. Одними из первых критиков политического реализма с его позиций стали Джозеф Най и Роберт Кохейн. В 1971 г. под их редакцией вышло первое издание книги «Транснациональные отношения и мировая политика». В ней авторы стали различать МПЛ и международные взаимодействия, уподобляя первую разветвленной и многослойной паутине связей, соединяющей многочисленных и многообразных участников международных взаимодействий – многонациональные корпорации, транснациональные общественные движения, неправительственные международные организации (НПО), финансовые группы. Главное внимание уделялось анализу тех отношений, коалиций и взаимодействий, которые формировались вне зависимости от территориальных границ государства и находились за пределами контроля его центральных органов.

Транснационализм стал предтечей целенаправленного изучения глобализации. В 1990 году, опираясь на анализ глобальных процессов и одновременно сохраняя верность использованному им ранее подходу, Дж. Розенау уточнил свою мысль, отметив «раздвоение мира» на два взаимозависимых и одновременно непримиримых поля. С одной стороны, это межгосударственные взаимоотношения, определяемые «законами» классической дипломатии и стратегии; с другой – взаимодействие «акторов вне суверенитета», негосударственных участников. Новизну ситуации он характеризовал как «постмеждународную политику».

Наряду с терминами «мировая политика» и «постмеждународная политика» (сторонниками последнего наряду с Дж. Розенау выступают

Э.-О. Шемпел, Дж. Мэтьюз, Д. Месснер), представители либеральной парадигмы стали использовать и термин «новые международные отношения». Объединяет оба термина то, что, во-первых, все они подразумевают как новые, так и традиционные (межгосударственные) явления и процессы, а во-вторых, подчеркивают растущую роль международных институтов (МВФ, МБ, ВТО), НПО, предпринимательских структур и иных частных акторов. Они указывают на формирование сетей, ячейки которых объединены друг с другом нитями трансграничных связей и которые формируются помимо государств.

В рамках реалистской парадигмы идея мировой политики приобрела во многом отличные от описанных очертания. Основные подходы неклассических разновидностей политического реализма базируются на двух положениях: об определяющем влиянии характера международной системы и ее структуры на поведение государств (К. Уолтц) и о формировании международного общества государств, функционирующего на основе совместно выработанных норм (М. Уайт, Х. Булл). Постепенное расширение последнего за счет новых государств позволяет, по мысли Б. Бузана, создать глобальное, или мировое международное общество, члены которого будут руководствоваться в своих отношениях друг с другом сводом общих правил.

Сказанное не означает, что реалисты отказываются от тезиса о неизбежности международных конфликтов. Один из представителей постклассического реализма С. Хантингтон в 1993 г. выступил с идеей «столкновения цивилизаций». В соответствии с ней одной из важных особенностей МПЛ является возрастание роли цивилизаций – культурных сообществ, отличающихся друг от друга историей, языком, традициями, но более всего религией. Как считает Хантингтон, защищая собственные ценности, цивилизации стремятся к власти.

С точки зрения современных неомарксистов (С. Амин, И. Валлерстайн, Н. Герас, Р. Кокс, М. Рогальски и др.), главный вектор наблюдающихся в эпоху глобализации изменений связан с формированием глобальной мировой системы («мир-системы») многообразных экономик, государств, обществ, идеологий и культур. Основу изменений в «мир-системе» составляют трансформации, происходящие в «мир-экономике». Ее характерными чертами становятся: 1) всемирная организация производства, 2) рост значения транснациональных монополий, 3) интернационализация капитала и рынков продуктов производства при одновременной сегментации рынков труда, 4) стандартизация моделей потребления, 5) уменьшение возможностей государственного вмешательства в сферу финансов, 6) свобода спекулятивных трансфертов и т.п. Важнейшее последствие этих процессов – рост неравенства среди членов международной системы. Это лишает ее «периферийных» акторов (слаборазвитые государства и регионы) реальных шансов ликвидировать разрыв между ними и акторами, представляющими «центр» этой «мир-системы».

К началу 1990-х гг. политическая наука пришла к выводу, что международные отношения претерпевают крупнейшие трансформации, в результате которых меняются их основные параметры. На Западе существо этих изменений обозначают понятиями «постмеждународная политика», «новые международные отношения», «глобальная политика» и «мировая политика», которые используются как равнозначные по содержанию. В России за ними закрепляется термин «мировая политика». В отечественной политологии заметной становится тенденция анализировать наблюдаемые процессы этого рода как самостоятельное исследовательское поле. При этом многим авторам поначалу казалось, что «феномен» МПЛ «отменяет» традиционные международные отношения. В действительности все намного сложнее.

2

Если продолжить известную мысль А.Д. Богатурова о «признаках-симптомах» мировой политики, то в анализе МПЛ можно выделить две группы признаков. К первой относятся признаки-измерения, характеризующие ее статическое состояние. Вторая группа включает признаки-тенденции, относящиеся к динамике мирополитических процессов.

Рассматривая первую группу, следует обратить внимание на два обстоятельства, вытекающие из самой этимологии термина. Во-первых, как было сказано, термин «мировая политика» указывает на всеохватность обозначаемых им явлений и процессов. Речь идет прежде всего о том, что происходит на уровне глобального развития, о взаимном влиянии глобальных процессов и изменениях странового, локального и регионального характера. Это означает, что анализ мировой политики предполагает изучение особенностей регионального или субрегионального масштаба и их воздействие на общемировые процессы. Однако главное внимание обращается на формирование новой модели мира, важнейшей характеристикой которой стало усиление взаимозависимости.

Исторически возрастание взаимозависимости проходит несколько стадий. Стадия интернационализации предполагает распространение «национального» вовне. Ее примером является распространение по всему миру государственности, возникшей в присущих западноевропейской цивилизации социокультурных условиях и вытеснение ею всех иных форм политической организации. Стадия мондиализации, или «захвата национального» внешним миром (в качестве примера выступают последствия промышленной революции рубежа XVIII-XIX вв.), становится завершающим этапом интернационализации, означающим стирание расстояний и препятствий на ее пути. А современная стадия (или форма) взаимозависимости – глобализация – соединяет в себе признаки двух других, означая «смещение» национального и внешнего мира. Глобализация – это еще и сжатие времени, ставшее возможным вследствие развития информа-

ционных технологий. Именно глобальное измерение лежит в основе тех процессов, которые принято называть МПЛ.

Во-вторых, понятие «мировая политика» предполагает прежде всего обращение к конкретной сфере общественных отношений, в области и посредством которой ее участники стремятся реализовать свои интересы, цели и ценности путем либо убеждения и согласования, либо соперничества и обмена, либо угроз и насилия в отношении друг друга. Основным измерением МПЛ, которое должно приниматься во внимание, выступают отношения авторитета, силы, влияния и власти. И хотя в облике и структуре таких отношений происходят существенные трансформации, это не меняет того обстоятельства, что существо МПЛ, как и всякой политики, определяется ее властным измерением.

Принципиальное значение для понимания сущности МПЛ имеет структурное измерение. На авансцене мировой политики появились новые в количественном и качественном отношении акторы: множится число государств, международных институтов, неправительственных организаций, международных мафиозных структур и преступных группировок; увеличивается экономическая мощь и политический потенциал крупного бизнеса; интенсифицируются массовые миграционные потоки; усиливается воздействие крупнейших СМИ на сознание и поведение людей. При этом необычайно усложняются отношения между этими разнородными акторами, а также растут их возможности воздействовать на международную систему в своих интересах.

Указанные обстоятельства оказывают влияние и на системное измерение МПЛ. Это означает не только взаимовлияние происходящих здесь процессов, но и целостность МПЛ как феномена, специфика которого не сводится к особенностям составляющих процессов. Структурные особенности МПЛ характеризуют ее как систему, чувствительную к малейшим изменениям своих параметров. Это означает, что мы имеем дело с хаотичной системой. Ее эволюция может зависеть от самых незначительных изменений условий. Сегодня мир еще менее предсказуем, чем в прошедшем столетии, так как понять мотивы, интересы, цели новых транснациональных акторов (ТНА) нередко бывает очень трудно. Тем более, что технологический прогресс, информационно-коммуникационные технологии вооружают их новыми средствами, которые иногда оказываются более эффективными, чем традиционные средства государств. В результате причинно-следственные связи в МПЛ часто носят во многом случайный характер.

Глобализация способствует формированию и социального измерения МПЛ. Отныне ресурсы воспринимаются глобально – как огромные запасы, которые необходимо наилучшим образом распределить между всеми людьми планеты, как «общее достояние человечества». Возникает планетарное социальное пространство. Экономические и социальные

цели все больше приобретают общечеловеческое политическое значение. В конце XX – начале XXI вв. состоялось несколько саммитов, на которых обсуждалось состояние в таких областях, как окружающая среда и развитие (Рио де Жанейро, 1992), права человека (Вена, 1993), население и развитие (Каир, 1994), оргпреступность (Неаполь, 1994), социальное развитие (Копенгаген, 1995), положение женщин (Пекин, 1995), урбанизация (Стамбул, 1996), устойчивое развитие (Йоханнесбург, 2002). Сам факт участия в них представителей более 100 государств и частных движений подтверждает, что в условиях глобализации любой социальный вопрос является одновременно и вопросом мировой политики.

Еще один признак МПЛ представлен ее организационным измерением. Речь идет о глобальном мировом порядке. Сосредоточенный на разных уровнях многослойный конгломерат разнообразных политических субъектов (которые имеют как совпадающие, так и противоположные интересы, потребности и цели, обладают неодинаковым потенциалом, используют разные и зачастую неожиданные средства) формирует отличные от прежних образцы их взаимодействия. В любом случае новизна ситуации состоит в том, что традиционные правила, принципы и нормы мирорегулирования все чаще дают сбои, а новые находятся в процессе формирования. Иначе говоря, речь идет о переходном миропорядке. Здесь мы переходим к характеристике второй группы признаков МПЛ, связанных с тенденциями ее эволюции.

Наиболее заметные из признаков-тенденций МПЛ касаются взаимодействия внутренней и внешней политики, национального суверенитета, изменений в структуре властных отношений, мирорегулирования и формирования глобального гражданского общества.

Тенденция к стиранию границ между внешней и внутренней политикой вытекает из того, что процессы глобализации легко преодолевают государственные границы и способны повлиять на любую социальную общность в любом уголке мира. Результатом является проникновение ряда ТНА в сферы традиционной государственной деятельности. Независимо от того, выступают ли они соперниками государства или сотрудничают с ним, такое проникновение способствует становящемуся очевидным переплетению внутренней и внешней политик, а тем самым – усложнению общей картины политической жизни.

Рассматриваемая тенденция имеет две стороны. Во-первых, это феномен «внешне-внутренней политики», примером которой может служить наднациональная политика ЕС по отношению не только к государствам-членам, но и к отдельным их частям-регионам. Во-вторых, это феномен «внутри-внешней политики», пример которой дает субнациональная политика субъектов федеративного государства. В случае государственного актора она находит проявление в феноменах парадипло-

матии (дипломатии субнациональных акторов – параллельной по отношению к общегосударственной), микродипломатии (каждое министерство проводит свою дипломатию), а также горизонтальной и вертикальной сегментации и приватизации внешней политики (не только государственные ведомства, но и отдельные предприятия и фирмы проводят свою внешнюю политику). Как показывает канадский исследователь П. Сольдатов, следствием подобных процессов – в случае отсутствия координации региональной и федеральной политик – может стать дезинтеграция государства.

Одним из важных признаков МПЛ является тенденция к размыванию государственного суверенитета, происходящая вследствие возрастающей «проницаемости» межгосударственных границ и ослабления традиционных функций государства (особенно в сфере безопасности и социальной защиты). Рост влияния новых субъектов формирует новую ситуацию. Государство делегирует часть своего суверенитета «наверх» (в «общий котел» интеграционных объединений или международных организаций) или «вниз» (внутригосударственным регионам или межрегиональным объединениям). Оно также испытывает давление со стороны других – финансовых, экономических, социальных, политических – субъектов международных отношений. При этом государство часто не в состоянии достигать своих целей без поддержки институтов международного сотрудничества.

Однако, способствуя реализации интересов государств, международные организации не могут не оказывать влияния на их суверенитет. Они требуют внимания в том, что касается гарантий обороноспособности, контроля за добычей природных ресурсов, обеспечения общественного порядка, регулирования рынка и глобальных потоков (миграционных, транспортных и информационных). Защита индивидуальных свобод становится предметом регулирования международного права, переставая относиться исключительно к внутригосударственной компетенции.

Тенденция трансформации властных отношений в МПЛ связана с изменением критериев власти и силы. По мере изменения задач и поведения государств на международной арене происходит уменьшение роли их военной силы. В этом контексте все чаще используется понятие «power shift», означающее перераспределение силы во взаимодействии международных акторов: перемещение соперничества между ними из военной сферы в сферы экономики, финансов, культурной привлекательности, влияния и авторитета в международных институтах, в том числе и неправительственных организаций. Дж. Най называет эти невоенные аспекты МПЛ «мягкой силой» (soft power).

В целом феномен «power shift» оставляет межгосударственной системе меньше средств эффективного влияния на происходящие процессы. Новое значение приобретают краеугольные понятия, отражавшие

основы исторических типов международного порядка – «безопасность», «территориальная неприкосновенность», «государственный суверенитет», «лояльность власти». Все это нередко интерпретируется как кризис государства.

Наконец, эволюцию МПЛ характеризуют связанные друг с другом тенденции к глобальному регулированию и формированию глобального гражданского общества. Рост влияния международных институтов, переплетение внутренней и внешней политик, меняющаяся роль государства как политического актора – все это ведет к возрастанию единства мира. Развитие глобализации способствует образованию политических сетей, объединяющих государственные институты, гражданские общества и многообразные бизнес-структуры. Их представители во всех трех названных секторах заинтересованы в надежных формах регулирования мировых процессов. В позитивном плане эти изменения отражаются в метафоре «большой деревни» – возникновение всемирной экономики, общей культуры, универсальных ценностей и единой идентичности. В негативном – связаны с популярной метафорой «одной лодки», которая объясняет единство интересов человечества наличием общих угроз.

Это дает новые импульсы для структурированной мировой политики. Формируется всемирное «управление без правительства» (или в другой интерпретации – «global governance»), в котором принимает участие множество разнообразных ТНА, что благоприятствует возникновению глобального гражданского общества.

Указанные признаки МПЛ сложно разделить. Не менее трудно игнорировать их неоднозначность. Особенности тенденций МПЛ заключаются в том, что пока они не являются необратимыми, встречаясь на своем пути с контртенденциями, отступлениями, возвратом назад. Понятие «тенденция» предполагает движение в каком-то определенном направлении, но не обязательно означает непрерывный и прямолинейный процесс.

Печатается по: Цыганков П.А. Мировая политика и ее содержание // Международные процессы. – Январь-апрель 2004. – Т.2, №1(4). Доступно on line: <http://www.intertrends.ru/seventh/005.htm>

Вопросы

1. Почему в теории невозможно провести четкую границу между мировой политикой и международными отношениями?
2. В чем состоят наиболее существенные различия трактовки понятия «мировая политика» в отечественной и зарубежной научной литературе?
3. Какова роль глобализации в формировании мировой политики?

Темы 2–4. ОСНОВНЫЕ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ, ЛИБЕРАЛЬНО-ИДЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ, МАРКСИСТСКАЯ (СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ) ТЕОРИЯ

«Рациональная» теория политического реализма рассматривает МО, как и любой феномен, с точки зрения всякой политики, в т.ч. и международной, абстрагируя сферу политики от других областей социальных отношений. Исходный пункт теории реализма – человек, природа которого изначально не добродетельна. Люди «в естественном состоянии» – состоянии «войны всех против всех» равны от природы, в том числе и в возможности причинить вред друг другу. Правительство (правитель), таким образом, является воплощением единства и иерархии, власть которого не противоречит человеческой природе и является справедливой постольку, поскольку не противоречит разуму.

Государства на международной арене находятся в «естественном состоянии» то есть, как люди, в состоянии «войны всех против всех». Государства стремятся к обладанию еще большей силой и готовы ее применить (или угрожать ее применением), отстаивая свои интересы. Соображения безопасности приводят государства к необходимости постоянно наращивать силовой потенциал и следить за потенциалом возможных противников, чтобы избежать роли подчиненного (нарушения баланса сил, перевеса сил).

Возникновение школы неореализма связывают с публикацией книги К. Уолца «Теория международной политики» в 1979 г. Сам термин отражает стремление ряда американских исследователей (К. Уолца, Р. Гилпина, Д. Грико, Д. Миршаймера) исходить из целостности мира, из существования глобальной системы, а не отдельных государств, которые являются ее элементами. Поведение государств – «бильярдных шаров» объясняется свойствами «структуры» («бильярдного стола»), рамками которой ограничены государства.

Центральные понятия реализма: сила (угроза силы), стремление к обладанию силой, национальный интерес (безопасность), рациональное поведение, «естественное» состояние МО, баланс сил. Термины «добра» и «зла».

Либерально-идеалистическая теория. Исходный пункт теории – универсальные ценности и идеалы. Человек – «абсолютный гражданин своей личности и владений, равный самым великим людям и никому не подчиненный» (Дж. Локк). Люди «в естественном состоянии» – состоянии полной свободы и равенства – обладают естественными и неотъемлемыми правами человека: право на жизнь, свободу, владения (что и составляет собственность). Для всех без исключения действует закон

природы – общий для всех, присущий каждому от рождения, по которому «все человечество представляет собой одно сообщество, человеческий род, который в лучшем виде есть некое согласие» (Д. Алигьери).

Права человека в естественном состоянии не надежны, ему (его собственности) постоянно угрожает посягательство других. Потому люди объединяются в общество ради взаимного сохранения своих жизней, свобод и владений. Управление обществом происходит по воле большинства его представителей. Обязательным условием для сохранения собственности является действие закона – нормы справедливости, основанием которого стал закон природы. Такое понимание безопасности заложило основу традиции «мира через закон», а также основы понятия «коллективная» безопасность.

На международной арене право действовать имеет большинство, и это большинство – не обязательно должно состоять из глав государства, и может состоять даже из частных лиц, правительственных и неправительственных организаций. В 1980-х формируется теория неореализма (Р. Кохейн, Дж. С. Най, Х. Милнер и др.), основным понятием которой становится «комплексная» взаимозависимость (Р. Кохейн), сама собой заменившая идею коллективной безопасности. Новая идея не отрицает «классических». Напротив, глобальное взаимопроникновение международных процессов является еще одним доказательством будущего МО – мирового порядка, основанного на либеральной демократии и индивидуальных правах человека.

Центральные понятия: свобода (индивидуальная свобода), права человека, всеобщее законодательство, право-мораль, мир (человеческий род, «космополис»), «вечный мир», комплексная взаимозависимость, глобализация, падение роли государства.

Марксистская (социалистическая) теория. Исходный пункт теории классического марксизма – экономические отношения. Общество – совокупность социальных отношений – образовалось, когда люди вступили в товарно-денежные отношения (отношения обмена). Отрицательным результатом стало закрепощение и бесправие трудящегося человека, последовавшее за формированием пролетариата – особого сословия, ставшее результатом разложения всех сословий. Вместе с тем человек – высшее существо для человека. Следовательно, необходимо полное возрождение человека путем создания нового строя – строя социальной справедливости.

Последователи классического марксизма полагают, что, подобно тому, как в обществе есть два сословия положительные и отрицательные представители (сословие-паработитель и сословие-освободитель), на международной арене также действуют два социальных класса: всемирная буржуазия и мировой пролетариат. Международные отношения,

таким образом, имеют эксплуататорскую (империалистическую) природу и представляют собой борьбу этих двух классов.

Исходный пункт теории неомарксизма (С, Амин, И. Валлерстайн и др.) – «мир-система» и «мир-экономика». Акторами мира-системы, в котором выделяют центр, периферию и полупериферию (слаборазвитые государства и регионы) являются «государства-классы» и «регионы-классы». В современном мире происходит рост разрыва между центром и периферией, формирование несимметричной взаимозависимости в пользу США. Выход из сложившейся ситуации – антисистемный разрыв, способствующий освобождению от эксплуатации и установлению социализма во всем мире (о содержании понятий «периферия», «центр» и процессе глобализации см.: Шинковский М.Ю. Российский регион: становление политического режима в условиях глобализации: монография. – Владивосток, 2000. – С. 150–172).

Основные понятия и термины

Баланс сил – относительно равномерное распределение силового потенциала между возможными противниками.

Закономерности в МО проявляют себя как повторяемость, и имеют достаточно относительный характер, немногочисленны. Наиболее общими являются 5 закономерностей, сформулированных в рамках государственно-центристской парадигмы. В сфере МО действуют закономерности менее общего порядка – «временные правила» – хорошо систематизированные наблюдения и «рецепты», отражающие уровни менее общего порядка, чем совокупная история человечества: данной эпохи; данного географического региона; данного политического режима.

В сфере МО действуют так называемые **детерминирующие факторы**: национальный интерес и структура международной системы; взаимозависимость; мировая экономика. Относительно бесспорные закономерности, признаваемые всеми теориями МО: рост взаимозависимости, транснациональные отношения международного общества, необходимость международного права.

«Комплексная» взаимозависимость состоит в экономическом взаимопроникновении в смысле международной торговли и перетока капиталов (причина явления – интернационализация мировой экономики); в общей заинтересованности государств в предотвращении крупной ядерной войны; в общей заинтересованности в предотвращении экологической катастрофы (см.: Кеохейн Р.О. Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления; пер. с англ. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой; науч. ред. Е.Б. Шестопал. – М., 1999. – С. 438–450).

Либерализм (от лат. liberalis – свободный) – учение и общественно-политическое течение, рассматривающее политическую жизнь с точ-

ки зрения обеспечения приоритета, защиты и выражения прав личности, содержащее установку на обеспечение свободы личности и других гражданских и политических прав индивида.

Международные отношения в теории реализма – анархия, состояние «войны против всех» (в этой войне участвуют только государства). Международные отношения в либерально-идеалистической теории – отношения «обществ», т.е. различных объединений людей, протекающие по законам (нормам права и морали). Но эти отношения также представляют собой анархию, потому что каждое «общество» свободно в стремлении реализовать свои права. Международные отношения в теории марксизма – отношения в глобальной мировой системе, которые характеризуются борьбой мирового капитализма и международного рабочего класса. Международные отношения в теории неомарксизма – глобальная система многообразных экономик, государств, обществ, идеологий, культур.

Мир-экономика (или мировое хозяйство) – не столько сумма экономических отношений в мире, сколько система взаимодействия международных акторов, ведущую роль в которой играют экономически наиболее сильные из них (см.: Цыганков П.А. Теория международных отношений: учеб. пособие. – М., 2002. – С. 150). Основные черты современной мир-экономики: всемирная организация производства; рост значения транснациональных монополий в мировом хозяйстве; интернационализация капитала и рынков продуктов при одновременной сегментации рынка труда, стандартизации моделей потребления; уменьшение возможностей государственного вмешательства в сферу финансов и связанная с этим глобальная тенденция «финансизации» (высокие процентные ставки, «плавающие» обменные курсы, свобода спекулятивных трансфертов) и повсеместная приватизация.

Мир-система – общность с единой системой разделения труда и множественностью культурных систем. Отсюда логически следует, что могут существовать две разновидности такой системы – с общей политической системой и без нее. Мы можем описать их соответственно как мир-империю и как мир-экономику (Валлерстайн И. Система переживает коллапс. Режим доступа: <http://traditionallib.narod.ru/slovo/philos/polit/vallerst01.htm>). Определяющим культуры капиталистического мира-системы И. Валлерстайн называет либерализм.

Марксизм – целостное учение, созданное во второй половине XIX в. немецкими учеными К. Марксом и Ф. Энгельсом. Философско-историческая доктрина марксизма исходила из признания закономерного поэтапного движения общества от одной «общественно-экономической формации» к другой посредством социальных революций, совершаемых исторически передовым классом. Высшим типом общественно-экономической формации признавался «коммунизм», как форма

реализации рабочим классом своей исторической миссии. В качестве причины исторически-восходящего движения признавались изменения в способе производства, обмена и потребления материальных благ и сопровождавшая их классовая борьба.

Социализм (от лат. *socialis* – общественный) – 1) совокупность различных учений, проповедующих радикальное изменение хозяйственного правопорядка путем устранения частной собственности и свободной конкуренции. Социализм стремился к тому, чтобы подчинить частный интерес общей пользе, изъяв производство и распределение продуктов из ведения частного интереса, поставив на его место регламентацию. 2) общественный и государственный строй, приходящий на смену капитализму; первая фаза коммунизма; основной принцип социализма: «От каждого по способностям, каждому – по труду». При социализме власть принадлежит трудящимся, упразднена частная собственность на основные средства производства и господствует общественная, коллективная собственность в двух ее формах: общегосударственной и кооперативно-колхозной; ликвидированы эксплуататорские классы и причины, порождающие эксплуатацию человека человеком.

Структура – ряд ограничений, порождающих расхождение между намерением и результатом (К. Уолц). Структура – совокупность сдерживающих факторов, приводящих к расхождению между намерением и результатом (см.: Сандерс Д. Международные отношения: неореализм и неолиберализм // Политическая наука: новые направления; пер. с англ. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой; научный редактор Е.Б. Шестопал. – М., 1999. – С. 410-424).

Теория социальной истории. Основу марксистской теории социальной истории, помимо идеи развития, составила гипотеза, что развитие подчиняется неким объективным (т.е. зависящим от воли человека) закономерностям и потому проходит через ряд сменяющих друг друга неизменных для всех субъектов развития качественных этапов – формаций. Главным критерием и решающим признаком последней марксизм избрал способ производства, соответственно и формации назывались «социально-экономическими». Признавалась, однако, специфичность развития и проявлений одной и той же формации у разных народов. Каждая формация, в свою очередь, имеет собственные этапы (эпохи, периоды) развития, что определяет социально-историческое качество конкретных обществ как субъектов развития. По мере формационного перехода стран, народов, человечества от «низших» формаций и этапов к «высшим» должны меняться, развиваться и усложняться международные отношения.

Моргентау Г.

Ганс Моргентау (1904–1980) – профессор Чикагского университета, основатель теории политического реализма. Основные позиции политического реализма изложены Г. Моргентау в монографии «Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир», впервые изданной в 1948 г. Оригинал монографии: *Politics among nations. The Struggle for Power and Peace*. By HANS J. MORGENTHAU, professor of political science, the University of Chicago. Third Edition. Alfred. A. Knopf. New York, 1961, p. 3–15.

Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир

Целью данной книги является представление теории международной политики. Оценка этой теории должна носить не априорный, а эмпирический, прагматический характер. Другими словами, теория должна оцениваться не по каким-то абстрактным критериям, не имеющим отношений к реальности, а по ее назначению: внести некий порядок и смысл в массу рассматриваемых явлений, которые без этой теории оставались бы бессвязными и непонятными. Теория должна удовлетворять двум требованиям: эмпирическому и логическому. Соответствуют ли реальные факты их теоретической интерпретации, и вытекают ли те заключения, к которым приходит теория, из ее первоначальных посылок? Короче говоря, согласуется ли теория с фактами и является ли она последовательной?

Проблема, которую изучает эта теория, касается природы политики как таковой. История современной политической мысли – это история научной полемики между двумя школами, расходящимися в понимании природы человека, общества и политики. Представители одной из них считают, что может быть установлен рациональный и моральный политический порядок, основанный на универсальных и абстрактных принципах. Они верят в изначальную добродетельность человеческой природы и осуждают нынешний социальный порядок за его несовершенство. Свои надежды они возлагают на развитие образования, реформы и допускают лишь единичные случаи применения насилия для искоренения социальных недугов.

Последователи другой школы полагают, что мир несовершенен с рациональной точки зрения и является результатом действия тех сил, которые заложены в человеческой природе. Для современного мира характерно наличие противоположных интересов и, как следствие, конфликтов между ними. Моральные принципы никогда не могут быть полностью соблюдены, но к ним можно приблизиться через баланс интересов, который, тем не менее, всегда является временным. Эта школа

видит в системе сдержек и противовесов универсальный принцип существования всех плюралистических обществ. Она апеллирует к историческим прецедентам, а не к абстрактным принципам; ее целью является поиск «меньшего зла», а не абсолютного добра.

Теория, представленная здесь, получила название реалистической из-за своего интереса к реальному положению вещей, реальной человеческой природе, реальным историческим процессам. Каковы принципы политического реализма? Здесь не будет предпринято попытки полностью раскрывать философию политического реализма; она будет ограничена шестью основными принципами, суть которых часто понималась неправильно.

Шесть принципов политического реализма

1. С точки зрения политического реализма, политика, как и общество в целом, подчинена объективным законам, которые коренятся в человеческой природе. Для того чтобы усовершенствовать общество, надо вначале постичь законы, по которым оно живет. Действие этих законов не зависит от нас; любая попытка их изменения будет заканчиваться неудачей.

Реализм, признавая объективность законов политики, также признает возможность создания рациональной теории, которая описывала бы, хотя и не полно, эти законы. Такая теория должна основываться на реальных фактах, а не на субъективных суждениях, не имеющих ничего общего с действительностью и продиктованных предрассудками и неправильным пониманием политики.

Человеческая природа, в которой коренятся законы политики, не изменилась со времен их открытия философами Китая, Индии и Греции. Поэтому какие-либо нововведения в политической теории нельзя рассматривать как ее достоинство, а древность этой теории – как ее недостаток. Отклонять эту теорию лишь на том основании, что она была создана в далеком прошлом, значит опираться не на рациональные аргументы, а на модернистское предубеждение, признающее превосходство настоящего над прошлым. Рассматривать ее возрождение как моду или чью-то прихоть равносильно признанию того, что в вопросах политики не может быть истины, а имеют место только субъективные мнения.

С точки зрения политического реализма, теория должна устанавливать факты и интерпретировать их. Предполагается, что характер внешней политики может быть понят только через анализ политических действий и их возможных последствий. Однако простого анализа фактов недостаточно. Для того чтобы придать значение и смысл фактическому материалу, мы должны иметь некую теоретическую модель. Другими словами, мы ставим себя на место государственного деятеля, который должен столкнуться с определенной внешнеполитической проблемой

при определенных обстоятельствах, и спрашиваем себя, какими рациональными способами он может решить эту проблему в данных обстоятельствах (предполагая, что он всегда действует рационально), и какой из этих способов он скорее всего выберет. Проверая эти гипотезы, мы начинаем понимать смысл и значение явлений международной политики.

2. Ключевой категорией политического реализма является понятие интереса, определенного в терминах власти. Именно это понятие связывает между собой разум исследователя и явления международной политики. Именно оно определяет специфичность политической сферы, ее отличие от других сфер жизни, таких, как экономика (понимаемая в категориях интереса, определенного как богатство), этика, эстетика или религия. Без такого понятия теория политики, внутренней или внешней, была бы невозможна, поскольку в этом случае мы не смогли бы отделить политические явления от неполитических и внести хоть какую-то упорядоченность аполитическую среду.

Мы предполагаем, что политики думают и действуют с точки зрения интереса, определенного в терминах власти, и исторические примеры подтверждают это. Данное предположение позволяет нам предугадать и проследить действия политика. Мысля в терминах интереса, определенного как власть, мы рассуждаем так же, как и он, и как беспристрастные наблюдатели понимаем смысл его действий, может быть, лучше, чем он сам.

Понятие интереса, определенного в терминах власти, налагает на исследователя обязанность быть аккуратным в своей работе, вносит упорядоченность в множество политических явлений и тем самым делает возможным теоретическое осмысление политики. Политику оно позволяет действовать рационально и способствует проведению цельной внешней политики, не зависящей от его мотивов, предпочтений, профессиональных и моральных качеств.

Точка зрения, согласно которой ключом к пониманию внешней политики являются исключительно мотивы государственного деятеля, ошибочна. Ибо мотивация – это психологический феномен, при исследовании которого возможны искажения вследствие заинтересованности или эмоций как со стороны политика, так и со стороны исследователя. Действительно ли мы знаем, каковы наши мотивы? И что мы знаем о мотивах других людей?

Однако, даже если мы правильно понимаем мотивы государственного деятеля, это вряд ли поможет нам при исследовании внешней политики. Знание его мотивов может быть одним из ключей к пониманию общего направления его внешней политики, но оно не может помочь нам в предсказании его конкретных шагов на международной арене. В истории не существует примеров жесткой связи между характером мотивов и характером внешней политики.

Нельзя утверждать, что хорошие намерения политика ведут к моральной и успешной внешней политике. Анализируя его мотивы, мы можем сказать, что он не будет умышленно проводить аморальную политику, но мы не в состоянии определить вероятность ее успеха. Если мы действительно хотим понять моральные и политические особенности действий политика, то надо судить не по его мотивам, а по самим действиям. Как часто политики хотели улучшить мир, но делали только хуже? И как часто, стремясь достичь одной цели, они достигали совершенно иной?

Политика умиротворения Невилла Чемберлена была продиктована, насколько можно судить, хорошими мотивами. Он не искал личной власти, пытался сохранить мир и удовлетворить все заинтересованные стороны. Тем не менее эта политика способствовала началу второй мировой войны. С другой стороны, мотивы Уинстона Черчилля не были такими благородными и были направлены на достижение личной власти и силы нации, однако его внешняя политика была гораздо более моральной и успешной, чем у его предшественника. Если судить по мотивам, то Робеспьера можно назвать самым добродетельным человеком в истории. Однако утопический радикализм его добродетели, заставивший его убивать людей, в конце концов привел его на эшафот и покончил с революцией, лидером которой он был.

Хорошие мотивы предохраняют от намеренно «плохой» политики, но они не гарантируют нравственности и успешности политики, которую инициируют. Если мы действительно хотим понять суть внешней политики, то нас должны интересовать не мотивы государственного деятеля, а его способность постичь основы внешней политики и претворить это в успешные политические действия. Если этика принимает во внимание нравственность мотивов человека, то политическую теорию должны интересовать ум, воля и практические действия политика.

Теория политического реализма избегает также другой частой ошибки – выведения внешней политики из философских и политических взглядов лидеров государства. Конечно, политики, особенно в современных условиях, могут пытаться представлять свою внешнюю политику как проявление их мировоззренческих позиций в целях получения народной поддержки. При этом они будут всячески разграничивать свои «официальные обязанности», заключающиеся в отстаивании национальных интересов, и «личные интересы», направленные на распространение и навязывание их собственных моральных ценностей и политических принципов. Политический реализм признает значимость политических идеалов и моральных принципов, но он требует четкого разграничения между желаемым и возможным: желаемым везде и во все времена и возможным в данных конкретных условиях места и времени.

Стоит сказать, что не всякая внешняя политика следует рациональному, объективному курсу. Личные качества, предубеждения, субъективные предпочтения могут вызвать отклонения от рационального курса. Это особенно проявляется при демократических режимах, где необходимость заручиться поддержкой избирателей может отрицательно повлиять на рациональность внешней политики. Однако теория политического реализма должна абстрагироваться от иррациональных элементов и попытаться раскрыть рациональную суть внешней политики, не обращая внимания на случайные отклонения от нормы.

Отклонения от рациональности, не являющиеся результатом личной прихоти или психопатологии политического деятеля, могут показаться случайными, но могут быть и элементами общей иррациональной системы. Ведение Соединенными Штатами войны в Индокитае подтверждает такую возможность. Заслуживает внимания такой вопрос: способны ли психология и психиатрия дать нам инструментарий, который позволил бы создать некую теорию иррациональной политики, своего рода патологии международных отношений?

Опыт войны в Индокитае наводит на мысль, что такая теория должна включать пять моментов: упрощенную и априорную картину мира, основанную на субъективных взглядах; нежелание исправлять ее под влиянием обстоятельств; постоянство во внешней политике как результат неадекватного понимания реальности и стремление не адаптировать политику к реальной действительности, а объяснять реальность так, чтобы она соответствовала политике; эгоизм государственных деятелей, который увеличивает разрыв между политикой и реальностью; наконец, стремление ликвидировать этот разрыв путем неких действий, которые создают иллюзию власти над непокорной реальностью.

Различие между реальной внешней политикой и рациональной теорией такое же, как между фотографией и живописным портретом. Фотография отражает все, что доступно невооруженному глазу; на портрете нет всего, что видит невооруженный глаз, но он показывает или, по крайней мере, должен показывать то, что не может видеть вооруженный глаз: сущность изображаемого.

Политический реализм содержит не только теоретические аспекты, но и нормативный элемент. Он признает, что случайность и иррациональность присутствуют в политической реальности и оказывают влияние на внешнюю политику. Тем не менее, подобно любой другой социальной теории, политический реализм делает основной упор на рациональных элементах политической реальности, ибо именно эти рациональные элементы делают возможным ее теоретическое осмысление. Политический реализм предлагает теоретическую модель рациональной внешней политики, которая, однако, никогда не может быть реализована на практике в полной мере.

В то же время политический реализм полагает, что рациональная внешняя политика является наилучшей, так как только такая политика способна минимизировать риски и принести максимальные выгоды. Политический реализм стремится к тому, чтобы своего рода фотография политического мира как можно больше походила на его живописный портрет. Он утверждает, что внешняя политика должна быть рациональной с точки зрения своих моральных принципов и практических целей.

Конечно же, существуют аргументы против представленной здесь теории. Но надо учитывать, что целью данной работы является не описание всей политической реальности, а представление рациональной теории международной политики. Не отрицая того факта, что, например, идеальный баланс сил едва ли существует в реальности, эта теория предполагает, что внешняя политика может лучше всего быть изучена и оценена через ее приближение к идеальной системе баланса сил.

3. Политический реализм полагает, что понятие интереса, определенного в терминах власти, является объективной категорией, хотя сам интерес может и меняться. Тем не менее, понятие интереса раскрывает суть политики и не зависит от конкретных обстоятельств места и времени. Согласно Фукидиду, «общность интересов является наиболее прочным связующим звеном как между государствами, так и между индивидами». Эта мысль была поддержана в XIX в. лордом Соулсбери, по мнению которого, «единственная прочная связь» между государствами – это «отсутствие всякого конфликта интересов». Данный принцип был положен в основу деятельности правительства Джорджа Вашингтона, утверждавшего следующее:

«Реальная жизнь убеждает нас в том, что большинство людей руководствуется в ней своими интересами. Мотивы общественной морали могут иногда побуждать людей совершать поступки, идущие вразрез с их интересами, но они не в состоянии заставить человека соблюдать все обязанности и предписания, принятые в обществе. Очень немногие способны долгое время приносить в жертву личные интересы ради общего блага. В этом смысле не следует обвинять человеческую природу в развращенности. Во все времена люди руководствовались прежде всего своими интересами, и если мы хотим изменить это, то вначале надо изменить саму природу человека. Ни одно общество не будет прочным и процветающим, если не будет учитывать этого факта».

Подобная точка зрения нашла отражение в работах Макса Вебера: «Интересы (как материальные, так и духовные), а не идеи определяют действия людей. Тем не менее «представления о мире», созданные этими идеями, очень часто могут влиять на направление развития интересов»¹.

Однако тип интереса, определяющего политические действия в конкретный исторический период, зависит от политического и культурного контекста, в рамках которого формируется внешняя политика. Цели, преследуемые государством в его внешней политике, могут быть совершенно различными. То же самое относится и к понятию власти. Ее содержание и способ применения зависят от политической и культурной среды. Под властью понимается все то, что обеспечивает контроль одного человека над другим. Таким образом, она включает все виды социальных отношений, отвечающих этой цели, – от физического насилия до самых тонких психологических связей, позволяющих одному разуму контролировать другой.

Политический реализм не считает, что современная структура международных отношений, характеризующихся крайней нестабильностью, не может быть изменена. Баланс сил, например, является постоянным элементом плюралистических обществ и может действовать в условиях относительной стабильности и мирного конфликта, как в Соединенных Штатах. Если бы факторы, составляющие основу этих условий, можно было бы перенести на уровень международных отношений, то тем самым были бы созданы подобные условия для мира и стабильности между государствами, как это наблюдалось между некоторыми из них на протяжении длительных исторических периодов.

То, что справедливо для международных отношений в целом, справедливо и для отдельных государств как главных участников этих отношений. Главным критерием правильности внешней политики государства политический реализм считает отстаивание им своих национальных интересов. В то же время связь между национальным интересом и его носителем – государством является продуктом истории и поэтому со временем может исчезнуть. Политический реализм не отрицает того, что со временем национальные государства могут быть заменены некими образованиями принципиально иного характера, в большей степени отвечающими техническим возможностям и моральным требованиям будущего.

Для реалистического направления одним из важнейших вопросов изучения международной политики является вопрос о том, как может быть трансформирован современный мир. Реалисты убеждены, что подобная трансформация может быть осуществлена только путем искусственной манипуляции теми силами, которые влияют и будут влиять на политику. Но они не считают возможной трансформацию современного мирового порядка путем изменения политической реальности, функционирующей по своим законам, с помощью неких абстрактных идеалов, в которых эти законы не учитываются.

4. Политический реализм признает моральное значение политического действия. Он также признает неизбежное несоответствие между

моральным императивом и требованиями успешной политики. Не учет этого несоответствия мог бы внести путаницу в моральные и политические вопросы, представив политику более моральной, а моральный закон менее строгим, чем это есть на самом деле.

Реализм утверждает, что универсальные моральные принципы не могут быть приложимы к государственной деятельности в своей абстрактной формулировке и должны быть пропущены через конкретные обстоятельства места и времени. Индивид может сказать: «*Fiat justitia, pereat mundus* (Пусть гибнет мир, но торжествует закон)», но государство не имеет такого права. И индивид, и нация должны оценивать политические Действия на основе универсальных моральных принципов таких, как, например, свобода. Однако, если индивид обладает моральным правом принести себя в жертву этим моральным принципам, то нация не вправе ставить мораль выше требований успешной политики, которая сама по себе основана на моральном принципе выживания нации. Благоразумие, понимаемое как учет последствий политических действий, является составной частью политической морали и высшей добродетелью в политике. Этика судит о действии по его соответствию моральному закону; политическая этика судит о действии по его политическим последствиям.

5. Политический реализм отрицает тождество между моралью конкретной нации и универсальными моральными законами. Проводя различие между истиной и мнением, он разделяет также истину и идолопоклонство. Все нации испытывают соблазн – и лишь немногие могут противиться ему в течение долгого времени – представить свои собственные цели и действия как проявление универсальных моральных принципов. Одно дело знать, что нации являются субъектом морального закона, другое – утверждать, что хорошо и то плохо в отношениях между нациями. Существует несоответствие между верой в то, что все подчиняется воле Бога, и убежденностью в том, что Бог всегда на чьей-либо стороне.

Отождествление политических действий конкретного государства с волей Провидения не может быть оправдано с моральной точки зрения, ибо это, по сути, проявление такого греха, как гордыня, против которого греческие трагики и библейские пророки предупреждали как правителей, так и управляемых. Такое отождествление опасно и с политической точки зрения, так как оно может вызвать искаженный взгляд на международную политику и в конечном счете привести к тому, что государства будут стремиться полностью уничтожить друг друга якобы во имя моральных идеалов либо самого Господа.

С другой стороны, именно понятие интереса, определенного в терминах власти, не позволяет нам впадать как в указанные моральные крайности, так и в подобное политическое недомыслие. Действительно,

если мы рассматриваем все нации, включая и свою, как политические образования, преследующие свои интересы, определенные в терминах власти, то мы способны отдать справедливость всем: во-первых, мы способны судить о других нациях так же, как мы судим о своей; во-вторых, исходя из этого, мы можем проводить такую политику, которая уважает интересы других наций и в то же время защищает и продвигает интересы нашей собственной нации. Умеренность в политике является отражением умеренности морального суждения.

6. Таким образом, существует огромная разница между политическим реализмом и другими теоретическими школами. Однако сама теория политического реализма часто понимается и интерпретируется неправильно, хотя в ней нет противоречия между требованиями рациональности, с одной стороны, и моралью – с другой.

Политический реалист утверждает специфичность политической сферы, подобно тому как это делает экономист, юрист, этик. Он мыслит в терминах интереса, определенного как власть, подобно тому как экономист мыслит в категориях интереса, определенного как богатство, юрист – в категориях соответствия действия юридическим нормам, этик – в категориях соответствия действия моральным принципам. Экономист спрашивает: «Как эта политика влияет на богатство общества?». Юрист спрашивает: «Соответствует ли эта политика правилам закона?». Моралист спрашивает: «Соответствует ли эта политика нравственным принципам?». А политический реалист спрашивает: «Как эта политика влияет на мощь нации?» (Или федерального правительства, или Конгресса, или партии, или сельского хозяйства, – в зависимости от обстоятельств)

Политический реалист признает существование и важность неполитических феноменов, которые он, тем не менее, рассматривает с точки зрения политики. Он также признает, что и другие науки могут рассматривать политику под своим углом зрения. Здесь политический реализм расходится с легалистско-моралистским подходом к международным отношениям. То, что такой подход существует, подтверждается многочисленными историческими примерами. Приведем 3 из них.

В 1939 г. Советский Союз напал на Финляндию. Это поставило перед правительствами Франции и Великобритании два вопроса, один правовой, другой политический. Нарушил ли СССР статьи Договора об учреждении Лиги Наций, и если да, то какие ответные шаги могут быть предприняты? С правовой точки зрения, ответ утвердительный, ибо Советский Союз совершил то, что было запрещено в Договоре. Ответ на политический вопрос зависит, во-первых, от того, в какой степени были затронуты интересы Франции и Великобритании; во-вторых, от существовавшего тогда соотношения сил между Францией и Великобританией, с одной стороны, и Советским Союзом и другими потенциальными про-

тивниками – с другой; в-третьих, от того, как могли повлиять ответные шаги на интересы Франции и Великобритании и на будущее соотношение сил. Франция и Великобритания, как ведущие члены Лиги Наций, выступили за исключение Советского Союза из этой организации; и единственным, что предотвратило их вступление в войну на стороне Финляндии, было нежелание Швеции пропустить войска этих стран через свою территорию. Если бы не отказ Швеции, Франция и Великобритания вскоре могли бы оказаться в состоянии войны и с СССР, и с Германией одновременно.

Политика Франции и Великобритании была классическим примером легалистского подхода, который полностью обусловил их действия. Вместо того, чтобы рассматривать проблему с двух точек зрения: правовой и политической, они рассматривали ее только с точки зрения международного права. Принимая решение, они не учитывали тот факт, что от этого, может быть, зависит само их существование как независимых государств.

Второй пример демонстрирует моралистский подход в международной политике. Он касается статуса коммунистического правительства Китая. Его появление поставило перед Западом два вопроса: моральный и политический. Соответствует ли природа и политика этого режима моральным принципам западного мира? Нужно ли Западу иметь с ним дело? Ответ на первый вопрос не может не быть отрицательным. Однако из этого не следует, что ответ на второй вопрос также должен быть отрицательным. При ответе на первый – моральный – вопрос нужно было просто проанализировать сущность и политику коммунистического руководства Китая на предмет их соответствия западным моральным принципам. Этот анализ вполне мог привести к заключению, что не следует признавать коммунистическое правительство Китая. Ответ же на второй – политический – вопрос требовал сложного анализа интересов вовлеченных сторон и соотношения сил между ними, а также последствий того или иного решения западных государств. Однако лидеры Запада проигнорировали политический анализ проблемы и предпочли рассматривать ее только с моральной точки зрения, что можно назвать классическим примером моралистского подхода в международной политике.

Третий пример демонстрирует разницу между реализмом и легалистско-моралистским подходом во внешней политике. Великобритания как один из гарантов нейтралитета Бельгии, объявила войну Германии в августе 1914 г. после того, как последняя нарушила бельгийский нейтралитет. Действия Великобритании могли быть оправданы либо с реалистической, либо с легалистско-моралистской точки зрения. С позиции реализма, долгое время аксиомой британской внешней политики было недопущение контроля за малыми государствами со стороны враждеб-

ных держав. С этой точки зрения, Великобританию заставило вступить в войну не столько нарушение суверенитета Бельгии, сколько ее собственные интересы. Если бы нейтралитет Бельгии был нарушен не Германией, а каким-либо другим государством, то Великобритания вполне могла бы воздержаться от вмешательства. Такой позиции придерживался тогдашний британский министр иностранных дел Эдвард Грей. Но была и другая позиция, отражающая легалистско-моралистский подход. Согласно ей вмешательство Великобритании могло быть оправдано тем, что нарушение суверенитета Бельгии уже само по себе, независимо от чьих-либо интересов, противоречило нормам международного права и морали. Такой позиции придерживался, например, Теодор Рузвельт. Политический реалист говорит о специфичности политической сферы, но это не означает отрицания важности других сфер общественной жизни. Политический реализм основывается на плюралистическом понимании природы человека. Реальный человек состоит из «экономического человека», «политического человека», «этического человека», «религиозного человека» и т. д. Человек, являющийся только «политическим человеком», подобен животному, ибо он не ограничен никакими моральными рамками. Человек, являющийся только «моральным человеком», подобен глупцу, ибо он лишен благоразумия. Человек, являющийся только «религиозным человеком», подобен святому, ибо он не испытывает никаких земных желаний.

Признавая существование различных аспектов человеческой природы, политический реализм считает, что при изучении каждого из них необходим свой подход. Например, если мы хотим изучить религиозный аспект, нам необходимо использовать подходящий для религиозной сферы понятийный аппарат, при этом помня о существовании других сфер жизни и, следовательно, других стандартов мышления. То же самое касается и других аспектов человеческой природы и сфер жизни<...>

Естественно, что теория политики, основанная на таких принципах, не получит безоговорочного одобрения, как не получит ее и внешняя политика, базирующаяся на этой теории. Ибо и эта теория, и эта политика противоречат двум тенденциям в нашей культуре. Одна из них – стремление умалить роль власти в обществе – основывается на гуманистической философии XIX в. Другая – противостоящая гуманистической теории и практике политики, основывается на самой связи между человеческим разумом и политикой. По причинам, которые мы затронем позже, человеческое сознание не в состоянии объективно рассматривать явления политической реальности. Оно должно скрывать, искажать и приукрашивать политическую реальность; и чем в большей степени человек вовлечен в политику, особенно международную, тем в большей степени это проявляется. Ибо только вводя себя в заблуждение относительно природы политики и роли, которую он играет на полити-

ческой сцене, человек способен получать удовольствие от политической деятельности.

Таким образом, политическому реалисту неизбежно надо преодолеть некий психологический барьер, с которым не знакомы другие отрасли знания. Поэтому теория политического реализма нуждается в специальном объяснении и оправдании.

Вопросы

1. Что является основой закона в политике? Почему применительно к политике допустим термин «закон»?

2. Как вы понимаете формулировку Г. Моргентау «мысля в терминах интереса, определенного как власть»?

3. Какую роль реализм отводит принципам морали в международных отношениях? Почему реалисты не опираются в своих суждениях на принципы моралью конкретной нации?

Най Джозеф

«Мягкая» сила и американо-европейские отношения

Приведен отрывок из статьи, написанной для журнала «Свободная мысль-XXI» бывшим зам. министра обороны в первой администрации Б. Клинтона, а ныне – руководителем гарвардской Школы государственного управления им. Дж. Ф. Кеннеди профессором Дж. Наем-младшим. Выпускник престижного Принстонского университета и преподаватель Гарварда с 40-летним стажем, он по праву считается одним из наиболее известных специалистов по проблемам международных отношений. Перу профессора Дж. Ная, члена Американской академии искусств и наук и Дипломатической академии США, принадлежат 13 книг, и среди них — «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power» (1990), «Governance in a Globalizing World» (2000), «The Paradox of American Power» (2002) и «Soft Power» (2004), в которых затронуты наиболее актуальные вопросы современного мирового порядка.

<...>

«Мягкая» сила — это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек. Американской истории известны выдающиеся примеры такого рода: это «четыре свободы для Европы» Франклина Рузвельта в конце второй мировой войны; молодежь за «железным занавесом», слушающая американскую музыку и новости по радио «Свободная Европа» и «Голос Америки» во время «холодной войны»; китайские студенты, сооружающие модель статуи Свободы на площади Тяньаньмэнь во время массовых протестов; освобожденные в 2001 году афганцы, немед-

ленно попросившие предоставить экземпляр Библия о правах; молодые иранцы, смотрящие запрещенные американские видеофильмы и передачи спутникового телевидения вопреки запретам теократического правительства. Когда ты можешь побудить других возжелать того же, чего хочешь сам, тебе дешевле обходятся кнуты и пряники, необходимые, чтобы двинуть людей в нужном направлении. Соблазн всегда эффективнее принуждения, а такие ценности, как демократия, права человека и индивидуальные возможности, глубоко соблазнительны. Но влечение может обернуться и отвращением, если в политике чувствуется надменность или лицемерие.

«Жесткая» сила, или «жесткое» могущество, – это способность к принуждению, обусловленная военной и экономической мощью страны. Мягкое могущество возникает, когда страна привлекает своей культурой, политическими идеалами и программами. Жесткая сила не теряет ключевого значения в мире, где государства стремятся оградить свою независимость, а внесоциальные группы, такие, как террористические организации, готовы прибегать к насилию. Но мягкая сила обретает все большее значение для сужения круга новых сторонников терроризма, а также для решения вопросов, требующих многостороннего сотрудничества.

Мягкая сила, которой Америка обладала в отношении Европы, была подорвана в 2003 году. В период подготовки к войне с Ираком опросы показывали, что поддержка Соединенных Штатов в большинстве европейских стран сократилась в среднем на 30 процентов. После войны неблагоприятное представление о США сложилось почти в двух третях из 19 стран, где проводились обследования. У большинства из тех, кто разделял подобные представления, они ассоциировались с политикой администрации Дж. Буша-мл., а не с Америкой как таковой. Однако на общенациональных выборах в ряде европейских стран отношения с США стали одним из самых острых вопросов.

Война в Ираке – не первый случай, когда спорный курс в сфере безопасности заставил американский имидж в других странах потускнеть. В Европе можно отметить четыре таких периода: после Суэцкого кризиса 1956 года; во время движения за запрет атомного оружия в конце 1950-х – начале 1960-х (в основном это коснулось Англии и Франции); во время войны во Вьетнаме в конце 1960-х – начале 1970-х; в период размещения в Европе ядерных ракет средней дальности в начале 1980-х. Согласно опросам журнала «Ньюсуик», в 1983 году до 40 процентов респондентов во Франции, Англии и Германии не одобряли американскую политику. В то же время большинство граждан всех этих стран с симпатией отзывалось об американском народе.

Непопулярная политика самым жестоким образом подрывает американскую «мягкую» силу. Имидж Соединенных Штатов складывается из многих элементов, и его привлекательность обуславливается различ-

ными причинами. Одни из них связаны с культурой, другие – с внутренней политикой и национальными ценностями, третьи – с содержанием, тактикой и стилем внешней политики. Все эти три компонента важны, но содержание [внешней] политики и ее стиль наиболее подвижны и наиболее подвержены контролю правительства.

Привлекательность США зависит и от ценностей, находящих свое отражение в существе и стиле внешней политики. Все государства преследуют собственные национальные интересы во внешней политике, но разница в том, насколько широко или узко мы определяем эти интересы, а также в том, какие средства используем для их достижения. В конце концов «мягкое» могущество проявляется в привлечении других к сотрудничеству без угроз и поощрений; следовательно, отчасти оно зависит от того, как мы формулируем наши цели. Политику, основанную на всеобъемлющих и перспективных целях, легче сделать привлекательной для других, чем имеющую узкий и близорукий характер.

Политика с большей вероятностью будет привлекательной, если она базируется на ценностях, разделяемых другими. Так, благодаря дальновидному курсу, в ходе которого был реализован план Маршалла, европейцы с радостью приняли американское лидерство. Однако Blossing в этом лидерстве «мягкая» сила Соединенных Штатов подкреплялась также и значительным совпадением американских и европейских ценностей.

Но если в той или иной стране восхищаются американскими ценностями, это не означает, что ее народ должен имитировать пути, какими американцы воплощают их в жизнь. Несмотря на неоспоримую привлекательность американской свободы слова, такие страны, как, например, Германия, имеют за плечами историю, которая заставляет их запрещать проявления ненависти, не наказуемые в Америке благодаря Первой поправке [к Конституции США]. Многим европейцам нравится приверженность Америки свободе, но у себя дома они отдают предпочтение политике, сдерживающей неолиберальный индивидуализм в экономике и насыщенной большей заботой об обществе. После окончания «холодной войны» две трети чехов, поляков, венгров и болгар считали, что Соединенные Штаты оказали благотворное влияние на их страны, однако менее четверти населения этих стран хотело «импортировать» американскую экономическую модель.

Третий источник «мягкого» могущества – это культурная привлекательность. Политический эффект массовой культуры – не новость. Голландский историк Роб Кроес указывает, что плакаты, выпускавшиеся пароходными компаниями и эмиграционными обществами в Европе в XIX веке, задолго до потребительской революции XX столетия создали представления об американском Западе как символе свободы. Молодые европейцы мужали и строили исполненный смысла мир, который

многое заимствовал у Америки. Кроес утверждает, что в 1944 году коммерческая реклама, в которой содержались ссылки на провозглашенные Франклином Рузвельтом «четыре свободы» и развивались соответствующие идеи, имела значение урока по основам гражданственности. Поколение за поколением, молодежь в самых разных европейских странах – и к западу, и к востоку от «железного занавеса» – открывала для себя новые культурные альтернативы. Простые вещи, вроде синих джинсов, кока-колы или определенной марки сигарет, давали возможность молодому поколению выразить собственное «Я».

Такое воздействие массовой культуры помогло Соединенным Штатам добиться успеха в достижении, по крайней мере, двух важных целей. Одна из них – это демократическая реконструкция Европы после второй мировой войны. План Маршалла и создание НАТО стали важнейшими инструментами поддержания экономического и военного лидерства, служившего движению в этом направлении. Но и массовая культура была важным элементом мягкой гегемонии. Австрийский историк Рейнгольд Вагнлейтнер указывает, что быстрая адаптация многих европейцев к американской поп-культуре после второй мировой войны впрыснула молодую энергию и в [«высокую»] культуру послевоенной Европы, поскольку охотно усваивались такие простые принципы, как свобода, легкость, жизнерадостность, либерализм, современность и юношеский задор. Доллары, инвестированные в рамках плана Маршалла, были важны для достижения американских целей в реконструкции Европы, но не менее важными были и идеи, привнесенные с американской массовой культурой.

Из среднестатистических оценок по десяти европейским странам, где опросы проводились в 2002 году, видно, что две трети респондентов одобрительно относились к американской массовой культуре и американским успехам в науке и технике, но всего лишь одна треть высказывалась в пользу распространения американских идей и обычаев в их стране. И это не так уж ново. В 1980-х общественное мнение четырех крупнейших европейских стран благосклонно оценивало состояние американской экономики, а также систему американского правопорядка, религиозных свобод и разнообразия в искусстве. В то же время менее половины опрошенных англичан, немцев и испанцев рассматривали американскую модель [общественного устройства] как желательную для своих стран. То, как Америка ведет дела у себя дома, может улучшать ее имидж и способствовать восприятию ее легитимности, а это, в свою очередь, может содействовать продвижению ее внешнеполитических целей.

Структурные проблемы

<...> «Мягкая» сила Европы. Европа выступает наиболее серьезным конкурентом Соединенных Штатов с точки зрения «мягкой» силы. Европейское искусство, литература, музыка, дизайн, мода и кухня из-

давно воспринимаются в мире с доброжелательным интересом. Многие страны Европы обладают сильной культурной притягательностью: из десяти наиболее широко распространенных в мире языков половину составляют европейские. Испанский и португальский связывают Пиренейский полуостров с Латинской Америкой, английский является общепринятым в обширном Британском содружестве, а представители почти 50 стран собираются на встречах, где их объединяет французский язык.

Европа в целом впечатляет своими «мягкими» ресурсами:

– Франция занимает первое место по числу Нобелевских премий в области литературы;

– Великобритания находится на первом, Германия – на втором месте в списке стран, где стремятся найти убежище беженцы и эмигранты;

– Франция, Германия, Италия и Великобритания превосходят США по средней продолжительности предстоящей жизни своих граждан;

– почти все европейские государства направляют на помощь развивающимся странам большую часть своего ВВП, чем Соединенные Штаты;

– хотя Великобритания и Франция намного меньше Америки, они расходуют на публичную дипломатию примерно столько же средств, сколько и США.

Ни одно европейское государство в отдельности не может соперничать с Соединенными Штатами по своим масштабам, но Европа в целом обладает таким же по объему рынком и даже несколько большим населением. А объединение Европы само по себе несет большой заряд «мягкой» силы. То, что война сейчас немыслима между странами, ожесточенно сражавшимися между собой на протяжении столетий, что вся Европа стала зоной мира и процветания, создает ей позитивный имидж повсюду в мире.

Один из показателей усиления «мягкого» могущества Европейского Союза – в растущей популярности точки зрения, согласно которой он выступает позитивной силой в решении глобальных проблем. Сразу вслед за войной в Ираке жители Центральной Европы и Турции дали ЕС более высокие оценки, чем Соединенным Штатам, за его вклад в решение самых разных проблем – от борьбы с терроризмом до сокращения бедности и защиты окружающей среды. Несмотря на то, что правительства многих стран Центральной Европы поддержали военные действия, которыми руководили США, общественность этих стран считала роль ЕС во многих аспектах более позитивной.

Конечно, в Европе по-прежнему имеется ряд проблем, что показали и разногласия по Ираку. Она выступает единым фронтом в сфере торговли, в валютной и сельскохозяйственной политике, все чаще – в области прав человека и уголовного права. Европа идет к более сильной конституции, согласно которой будет учрежден пост президента и министра иностранных дел, но в случае разногласий внешняя и оборонная

политика останутся фактически за национальными правительствами. Деньги и пушки – традиционные козыри жесткой государственной власти – остаются в основном за странами-членами.

Далее. Бюрократические препоны и негибкость рынка труда – при наличии неблагоприятных демографических тенденций – сдерживают темпы экономического роста. Если не произойдет изменений, к 2050 году средний возраст населения США составит 35 лет, а стран ЕС – 52 года. Имея население, которое не только стареет, но и сокращается по численности, Европа будет вынуждена либо принимать все больше иммигрантов (что политически затруднительно), либо смириться с ослаблением своего влияния на мировую политику.

В то же время многие аспекты внутренней политики, реализуемой в Европе, привлекают молодую часть населения современных демократических стран. Позиции по вопросу о смертной казни, по контролю за оружием, по изменению климата и по правам гомосексуалистов – вот лишь некоторые факторы, укрепляющие «мягкую» силу Европы.

Многое из сказанного выше относится и к экономической политике: хотя зачастую успехи американской экономики оцениваются высоко, далеко не во всем мире ее считают моделью для своих стран. Некоторые предпочитают европейский подход, в условиях которого правительство играет большую роль в экономике, чем в США. Правительственные расходы (а следовательно, и налоги) составляют в Европе примерно половину ВВП, тогда как в Америке – около одной трети. В Европе мощнее система социального обеспечения и профсоюзы, а рынок труда более регламентирован. В американской культурной традиции, отразившейся и в законах о банкротстве и финансовых структурах, больше заботы о предприимчивости, чем в Европе, зато многие европейцы осуждают неравенство и незащищенность как цену, которую приходится платить в Америке, где главным образом полагаются на рыночные силы.

Помимо привлекательности своей культуры и внутренней политики, Европа черпает «мягкую» силу и в сфере внешней политики, поскольку ее действия часто служат благу всего человечества. Разумеется, не все подходы европейцев одинаково дальновидны, о чем свидетельствует, например, единая сельскохозяйственная политика, своим протекционизмом наносящая ущерб фермерам в бедных странах. В то же время позиция Европы по проблемам глобальных климатических изменений, международного права и соблюдения прав человека является одной из наиболее авторитетных. На долю Европы приходится 70% общемирового объема средств, направляемых на помощь беднейшим странам, что в 4 раза превышает вклад Америки. Европа не гнушается трудной работой по строительству государственных структур в «третьем мире», от которой воздерживаются США при нынешней администрации.

По сравнению с американцами, в последние годы европейцы более уверенно стали использовать для достижения своих целей международные организации. Это отчасти обусловлено опытом строительства Европейского Союза, отчасти отражает своекорыстный интерес, заключающийся в создании системы сдержек единственной мировой сверхдержавы. В любом случае склонность Европы к многосторонности, каковы бы ни были ее мотивы, в мире, где унилатерализм подвергается все более острой критике, делает ее политику привлекательной для многих других стран.

Европейцы способны использовать многосторонние институты с целью ограничения «мягкого» владычества Америки. Это, в частности, проявилось в том, что Франция и Германия сумели воспрепятствовать стремлениям США добиться второй резолюции Совета Безопасности ООН к началу войны в Ираке. Соединенным Штатам эта война обошлась дороже, чем могла бы обойтись, если бы они эффективно использовали свою «мягкую» силу, в том числе и на этапе умиротворения и реконструкции Ирака.

Европейцы направляют значительные средства на развитие своей публичной дипломатии, особенно в области налаживания международных культурных контактов. Франция стоит на первом месте, расходуя 17 долларов [в год] на душу населения, что в четыре раза больше, чем у занимающей второе место Канады, за которой идут Великобритания и Швеция. Для сравнения: расходы Государственного департамента США на финансирование международных культурных программ составляют лишь 65 центов на душу населения в год. Кроме того, европейские страны настойчиво наращивают прием иностранных студентов в свои колледжи и университеты.

«Мягкая» сила Европы может использоваться как противовес американской, делая односторонние акции США дороже, но может и подкреплять американскую «мягкую» силу, облегчая достижение Соединенными Штатами своих целей. «Мягкое» влияние вполне можно использовать совместно и скоординированно. Приверженность Европы демократии и соблюдению прав человека помогает продвижению ценностей, которые разделяются Америкой и обуславливают цели и задачи ее внешней политики.

Многие европейцы понимают, что многосторонняя дипломатия возможна и без многополюсного баланса военных сил, и были бы рады разделить с США их «мягкое» могущество при условии, что Америка перейдет к внешней политике, предполагающей большее сотрудничество. Наращивание европейского «мягкого» могущества пойдет в актив или в пассив для США лишь в зависимости от самой американской политики и от того выбора, который сделают Соединенные Штаты.

<...> Заключение. Некоторые аналитики предрекают, что США и Европа идут по пути раздоров и конфликта. Я настроен не столь пессимистически. Споры – да. Развод – нет. Во-первых, новые угрозы со стороны международного терроризма потребуют сотрудничества. Невозможно победить терроризм вне взаимодействия с другими странами. Несмотря на разногласия по Ираку, Европа и Соединенные Штаты смогли наладить сотрудничество в сфере антитеррористических мер.

Экономические интересы также играют консолидирующую роль. Если посмотреть на атлантическую экономику с точки зрения прямых иностранных инвестиций, то, несмотря на неизбежные торговые споры, видно, что она остается высокоинтегрированной. Но что еще более важно, несмотря на определенные различия ценностей, нет в мире двух других регионов, население которых столь глубоко привержено принципам демократии, индивидуальной свободы и защиты прав человека. Р. Кейган, переосмысливая свои аргументы, в заключении к своей книге написал, что, будучи демократическим государством, США нуждаются в легитимизации своей внешней политики. Вопреки точке зрения приверженцев «новой односторонности», считающих американскую демократию «оправдывающей самое себя», опросы общественного мнения показывают, что на самом деле американцы жаждут одобрения со стороны других демократий. А Европа еще долгое время будет оставаться домом для большинства таких демократий

Печатается по: Най Дж. «Мягкая» сила и американско-европейские отношения // Свободная мысль-XXI. – 2004. – №10. Доступно on line: http://ihtik.lib.ru/politolog_28may2006/

Вопросы

1. Объясните суть понятия «мягкая сила». В чем состоит «мягкая сила» Америки?
2. Чем «мягкая сила» Европы отличается от «мягкой силы» США?
3. Почему Европа редко использует «жесткую силу»? Приведите пример жесткой силовой политики Европы.

Валлерстайн И.

Иммануил Валлерстайн – директор центра Фернана Броделя по изучению экономики, исторической системы и цивилизаций в Университете Бингемтона (США).

Приводится интервью Валлерстайна, в котором он рассказывает о контурах сегодняшней мирохозяйственной системы и перспективах ее развития.

Система переживает коллапс

– *Мировая экономика переживает сегодня далеко не лучшие времена. Как вы считаете, это циклический или системный кризис?*

– Все зависит от того, говорим мы о шести месяцах, пяти или двадцати годах. Мы должны быть осторожными, когда говорим о кризисе. Очевидно, что фондовый рынок испытывает трудности вот уже около года.

– *Продолжится ли это?*

– Да, обязательно. У нас в США был спекулятивный пузырь, а он всегда лопается. Сколько осталось до конца и насколько ощутимо это скажется на мировой экономике, я не знаю. Я думаю, что вопрос не в том, пойдет рынок вверх или вниз, а в том, какова точная экономическая динамика стран триады Западная Европа–США–Япония.

Поскольку мировая экономика глубоко интегрирована, они будут идти вверх или вниз более или менее вместе, но некоторые страны могут падать быстрее других, а некоторые – расти быстрее других. Если же вы спрашиваете меня, что случится в следующие десять-двадцать лет, я скажу две вещи.

Во-первых, региональные рынки будут значительно изолированы друг от друга (более изолированы, чем прежде), что является следствием общего кризиса системы. И рынки будут более «дикими».

Во-вторых, следующие десять лет Япония и Европа скорее всего будут показывать лучшие результаты, чем США.

Это, казалось бы, противоречит большинству аналитических работ, авторы которых склоняются к тому, что США развиваются лучше, и это было верно в относительно короткий период времени с 1994-го по 2000 год. Но, я думаю, люди, анализирующие рынок, часто делают это на коротких отрезках.

Мы помним, что Джордж Буш проиграл выборы в 1992 году потому, что американский рынок развивался очень плохо. Еще в 1994–1995 годах все обсуждали, как потребители в США опасались тратить деньги. Так что спекулятивный пузырь просуществовал очень недолго, принес некоторым людям много денег, но я не думаю, что в США это повторится. Странники неолиберализма преуспели, но они лишь чуть-чуть снизили издержки, они не вернули их на уровень двадцати-тридцатилетней давности. Будет новая волна роста издержек.

– *Значит ли это, что мы приближаемся к общему кризису мировой экономической системы?*

– Вы хотите написать об этом в двух параграфах?

Это длинная история. В основе назревающего системного кризиса лежит кризис аккумуляции капитала. У него есть три элемента. 1) Предприниматели делают деньги на максимизации разницы между ценой

производства и ценой продажи. 2) Цена, по которой они продают, определяется законом рынка, а не производителями, она вне их контроля. 3) Производители могут контролировать свои издержки, которые делятся на три типа: стоимость рабочей силы, затраты на входе и налоговые затраты.

Последние четыреста лет все эти затраты растут. Они растут не поступательно, а скачками: вверх, потом вниз, но никогда не возвращаются на прежний уровень. Это затронуло всю экономику и все виды производств. Стоимость трудовых ресурсов выросла, потому что произошло политическое усиление рабочей силы. Производитель снижает издержки, уходя из дорогих районов. Но ведь это подразумевает, что есть места, где люди будут работать за меньшие деньги, а районов с преобладанием сельского населения почти не осталось. Теперь бежать некуда, и издержки растут.

То же самое с затратами на входе. Вы можете сократить их, если не платите по счетам. Как вы можете не платить по счетам? Вы выносите стоимости, минимизируете внешние издержки за счет перекалывания их на внешнюю среду. Вы переезжаете туда, где вы можете свободно сбрасывать отходы и получать ресурсы на месте. Сегодня мы исчерпали такие возможности. Поэтому появилось движение за экологию. Единственное решение – включить издержки в стоимость, и она растет.

Налогообложение растет во всем мире. Растет неизбежно, широко, массово, из-за демократизации мира, которая приводит к общественному давлению, требованиям медобслуживания, образования и гарантии пожизненных доходов.

Конечно, неолиберализм пытается дать ответ на все эти вызовы: сократить налогообложение, затраты на входе и стоимость рабочей силы. Его сторонники преуспели, но они лишь чуть-чуть снизили эти издержки, а не вернули их на уровень двадцати-тридцатилетней давности. Будет новая волна роста.

Мы подошли к такому моменту, когда аккумуляция капитала и предпринимательство оказываются слабо связаны друг с другом. Теперь мы достигли некоего предела, размер издержек слишком быстро подбирался к цене продажи. Это значит, что объем капитала, который вы аккумулируете, уменьшается. Это и есть структурный кризис аккумуляции капитала.

Мы подошли к такому моменту, когда аккумуляция капитала и предпринимательство оказываются очень слабо связаны друг с другом. Можно аккумулировать капитал, но не быть предпринимателем, и наоборот: быть предпринимателем и не аккумулировать капитал.

– *Смерть капитализма будет естественной?*

– Естественной – да, ведь его основной причиной являются внутренние противоречия, но спокойной – нет. Будут конвульсии.

– В чем это будет выражаться?

– Например, в торговом протекционизме. Потом начнутся политические конвульсии, люди будут пытаться установить новые виды систем вместо действующих сегодня. Не обязательно противоположные им.

У нас будут крупные политические столкновения. Мы уже их наблюдаем. Но через десять-двадцать лет они будут гораздо серьезнее. Хотя и те, что были, не прошли бесследно. Сиэтльская демонстрация остановила попытки ВТО проводить определенную политику. Были предотвращены попытки ввести правила, которые усилят гарантии собственности.

– Можно провести какие-то параллели между тем, как раньше снимались противоречия, возникавшие в ходе развития капиталистической системы, и тем, что происходит в настоящее время?

– В девятнадцатом веке центристский либерализм был обеспокоен опасными классами. Опасные классы – это те, кто беспокоил людей, владеющих капиталом, правивших или принимавших решения. Тогда это были пролетарии в индустриальных обществах – в Британии, Франции, Германии и США. И была придумана стратегия, как справиться с этой проблемой. У нее было два центральных элемента.

Первый – мало-помалу дать избирательное право. Сначала дать право голоса небольшой группе людей. Затем, учитывая их бедность, постепенно снижать имущественный ценз, возрастные ограничения. Сначала голосовать могут только мужчины, затем и женщины.

Аргумент был следующим: если включить их в этот процесс, ничего страшного не произойдет. Они будут счастливы иметь избирательное право и не станут делать того, о чем говорил Бернштейн, – голосовать за социализм. Будут небольшие уступки, и все. Это снимет злость.

Второй элемент стратегии, который появляется несколько позже, – дать им «небольшой кусочек пирога». Давайте не снижать зарплату слишком сильно. Пусть она будет на уровне, который потом назовут государством всеобщего благосостояния. Будет страхование, немного поднимутся зарплаты, появится пенсия. Это будет не так уж дорого стоить. Если дать им государство благосостояния и право голоса, они не будут столь революционно настроенными.

На деле это была великолепная и удачная политика. С 1850-го по 1914 год революционных настроений в среде западных пролетариев практически не было. Подтверждением служит знаменитое решение времен войны – создание Второго интернационала. Он собрался за день до начала войны в Европе. Там была принята резолюция о том, что никто не будет голосовать в поддержку войны, потому что это буржуазная война и рабочие в ней не заинтересованы. Двумя днями позже они все проголосовали за военные действия – в Англии, Германии, Австрии, Италии, везде. Они все поставили национальный интерес перед классовым чувством.

То же самое произошло и в России после революции: лозунг о построении социализма в отдельно взятой стране и восстановлении империи вытеснили цели и лозунги мировой пролетарской революции.

Либеральная концепция сработала. Она ликвидировала революционные настроения опасных классов Европы. Проблема, однако, состояла в том, что в начале века появились новые опасные классы. Это были простые люди в остальном мире, не в Западной Европе, а в Америке, Азии, на Ближнем Востоке, в России, в Восточной Европе. И эти люди неожиданно стали требовать равенства и более справедливого распределения мировых благ. Не случайно внимание большевиков в свое время переключилось с развитых стран, где пролетариат оказался глух к революционным призывам, на страны колониальные. Либеральные центристские силы мировой системы неожиданно осознали эту новую проблему – символом этого был Вудро Вильсон. И попытались использовать ту же стратегию.

Вудро Вильсон известен своей речью о демократии в мире, за право наций на самоопределение – это был ключевой лозунг того периода. В принципе проблема стояла так: «один человек – один голос», а в том, что касается нации, это звучало как «одна нация – один голос».

Это означало, что каждое государство будет независимым, получит суверенитет, а люди – свои политические права. Идея состояла в том, что если сделать это в отношении стран, которые колонизированы, наполовину колонизированы или не признаны, они отреагируют так же, как и пролетарии, когда они получили определенное послабление. Будут потери, но не столь драматичные, и они не изменят мир.

Так что от Вильсона, а также, несколько позже, Рузвельта мы получили идею общемирового эквивалента государства благоденствия, который именуют свободой выбора, четвертым пунктом Трумэна, экономическим развитием недоразвитых наций и так далее. Это было своего рода распространение концепции государства благоденствия. Это стоило не так уж много денег, но должно было развеять революционные настроения.

– В какой-то мере это похоже на то, что происходит сегодня.

– Не берусь точно определять, но полагаю, что, скорее, Япония и США объединятся против Западной Европы.

– Но ведь с обострением кризиса противостояние может развиваться не только «по вертикали», между богатыми и бедными, но и «по горизонтали», между конкурирующими центрами системы. Как в связи с назревшими противоречиями может измениться положение ведущих стран в ближайшие десятилетия?

– США пока сильнейшая держава в мире, но это увядающая держава. Я не думаю, что США реально готовы использовать свои вооруженные силы в серьезном конфликте, потому что население не готово пла-

тить деньги или потерять множество жизней для решения каких бы то ни было проблем. Второе, США – это экономическая супердержава, но она переживает спад. А в следующие тридцать лет одним из главных факторов, определяющих положение держав, будет экономическая конкуренция.

Есть простая теория, одна из фундаментальных основ социологии, которая гласит: двусторонние связи разрушают трехсторонние.

Если у вас есть три стороны, противостоящие друг другу, скажем, Западная Европа–США–Япония, то двум сторонам всегда имеет смысл объединить усилия. Вопрос только в том, каким двум сторонам объединиться против третьей. Я не берусь сказать точно, но полагаю, что это, скорее, Япония и США против Западной Европы, чем какая-либо другая комбинация.

Далее, в следующие тридцать лет на этот процесс будут влиять два ведущих игрока – Россия и Китай. Потому что у них есть армия, территория и население. Их развитие повлияет на то, как Япония и США будут противостоять Западной Европе. Я считаю, что в конце концов Китай заключит союз с США и Японией, хотя сегодня это и не так.

Это в свою очередь оставляет Россию и Западную Европу в изоляции. Им придется быть вместе, и кто знает, что они предложат друг другу. Россия может предложить две вещи. Во-первых, дешевую рабочую силу. Это важно, поскольку США это предлагает Китай. В этом смысле Европе может быть интересна и Индия. Во-вторых, у вас все еще есть армия. Вы предлагаете это Западной Европе, а она предлагает вам сильное партнерство против США и Китая.

Другой важный геополитический вопрос – столкновение Севера и Юга. Тут Россия не является главным игроком. Главного игрока вы почувствуете по тому, что происходит на Кавказе.

Трудно представить, что США и Европа разойдутся в разные стороны<...> Вероятно, в конце концов Китай заключит союз с США и Японией, хотя сегодня это и не так. Многие скажут, что США ближе к Европе, чем к Японии, потому что у них близкая культура.

Посмотрим внимательнее. До 1945 года США были за младшего, а Европа за старшего. Когда во время второй мировой я пошел в старшие классы школы в Нью-Йорке, то должен был прослушать курс английской литературы. Я не прочел ни одного слова американских писателей. Они не были включены в школьную программу.

После 1945 года США набирают силу, а Европа теряет веру в себя, ей это не нравится. Прошло пятьдесят лет, и один европеец (не француз) сказал: мы не спорим, это культурное превосходство, но не вмешательство. У них лучше жизнь, но у нас нет консьюмеризма.

Вы знаете, есть длинный список того, что не так в культуре США и что делает Германию, Францию, Бельгию более высокими культурами.

Это чувство очень сильно в Европе, в каких-то странах сильнее, чем в других, но оно есть везде. Что делать?

Допустим, часть фильмов должны быть французскими – это не очень эффективный путь. Самый эффективный – это разделить и сказать: вы – США, мы – Европа, и теперь у нас будет своя политика, армия. Если это не нравится, пусть не нравится. Но с культурной точки зрения ситуация противоположная, чем в случае с Японией. Потому что там мы ничего не делим.

Вторая проблема. Япония – это эквивалент Германии, это не эквивалент Западной Европы. Германия и Япония имеют одинаковую политическую проблему, внутреннюю и внешнюю, – они проиграли вторую мировую войну. И есть антимиитаризм, они не хотят, чтобы их армия выглядела очень сильной. Германия решила эту проблему, это Европейский союз.

У Японии нет своей Франции. США необходимы Японии как военный союзник. Кроме того, Японии нужна от США еще одна вещь. Если вы обратитесь к экономической истории мира, то увидите, что все доминирующие державы обладали огромной интеллектуальной силой и соответствующими институтами.

В 1940–1950-х годах Британия обгоняла США по числу изобретений. США для Японии такой же напарник. Япония пользуется некоторыми навыками и разработками. Европе это не требуется, там идет взаимный обмен.

И, в-третьих, Япония не может самостоятельно справиться с Китаем. Она должна сдерживать Китай, но он слишком энергичен и велик. При этом Китай и США имеют интересную историю отношений, потому что двести лет назад наиболее способные миссионеры из США посылались в Китай и Японию, второй уровень посылался в Индию, третий – в Африку.

В 1820 году корабли выходили из Новой Англии в Китай. В 1900-м США выступают за политику открытых дверей в Китае, против всех держав Европы, потому что они хотят торговать с Китаем. Во время второй мировой связь была очень сильной в военном и эмоциональном отношении.

– В союз США и Китая после недавних событий верится с еще большим трудом, чем в разрыв между Европой и Америкой.

– Да, США пережили охлаждение отношений с Китаем. Однако то, что произошло, – это не катастрофа, это не навсегда.

Для меня было удивительно, какой путь Америка и Китай прошли от Никсона до состояния тесных отношений, наблюдавшихся несколько лет назад. И вот вновь раздражение. Да, часть консерваторов толкает к конфронтации с Китаем. Но любой серьезный анализ показывает, значительная часть даже республиканской партии и бизнесменов говорят: мы хотим вести бизнес с Китаем. Это экономическое будущее, наши рабо-

чие места, мы хотим Китай. Японии тоже нужен Китай. Поладить с Китаем без США ей не удастся. Потом есть Корея, которая хочет объединиться, это мощная экономика, энергичное население, так что ситуация очень сложная. Я считаю, что никакие субкомбинации не сработают. Поэтому мы будем все вместе. И поэтому Европа не с нами. Она хочет сильную армию, Евро-союз. Я не думаю, что Россия захочет, чтобы Европа шла вперед без нее, потому что это означает появление враждебных сил у ее границ. Если не будет сделки между Россией и Западной Европой, тогда европейцы инкорпорируют все страны, вплоть до Украины. Так что у вас есть геополитические причины, чтобы договориться.

Можно вернуться в эпоху Горбачева, к идее общеевропейского дома, – почти забытая тема. Однако она нравилась и во Франции, и в Германии. Она нравилась даже Тэтчер, чего я никогда не мог понять. Так что такая модель возможна.

Что касается Германии и Франции, то их задача – инкорпорировать Польшу, Чехию и другие страны. Но это создает для них большие проблемы, поскольку требует огромного количества средств. Португалия, Испания, Италия очень недовольны, поскольку в процессе интеграции потеряют деньги. Они хотят двухуровневую структуру, внутреннюю и внешнюю Европу. Я не думаю, что это им удастся. Но если речь пойдет о принятии России, тогда иметь внутреннюю и внешнюю Европу возможно, поэтому полякам, чехам и так далее эта идея не нравится. Они знают, какими будут последствия.

Скорее всего, в Европе за такое развитие событий (двухуровневую Европу) будут ратовать не все, сложится некоторый баланс интересов. Ведь в Северной Европе, в Нидерландах, Скандинавии, Великобритании и Германии, есть группы, которым не нравится Южная Европа, а нравятся США. Но в целом Соединенные Штаты утратили свой основной инструмент контроля за Европой. В какой-то мере США проиграли холодную войну, потому что распался СССР. Советский Союз был абсолютно необходим.

Единственное политическое оружие, которое было у США против Западной Европы, – холодная война. Это позволяло держать Западную Европу в узде в течение двадцати-двадцати пяти лет. Иначе Европа вела бы себя по-другому. Как только СССР рухнул, США утратили этот инструмент. Никто не понимает этого лучше, чем Буш. Вы видите, как ведет себя новая администрация, она пытается повторять старые лозунги: Россия плохая, Китай плохой. И если Европа на это не реагирует, они пытаются решить проблемы наскоком, что только ухудшает отношения США и Западной Европы. Отличие администрации Клинтона от администрации Буша в том, что первые воспринимали наличие определенных политических ограничений, а эта администрация не очень-то их признает, во всяком случае пока. Это аукнется.

Есть еще один фактор, который вступит в игру, – это определенная самоизоляция Америки. Американская изоляция всегда проявлялась в усилении проазиатских и антиевропейских настроений. Ухудшение отношений с Европой всегда сопровождалось высказываниями, что будут выстраиваться отношения с Китаем и Японией. Это было во времена Маккарти, когда он выступал против вмешательства в Европу.

– *А что придет на смену капитализму, чем его заместить?*

– Я не знаю, чем заместить капитализм, если он рухнет по структурным причинам. Это открытый вопрос. Я ничего не предсказываю. Я лишь говорю, что система переживает коллапс и идет борьба за то, что придет ей на смену.

Печатается по: Валлерстайн И. Система переживает коллапс. Режим доступа: <http://traditionallib.narod.ru/slovo/philos/polit/vallerst01.htm> (электронный журнал «Точка перехода»)

Вопросы

1. Что лежит в основе кризиса мировой экономической системы?
2. Каким образом удавалось избегать противоречий капиталистической системы в XIX веке?
3. Какие аргументы использует автор, доказывая будущий разрыв отношений между США и Европой?

Амин С.

Самир Амин, египтянин по происхождению – один из выдающихся мыслителей мирового сообщества, специализирующийся на вопросах, касающихся стран Третьего мира и их развития. Он изучал экономику и политологию в Париже и написал более 30 книг, большая часть которых переведена на многие языки. В конце 50-х годов он работал в Министерстве экономики Египта, затем – в качестве советника правительства Мали. В 1970 г. он стал президентом «Форума Третьего мира» в Дакаре. С середины 90-х Самир Амин – президент «Международного форума альтернатив», который является «конкурентом» Международного экономического форума в Давосе.

Интервью посвящено проблемам глобализации и капитализма, отсутствия в настоящее время реальной альтернативы и экономической подоплеку войны с Ираком.

Интервью о глобализации

В своей интеллектуальной деятельности в течение 40 лет Вы стараетесь проводить критический анализ вопросов глобализации. Как

Вы оцениваете современный период истории? Кажется ли он Вам столь же пессимистическим, каким он кажется другим?

Амин: В настоящее время мир переживает трудный этап, так называемый этап глобализации, которая начиналась перед распадом Советского Союза, в основном – в конце 70-х – начале 80-х годов. Это был период, когда Президент США Рональд Рейган и Премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер отбросили те традиции капитализма, которые сформировались в период после Второй мировой войны. Предшествующую эру для Запада в целом можно считать эрой исторического компромисса между трудом и капиталом, на основании которого было создано государство всеобщего благоденствия. Это ознаменовалось обрамлением капитализма законодательными рамками, законодательным регулированием рынка, позволившим рабочему классу в целом получать выгоду от развития производства. Фаза глобализации началась с призыва к отмене этих рамок, необходимой для установления нового либерального порядка, основанного на абсолютном господстве капитала.

К причинам, которые позволили этому случиться, относятся крах Советского Союза и социалистической системы, прогресс, происходящий в Китае, а также конец экстенсивной фазы развития национальных государств. «Новый либеральный порядок», или новая глобализация, основывается в первую очередь на пренебрежении социальным аспектом процесса экономического развития, как по отношению к капиталистическим, так и к развивающимся странам. Таким образом, все аспекты социальной и политической жизни стали подчиняться одному, абсолютному критерию: выгоде для капитала. Помимо всего прочего, были отменены законы, регулирующие некоторые области, например, организацию труда, внешнюю торговлю.

Что Вы скажете о своем утверждении, что глобализация – не новое явление?

Амин: Глобализация стара как мир. Она существовала до современной эпохи. Достаточно взглянуть на распространение мировых религий – Христианства и Ислама. Это – не что иное, как другие формы глобализации в другие эпохи. Современная капиталистическая глобализация приводит к поляризации на международном уровне. Мир, таким образом, делится на центры влияния и подчиненную им периферию.

Современная капиталистическая глобализация прошла много стадий. Одну из них можно назвать классической стадией, которая началась в середине XIX столетия в связи с промышленной революцией в Европе, Северной Америке и Японии и проявилась впоследствии в «колониальном» империализме. Модель колониальной глобализации стала изменяться после Второй мировой войны по мере распространения национально-освободительных движений и индустриализацией в некото-

рых странах Третьего мира. В этой связи стоит упомянуть, что индустриализация таких стран не стала следствием самого по себе рыночного механизма, а была обусловлена победой национально-освободительных движений, принесшей индустриализацию в районы «периферии». Исторически продолжительность этого периода не превысила 30 лет. Развал Советского Союза позволил капиталу победить на всех фронтах и на всех уровнях международных отношений, в том числе в отношениях с национальными государствами и социалистическими странами.

Формирование Всемирной торговой организации является одним из важнейших проявлений господства капитала в мировом масштабе. Значение этой организации существенно выше, чем значение Международного валютного фонда и Всемирного банка, поскольку она является некой разновидностью клуба огромных транснациональных компаний, которые диктуют свои условия всем партиям, как в бывших социалистических республиках, так и в развивающихся странах.

Но в чем же состоит реальная альтернатива? Разве не хватает интеллектуального потенциала, чтобы найти реальные альтернативы?

Амин: Конечно, найти альтернативы – это проблема. Тем не менее, я испытываю оптимизм, поскольку принципиальные альтернативы достаточно ясны. Люди нуждаются в прогрессе в трех дополняющих друг друга областях:

Во-первых – дальнейшая демократизация, т.е. демократизация общества, а не только политической администрации, признание не только политического и идеологического плюрализма, но и социальных прав людей.

Во-вторых – стремление к социальному прогрессу, т.е. отказ от взгляда на социальный аспект как на что-то вторичное, подчиненное выгоде капитала. Между экономическим и социальным прогрессом должна быть корреляция.

В-третьих – признание прав национальностей и их форм самоопределения. Следует признать, что в настоящее время существует взаимозависимость между неравными элементами, а значит, справедливость не может быть достигнута в условиях отсутствия законодательного регулирования и открытия рынков лишь для сильных.

В чем природа взаимоотношений между демократией и глобализацией, являются ли они партнерами или конкурентами?

Амин: Отношения между капиталистической демократией и глобализацией скорее противоречивые, чем партнерские. На предыдущей стадии такие противоречия касались скорее формы, чем содержания. Таким образом, развивалась и во многих регионах получила признание многопартийность. Результаты выборов перестали фальсифицироваться в той степени, как это было раньше, но этот небольшой прогресс на пути демократизации не сопровождался аналогичным прогрессом в соци-

альной области. Социальные проблемы, напротив, обострились. Демократия пережила спад. Стало рушиться то законодательство, на которое она опиралась. Новый либерализм отменил ранее существовавшее законодательство, надеясь, что это приведет к процветанию, увеличит темпы роста и облегчит решение социальных проблем. Однако результаты оказались прямо противоположными. Вслед за этим мы вступили в стадию «милитаризации глобализации» из-за того, что капитал оказался не в состоянии осуществлять абсолютный контроль, не используя военные средства. Это открыло дверь американскому господству.

По-моему, Америка гораздо сильнее в военном плане, чем в экономическом. Рассмотрим баланс американской внешней торговли в производственном секторе, исключая финансовый сектор, например, в традиционной отрасли – тяжелой промышленности, или в таких отраслях, которые развивались в эру Форда – автомобильной промышленности и т.д., или же даже в области современной промышленности, основанной на информационной технологии и генетике. Мы видим, что баланс американской торговли склоняется в сторону дефицита уже в течение последних 20 лет, а не только в годы правления Джорджа Буша-младшего.

Это означает, что США, по сравнению с Западной Европой, Японией и некоторыми крупными странами Латинской Америки, не испытывает экономического подъема ни в «традиционных», ни в новых отраслях промышленности. Соединенные Штаты пытаются компенсировать провалы в экономической области своими военными возможностями. С целью осуществления этого плана уже подготовлено поле первой атаки – регион, простирающийся от Балкан до Среднего Востока и Средней Азии, включая и мусульманские страны.

Это является причиной войны в Ираке?

Амин: Как я уже говорил, США выбрали этот регион для первой атаки для того, чтобы воспрепятствовать процессу становления своих возможных конкурентов – супердержав – Европы, России, Китая и Индии. Америка стремится помешать этим странам стать независимыми силовыми центрами на международной арене. Выбор Ирака как объекта нападения обусловлен не тем, что он – центр региона, являющегося культурным врагом Соединенных Штатов. Такой выбор нельзя объяснить ни конфликтом цивилизаций, ни якобы исходящей из Ислама угрозой терроризма, и т.д. Ни одно из этих наивных объяснений не соответствует действительности, дело лишь в том, что этот регион – слабое звено в международной системе. Именно этот регион легко атаковать, не опасаясь, что вслед за этим последует мощный ответ.

Американская атака Ирака преследует также две цели: во-первых, он богат нефтью. США хотят контролировать нефтяные ресурсы в мировом масштабе. Это даст им возможность оказывать давление на Европу. Европейцы хорошо осознают, что война с Ираком противоречит их

интересам. Когда я говорю «европейцы», я в первую очередь имею в виду французов и немцев.

Второй причиной является строительство в регионе постоянных военных баз, что дает Соединенным Штатам средство для оказания давления на Европу, Индию и Китай. Протест против этого проекта продолжает нарастать, поскольку происходит сближение Европы и России. Последнее связано с тем, что Россия – страна–поставщик нефти. Следовательно, Европа должна обратиться к русской нефти. Кроме того, наибольший объем внешней торговли и иностранных инвестиций приходится на Европу, а не на США.

Печатается по: Интервью «О глобализации». Режим доступа: <http://anti-glob.narod.ru/st/Samir2.htm>

Вопросы

1. Какие факты современной международной жизни позволили автору говорить о господстве капитала в мировом масштабе?
2. Какие черты глобализации позволяют
3. В чем причина противоречивости отношений между капиталистической демократией и глобализацией?

Тема 5. ЗАКОНОМЕРНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Европоцентристское происхождение системы международных отношений, господствовавшее в мире до второй половины XX в., и изначально теоретическое представление об этой системе и ее природе стало одной из предпосылок изучения международной жизни с позиции трех теоретико-методологических постулатов: 1) МО – отношения между государствами, причем государство – нечто целостное; 2) МО рассматриваются как некое взаимодействие, в ходе и результате которого происходит переплетение экономических, политических, идеологических, военных компонентов силы и могущества государства; 3) объектом исследования оставалась европоцентристская по сути всего лишь европейская система МО. Данное представление о международных отношениях господствовало в конце XIX – начале XX вв.

Представление о ведущей роли государства в сфере МО – государственном центризме – являются наиболее распространенными и в современной ТМО. Основные закономерности, государственно-центристской системы:

1. Главным действующим лицом МО является государство, а формами его международной деятельности – дипломатия и стратегия.

2. Государственная политика существует в двух разновидностях: внутренней и внешней (международной), между которыми имеется как взаимосвязь, так и существенные различия, в силу которых международная политика государства обладает хотя и относительной, но в то же время весьма значительной автономией.

3. Основа основ всех международных действий государства – национальном интерес, наиболее существенными составными элементами которого являются безопасность, выживание и суверенитет.

4. Потребность в защите и продвижении национального интереса вызывает необходимость обладания как можно более мощным военным потенциалом, который, в свою очередь, зависит от природных, экономических и иных ресурсов государства. Поэтому МО – это силовое взаимодействие государств, баланс сил, в кот. преимущества с точки зрения национальных интересов имеют наиболее мощные державы.

5. В зависимости от распределения мощи между наиболее крупными с т.з. военного потенциала государствами – т.н. великими державами – баланс сил может принимать различные формы, или конфигурации: биполярную, трехполюсную, мультиполярную и т.д. (Подробнее см.: Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учеб. пособие. – М., 2002. – С. 84–85).

Основные понятия и термины

Учитывая невозможность точного повторения социальных и исторических условий развития человечества, сформулировать законы в сфере МО практически невозможно. Таким образом, **законы** в МО носят, как правило, характер закономерностей. **Закономерности** в МО – это повторяемость событий; закономерности немногочисленны и имеют достаточно относительный характер.

«**Временные правила**» – хорошо систематизированные наблюдения и «рецепты». Временные правила отражают уровень менее общего порядка. Они касаются одной из фаз той длительной исторической эволюции, которую прошел мир, а именно: а) данной эпохи; б) данного географического региона; в) данного политического режима.

Относительно бесспорные закономерности, признаваемые представителями всех теоретических направлений:

- 1) рост взаимозависимости (системный характер вызовов и угроз);
- 2) государства не единственные участники МО (связано с появлением нового теоретического направления – **транснационализм, подчеркивающего роль явлений**, выходящих за пределы одной нации (т.е. международных) и отношений, осуществляющихся помимо и без участия государств). Сфера транснациональных отношений – международное общество;
- 3) необходимость международного права (власть и сила как важнейшие регуляторы МО, растущая роль экономики в международной системе);
- 4) функционирования международных систем.

Цыганков П.А. отмечает также три группы закономерностей, сформулированные в рамках основных теоретических направлений в изучении международных отношений (см. Цыганков П.А. Природа и закономерности международных отношений. Режим доступа: <http://lib.socio.msu.ru/l/library>):

Закономерности международных отношений Цыганков П.А. Природа и закономерности международных отношений. Режим доступа: http://lib.socio.msu.ru/l/library			
Реализм и нео-реализм	Неолиберализм	Неомарксизм	Положения, разделяемые в той или иной мере всеми парадигмами
1	2	3	4
Главным международным актором, определяющим характер международных отношений является государство;	Возрастание взаимозависимости мира и, соответственно, значения совместных интересов и ценностей;	Усиление «несимметричности» взаимозависимости и вытекающая из этого борьба между «периферией» и «центром» мир-системы;	Системный характер вызовов и угроз, с которыми сталкивается сегодня человечество. Зависимость поведения государств от структурных характеристик международной системы;

1	2	3	4
<p>Национальные интересы – основа и движущий мотив международной политики государств;</p> <p>Борьба за власть и силу в МО;</p> <p>Сила и баланс сил – главный регулятор МО;</p> <p>Детерминирующая роль международной системы и ее структуры в поведении государств</p>	<p>Рост числа и многообразия международных акторов;</p> <p>Усиление роли экономики в трансформации мировой системы и связанная с этим глобализация МО;</p> <p>Эрозия военно-силового противоборства в МО и увеличение роли экономической конкуренции;</p> <p>Возрастание роли права и институтов в регулировании МО</p>	<p>Государства становятся проводниками интересов мир-экономики, находящейся под определяющим влиянием наиболее развитых стран Запада во главе с США;</p> <p>Определяющая роль мировой экономики в МО</p>	<p>Важнейшими регуляторами международных отношений остаются власть и сила;</p> <p>Растущая роль экономики в международной системе</p>

Грум Дж.

Растущее многообразие международных акторов

2. Исторические основания государственно-центристской модели МО

<...> Международная политика была в сущности межгосударственной политикой. Основными акторами были государства, поскольку они обладали способностью и моральным правом производить и использовать наиболее эффективные инструменты принуждения, включая военные средства. Кроме того, они могли опираться на ресурсы своих экономик и, что не менее важно, на лояльность своих граждан. Хотя все государства были юридически суверенными и равноправными, на практике они обладали разными возможностями, что влекло за собой разную степень их влияния на международную среду.

Государства действовали в иерархической системе, в которой доминировали отношения между великими державами. Система действовала «сверху вниз», и малые державы могли пользоваться свободой действий только в той степени, в какой это позволяли им сверхдержавы. Тем не менее многие ученые того времени вынуждены были признать существование в этой системе и некоторых негосударственных акторов, играющих подобную ограниченную роль. Во времена спада напряженности государство могло быть великодушным привратником, но всегда сохраняло за собой *droit de regard* (право на то, чтобы следить (фр.)), а в случае необходимости государства не испытывали сожаления по поводу «закрытия ворот», наиболее драматичного, конечно, в военное время.

Анализ международных отношений был, таким образом, государственно-центристским и концентрировался на отношениях между великими державами, ибо именно здесь всегда с наибольшей драматичностью вставали два главных вопроса – о причинах войны и условиях мира.

<...>

Арнольд Уолферс представил государство в виде бильярдного шара, хорошо интегрированного изнутри и с жестким покрытием снаружи. Международные отношения уподоблялись отношениям этих метафорических бильярдных шаров, сталкивающихся друг с другом на бильярдном столе. Большие шары могут продвигать маленькие в выгодном им направлении, а союзничество малых может сокращать траекторию движения больших. При этом общим механизмом поступательного движения выступала силовая политика. Но были ли государства в действительности внутренне хорошо интегрированными и внешне хорошо организованными в иерархическую систему? Были ли они эффективными привратниками? Всегда ли системы сделок, перемещения идей, лояльности индивидов и групп была сконцентрирована вокруг государственных акторов? Наконец, были ли сами государства внутренне сплоченными единицами?

Совершенно очевидно, что различные министерства одного правительства проводят свою собственную внешнюю политику. Многосторонняя дипломатия создавалась быстро, происходило ли это в ООН или в других международных специализированных организациях, в сотрудничестве с такими системами, как, например, НАТО, в ходе таких проектов по интеграции, как ЕС, или в региональных организациях, подобных ОАА. Различные министерства играют свою роль в жизни страны, и проводимая государством политика изменяется в зависимости от политики министерства. На практике достаточно редко встречаются министерства, способные эффективно руководить всеми отраслями. Например, рассмотрим схему взаимоотношений между правительством лейбористов Великобритании и ЕС в 70-е гг. Ширли Вильяме, министр образования, решал вопросы образования, используя опыт других, в особенности европейских стран, а министр сельского хозяйства Джон Силкин был достаточно категоричен в отношении политики, проводимой ЕС. Таким образом, можно говорить о двух совершенно различных политиках относительно одного и того же вопроса и одного и того же международного института.

Этот пример – не исключение из правил. Происходило не только развитие многосторонней дипломатии, но и расширение круга проблем, ответственность за решение которых взяли на себя правительства. Сфера компетенции правительства расширилась во многих странах, оно распространяло свое влияние на индивидов начиная с колыбели, т.е. с

рождения человека, и заканчивая вопросами обложения налогом на наследство, т.е. до его смерти.

Но с расширением круга вопросов правительства по большей части утрачивали сплоченность. Они состояло из больших бюрократических аппаратов, имевших свои собственные рабочие структуры, ценности и перспективы, которые функционировали в основном независимо друг от друга. ... Правительство превратилось в «динозавров» с большим телом в виде бюрократического аппарата и слишком маленьким мозгом, не способным управлять этим телом. Исследования процесса принятия решений говорили о необходимости государственной сплоченности для разрешения классического вопроса политической науки «кто правит?», который к этому времени практически трансформировался в вопрос «возможно ли управление?» в смысле согласованной политики руководства, включающей в себя весь спектр государственной деятельности.

В то же самое время все возрастающее значение начинают приобретать различные негосударственные акторы. Транснациональные корпорации уже давно стали устойчивым историческим

феноменом, а их число, потенциал и влияние, так же как и их способность распоряжаться не только ресурсами, но и лояльностью своих сотрудников, постоянно возрастают. По мере того как правительства становились все более ответственными за состояние экономики и уровень занятости, их интерес все больше привлекала деятельность ТНК. Принцип *de haut en ba* – сверху вниз (фр.) потерял смысл благодаря достижению многими транснациональными акторами определенной степени независимости. Президент «Ford Motor Corporation» был человеком, имевшим большой вес, для любого британского премьер-министра, поскольку инвестиционная политика и производственные мощности «Форда» были и остаются одним из важнейших компонентов английской экономики. Лишь некоторые английские премьер-министры могли игнорировать интересы и потребности «Форда». Но это происходило где угодно, только не в экономической области, круг участников которой стремительно расширялся.

В свое время И.В. Сталин спрашивал у У. Черчилля об области компетенции Папы Римского, хотя прекрасно знал о возможностях влияния церкви на людей. Даже в напряженные времена холодной войны некоторые транснациональные акторы обладали возможностью влияния на происходящие события. Возьмем, например, Международный Олимпийский Комитет, который во времена Олимпийских игр в Москве был частной организацией, принадлежавшей богатым частным лицам под председательством пожилого ирландского лорда. Президент США Картер решил наказать Советский Союз, отменив участие США в Московской олимпиаде, а также убеждая другие страны отказаться от такого участия. Международное олимпийское движение и спортсмены,

телевизионные компании, рекламодатели и т.д. были поражены. Они оказали сопротивление, и Московская олимпиада состоялась, хотя и без участия США. В этой борьбе между НПО и сверхдержавой, которая, несомненно, была политической борьбой, ни одна из сторон не победила. Тем не менее примечательно, что МОК смог найти поддержку у тех, кто был заинтересован и получал прибыль от спортивной индустрии, и заставил их противостоять лидеру супердержавы – даже тогда, когда правительства государств – союзников США колебались в принятии решения о бойкотировании Московской олимпиады.

Вызов государственно-центристской модели мира, которая до сих пор формировала основу МО как академической дисциплины, исходил также и из других источников. Процесс колониального освобождения вызвал значительный рост числа государств. Независимость стран Латинской Америки и распад Австро-Венгерской и Османской империй привели к увеличению числа государств внутри международной системы, но не к изменениям в существовавшем евроцентричном каркасе, который ею управлял. С момента образования ООН в 1945 г. и до настоящего времени число государств-членов увеличилось более чем в три раза. Это повлекло за собой возникновение значительных как количественных, так и качественных различий между государствами. Бум возникновения новых государств в 1960–70-е гг. заставил научное сообщество задаться вопросом о том, можно ли все государства воспринимать как одинаковые и равные друг другу? Многие вновь возникшие государства быстро адаптировались к существующей государственной системе и не вызвали в ней фундаментальных изменений.

Конечно, некоторые из них, находясь в эйфории от своего нового статуса, с помпой настаивали на игре по правилам своих прежних колониальных правителей, а некоторые столкнулись с процессом государственного строительства, который подверг испытанию их ресурсы. Другие обнаружили, что им трудно полностью участвовать в многосторонней дипломатии из-за требуемого размера дипломатических служб и недостатка ресурсов, необходимых для благополучного функционирования. Даже крупные развитые страны почувствовали давление проблемы ресурсов в терминах дипломатического представительства на двустороннем уровне, как это показывает пример расширения дипломатического представительства в государствах бывших республик СССР. Кроме того, появилось не только много новых государств с довольно неустойчивыми структурами, недостаточно гибких в своей дипломатии, но и слабые государства, потерпевшие неудачу, такие, как Либерия, Ливан, Сомали, Босния.

Развитие многосторонней дипломатии сопровождалось показательным ростом числа международных организаций, как правительственных, так и неправительственных. ... Международные неправительствен-

венные организации также способны реализовывать программы, которые отражают в некоторых случаях ценности и интересы не столько правительства и населения страны-получателя, сколько самих НПО. Иногда секретариаты МПО и МНПО расходились друг с другом в своей операциональной политике. Международные секретариаты, в особенности секретариаты международных финансовых институтов, таких, как Всемирный Банк, были способны перестраивать значительные части мира в соответствии со своими интересами, идеологией и нормами поведения. Министерства могли дрожать от перспективы официального визита представителей Всемирного Банка или МВФ, опасаясь его результатов. <...>

Ответ состоит в том, что, конечно, не существует какого-то одного особого уровня и нет какой-то одной особой группы акторов, на основе которой можно было бы строить изучение международных отношений. Действительность много сложнее. Государственно-центристский подход к миру силовой политики хорош своей простотой, но его слабость в том, что он не способен дать достаточного объяснения тому феномену, о котором мы говорим. Как же следует обсуждать и исследовать этот сложный мир? Начиная с 60-х гг. было сделано множество попыток перенести акцент с акторов на действия. Аналитики начали искать ряд образцов взаимодействия, которые помогли бы сформировать систему, способную постепенно породить структуры и институты. Джеймс Рознау исследовал политическую взаимосвязь и возникновение проблемных зон, и оба вопроса вышли за пределы государственных границ и привели в сферу акторов, которые взаимодействуют с системой взаимных влияний, касающихся каких-то конкретных вопросов. Возрождался интерес к функционалистским идеям Дэвида Митрани, и Карл Дойч заострил внимание на влиянии систем взаимодействия на рост национализма и социальных коммуникаций. Это были системы взаимодействия, которые давали стимул развитию институтов совместной безопасности, таких, как НАТО. Джон Бартон построил свою теорию «паутины», противоположную модели бильярдного шара Уолферса. Каждому измерению мирового сообщества соответствует своя карта: существуют политическая, религиозная, экономическая и т.п. карты, каждая из которых накладывается на другую, формируя тем самым паутину, лишь частью которой является межгосударственная система. Кохейн и Най разработали идею сложной взаимозависимости, а Стефен Краснер сыграл большую роль в создании теории международного режима. <...>

Мир международных отношений, конечно, изменился. <...> Но как может быть создано подобие порядка в таком водовороте уровней и дисциплин?

Транснационалисты предложили такой путь, хотя многие исследователи предпочли остаться верными старым истинам межгосударствен-

ной политики. Предложение транснационалистов состояло в том, чтобы перевернуть традиционный подход с ног на голову. В прошлом анализ начинался с рассмотрения государства как актора и с МО как самостоятельной дисциплины. Транснационалисты начали доказывать, что уровень анализа и единица анализа, так же как и главные акторы, должны определяться вопросом, источником или проблемой, которые сформировали основу дискуссии. Если взаимодействия (как кооперативные, так и принудительные) основаны на такой-то конкретной проблеме, а вопрос или результат были прослежены, то они приведут нас к соответствующему уровню анализа, соответствующим акторам и соответствующей дисциплине.

Ирано-иракская война приведет нас к Совету Безопасности ООН, к мечтам национальных лидеров, исторической вражде цивилизаций и религий, политике крупных нефтяных компаний. Проблема и взаимодействие, сопровождающее ее, определяют акторов. Это говорит не о том, что в данной связи традиционный подход к изучению международной политики должен быть отвергнут, поскольку он неуместен, а о том, что он не дает общей картины. Это также говорит не о том, что следует игнорировать традиционные границы между дисциплинами, а о том, что не надо бояться их переступить. Оба пути в некоторой степени приемлемы для «разрезания пирога», но «пирог» можно разрезать и иначе.
<...>

Возможно, что МО сегодня лучше воспринимается как изучение не только межгосударственной, но и глобальной политики. Глобальная политика рассматривает такие проблемы, которые обязательно затрагивают каждого. Если случится ядерная война, то она коснется всех. Никто не может уйти от экологических проблем. Социальные вопросы, такие, как, например, права человека, имеют свой универсальный аспект, а благосостояние всех зависит от того, каким будет глобальный диктат рынков. Существует глобальная система коммуникации, хотя контроль над ней отнюдь не имеет глобального характера. Короче говоря, существует ряд проблем, которые могут решаться только коллективными усилиями, ибо в противном случае не будет решена ни одна из них.

Международные отношения наших дней – это отношения, складывающиеся вокруг именно глобальных проблем, но разница между акторами, действующими в сфере каждой из указанных проблем, может быть огромной. Иногда очень небольшие группы людей, которые владеют достаточно ограниченными ресурсами и имеют незначительную поддержку, могут тем не менее иметь в своем распоряжении эффективные средства принуждения. По отношению к ним могут оказаться уязвимыми даже сверхдержавы. В качестве таких групп могут выступать не только государства, но и ТНК: так, например, компания «Шелл» изменила политику Нигерии. На дисциплинарном уровне то, что мы на-

блюдаем, возможно, ведет к реинтеграции социальных наук, и в этом свете понятие акторов в международных отношениях видится достаточно отличным от того, с которого началось теоретическое изучение международных отношений около 80 лет назад. Объект МО значительно расширился, но в некоторых главных вопросах он остается прежним, хотя и выступает в другой форме. Сегодня по-прежнему изучаются причины войн и конфликтов, условия мира и благосостояния. За прошедшие десятилетия мы поняли, что существует огромное многообразие акторов, способных повлиять как на то, так и на другое.

Печатается по: Грум Дж. Растущее многообразие международных акторов // Международные отношения: социологические подходы / рук. авт. колл. проф. П.А. Цыганков. – М., 1998. – С. 222–239.

Вопросы

1. В чем причины несостоятельности государство-центристского подхода к современным международным отношениям?
2. Какие именно позиции государство-центризма оспаривает Дж. Грум?
3. В чем состоит суть подхода транснационалистов к уровню анализа проблемы в сфере международных отношений?

Раздел II. СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЕЕ ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Темы 6–7. СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. СТРУКТУРА СМО

В международных отношениях идея системности исходит из того, что государства стремятся существовать и признавать правомерность интересов друг друга, чтобы гарантировать стабильность международных отношений. Следствием такого взаимного стремления является взаимозависимость государств и необходимость правовой регламентации базовых аспектов международной деятельности. Функции системы, таким образом, становится гарантия стабильности и регулирования МО. Причины возникновения системности в международных отношениях:

- 1) наличие комплекса устойчивых целей акторов;
- 2) необходимость стабильности и предсказуемости долговременных взаимоотношений между государствами;
- 3) наличие правовой регламентации МО.

Предпосылки, обусловившие формирование общеевропейской системы МО: 1) формирование осознанных элитами государственных интересов, произошедших, как и сами государства, в результате развития буржуазных отношений. С формированием государственных интересов появляется необходимость в стабильности и предсказуемости МО. 2) Сознание оптимальности системного режима контактов. 3) Социально-политическая ситуация, требованием которой стала необходимость сплочения европейской цивилизации.

Одной из характеристик системы является ее структурная организация (внутреннее устройство). В зависимости от исторической эпохи, на протяжении которой сформировалась и функционировала система, выделяют 4 типа структурной организации системы, называемых также моделями. Это Вестфальская система (1648–1789 гг.) – система «классического европейского равновесия», Венская (1814–1914 гг.), Версальско-Вашингтонская (1919–1939 гг.), Биполярной (1945–1991 гг.) – система «холодной войны» или «Ялтинско-Потсдамский порядок».

Каждая из названных моделей систем переживает в своем развитии 3 фазы: 1) от столкновения к консолидации (фиксация перегруппировки сил и изменения баланса сил и интересов). 2) устойчивое развитие (консолидация) – формирование устойчивого баланса сил между составными компонентами системы. 3) кризис модели и ее распад (накопление конфликтного потенциала до кризисной фазы) (Манькин А.С. Системность в международных отношениях: содержание, причины формиро-

вания и этапы развития // Введение в теорию международных отношений: учебное пособие / отв. редактор А.С. Манькин. – М., 2001. – С. 14). На протяжении каждой из фаз на модель системы воздействует ряд стабилизирующих и разрушающих систему факторов, особым образом проявляющихся в каждой из систем.

Общие характеристики международной системы формулируются в терминах политического реализма:

1. Доминирующие субъекты (главные элементы) международной системы – государства. Главный принцип «системы бильярдных шаров»: собственная выгода, способ и критерий возможности ее достижения – сила.

2. Природа международной системы неизменна и основана на существовании ограниченного числа великих держав с несовпадающими интересами.

3. Эти державы и отношения между ними определяют процессы в международной системе и состоянием имеющихся между ними отношений. Великие державы – наиболее мощные державы – иногда называют несущими конструкциями системы).

4. В системе нет высшего арбитра. Государства независимы в проведении внутренней политики в пределах своих национальных границ и в принципе равноправны.

5. Существуют законы функционирования систем, хотя характер самих систем и законов их функционирования могут пониматься по-разному.

6. Существуют разные типы международной системы и критерии их классификации.

Таким образом, характер процессов, проходящих в системе, определяется типом отношений между доминирующими державами (этот процесс называют также олигополистическим (oligarchia – гр. власть немногих)). То есть одной из важнейших характеристик внутренней организации системы является расстановка сил на международной арене, определяющей в конечном счете тип всей системы.

Вестфальская эпоха и формирование новой (глобальной) системы МО. Основной движущей силой Вестфальской системы («системы классического европейского равновесия», многополярной модели равновесия) было соперничество держав между собой. Вместе с тем Вестфальская эпоха это система равновесия сил, т.к. государства были самостоятельными агентами мировой политики, а определителем поведения каждого государства на международной арене были только национальные интересы этого государства. Таким образом, системе всегда присуще соотношение возможностей. Нарушение этого соотношения вызывало ответную реакцию системы и приводило к его реставрации. К странам, попытавшимся нарушить равновесие, относят напо-

леоновскую Францию, Германию в 1870-х и 1930-х, СССР/США в 1962–1963 гг.

Вестфальская эпоха разбивается на несколько этапов. Этапы также называются подсистемами Вестфальской эпохи. Таких этапов выделяют четыре: 1) система преимущественно англо-французского соперничества в Европе в борьбе за колонии (XVII–XIII вв.); 2) система «европейского концерта» или Венского конгресса, установленная в 1814 г.; 3) Версальско-Вашингтонская система (1919–1939); 4) система холодной войны или Ялтинско-Потсдамский порядок, установленный в 1945 г.

Формирование новой системы, таким образом, происходит в XX в. и связывается с процессом оформления единого мирового сообщества. Этот процесс был усилен окончанием холодной войны, завершившей в принципе оформление единого мирового сообщества. Не смотря на то, что суть движущих сил этого процесса неясна (это может быть сила, влияние, национальные интересы), существуют основания для предположения о формировании новой системы МО: 1 – социально-политические изменения (демократизация); 2 – экономические изменения (формирование мировой экономической системы); 3 – новые параметры военной безопасности; 4 – космополитизация мировой политики.

Есть все же события, не подтверждающие логику многополярного мира (многополярность здесь объясняет скорее форму, но не суть системы международных взаимодействий). Именно они могут создать преграды для возрождения традиционных мотиваций и движущих сил мировой политики. К таким событиям относят прозападную ориентацию стран Восточной и Центральной Европы, сопутствующую определенному усилению европоцентризма и самостоятельностью западноевропейских интеграционных структур; появление настроений, совпадающих со стратегической линией США, возрастание веса США; влияние Китая, Японии, их развитие. (Подробнее см.: Современные международные отношения / под ред. А.В. Торкунова. М., 1999. – Раздел 1. Гл. 2. Доступно on line: http://history.km.ru/diplomat/tor_2.htm. См. также: Богатуров А.Д. Системный подход и эволюция международных отношений в XX веке // Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. – М., 2002. – С. 112–128; Богатуров А.Д. Кризис миросистемного регулирования // Международная жизнь. 1993. № 7. С. 30–40).

Основные понятия и термины

Биполярная система – характеризуется господством двух наиболее мощных государств. Система трансформируется в мультиполярную – если сопоставимой с ними мощи достигают др. державы. В равновесной системе или система баланса сил несколько крупных госу-

дарств сохраняют примерно одинаковое влияние на ход событий, обуздывая «чрезмерные» претензии друг друга. В имперской системе господствует единственная сверхдержава, опережая все остальные государства совокупной мощью (размерами территории, уровнем вооружений, эк. потенциалом, запасом природных ресурсов и т.п.).

Модели системы международных отношений – тип структурной организации системы, развивающийся по определенному алгоритму, характерному для данной исторической эпохи.

Система (гр. systema – целое; составленное из частей, соединенное) – множество закономерно связанных друг с другом элементов, представляющее собой определенное целостное образование, единство. Слово «система» применяется для подчеркивания взаимосвязанного, сложно переплетенного характера обязательств и обусловленных ими отношений между государствами (Богатуров А.Д. «Плюралистическая однополярность» // Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталеv М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. – М., 2002. – С. 114). Система S_y предполагает наличие состава ее элементов С, специфические взаимосвязи между ними, структуру S и среду E.

Системный подход, системный (комплексный) анализ предполагает изучение всего комплекса межгосударственных отношений как некоего развивающегося, совершенствующегося, живущего по своим законам организма.

Среда системы – то, что окружает систему, влияет на систему и взаимодействует с ней.

Структура системы (структурная организация системы) – внутреннее устройство системы; совокупность международных взаимодействий.

Структура системы – внутренняя организация целостной системы, представляющая собой специфический способ взаимосвязи, взаимодействия образующих ее элементов – государств, межгосударственных объединений, МПО и некоторых других. Точнее, это политические отношения (Система, структура и процесс развития современных международных отношений. Отв. ред. В.И. Гантман. – М., 1984. С. 80).

Структура системы – это совокупность воздействий системы на свои элементы. Включает три понятия: А) соотношение элементов системы; Б) способ организации элементов в системы; В) совокупность принуждений и ограничений, которые вытекают из существования системы для ее элементов (Цыганков П.А. Теория международных отношений: учеб. пособие. – М., 2002. – С. 193).

Функция системы – ее реакция на воздействия среды, направленная на сохранение определенного типа отношений между элементами, т.е. на сохранение «устойчивости» системы.

Элементы системы – простейшие составные части системы. Главными элементами системы являются национальные государства.

Мортон Каплан

В книге «Система и процесс в международной политике», изданной в 1957 г., американский профессор М. Каплан выстраивает типологию международных систем, включающую 6 типов: система баланса сил; гибкая биполярная система; жесткая биполярная система; универсальная система; иерархическая система; система единичного вето. Понятием «международная система» автор обозначает различные варианты расстановки сил на основе произвольного гипотетического анализа.

Основным показателем устойчивости системы является состояние структуры системы, а именно ее равновесие. М. Каплан выделяет три типа равновесия международной системы: 1) равновесие устанавливается набором основных правил; 2) равновесие между набором значимых правил и другими переменными международной системы; 3) равновесие между международной системой и ее внешней средой. В приведенном отрывке характеризуется первый тип равновесия, суть которой наиболее точно передает термин «баланс сил».

Система и процесс в международной политике

Глава 2. Международная система

Далее рассматриваются шесть международных систем или, точнее, состояний равновесия одной сверхстабильной международной системы: 1) система «баланса сил», 2) гибкая биполярная система, 3) жесткая биполярная система, 4) универсальная система, 5) иерархическая система, 6) система единичного вето... Обсуждаемые международные системы являются эвристическими моделями. Все они, кроме первых двух, никогда не воплощались в истории. <...>

Система «баланса сил»

Термин «баланс сил» мы приводим в кавычках, поскольку буквально любое состояние международного равновесия представляет собой баланс сил. В этом смысле данный термин тавтологичен и даже тривиален: он не дает новой информации о том, что происходит или что должны делать акторы в этой системе. Вместе с тем термин «баланс сил», широко распространенный в литературе, дает некоторое интуитивное понимание, если он относится к международной системе, которая существовала на всем протяжении XVIII–XIX вв. и, возможно, в начале XX в.

Система «баланса сил» отличается от других международных систем следующими характеристиками. Она представляет собой международную систему без политической подсистемы (или, иначе говоря, с

нулевой политической подсистемой). Акторы этой системы – международные акторы, относящиеся к категории национальных акторов. Основных акторов («основной» – это не определяемое понятие) в этой системе должно быть не менее пяти, а желательно больше.

В широком смысле в период, предшествовавший первой мировой войне, Великобританию, Францию, Германию, Австро-Венгрию, Италию, США следует включить в категорию основных национальных акторов. При этом не столь важно, какие именно страны мы определяем в качестве основных национальных акторов, но существование минимального количества акторов этой категории жизненно важно для такой системы.

Хотя в международной системе «баланса сил» нет единой политической системы, индивидуальные действия национальных акторов дополняют друг друга, таким образом, реализуются основные правила этой системы, описывающие поведение акторов. По своему характеру они универсальны. [В исторической системе «баланса сил» династические отношения, а также общие культурные и политические институты упрощали действие системы. Таким образом, существовала широкая культурная основа. В рамках которой проявлялись образцы действия, соответствующие данной системе. На этой культурной основе базировались отношения, которые закрепляли выполнение ролей в этой системе, соответствие поведения определенным нормам. Однако на деле эта культурная основа является случайной для данной системы, потому что она может функционировать в любой ситуации, в которой основные ожидания отвечают правилам данной системы. Таким образом, скорее основные детерминанты системы «баланса сил» являются универсальными нормами, поскольку та же культурная основа может соответствовать совершенно другой международной системе, тогда как совершенно другая культурная основа будет соответствовать системе баланса сил].

Система «баланса сил» характеризуется следующими основными правилами:

1. Действовать с целью расширения своих возможностей, но лучше путем переговоров, чем путем войны.
2. Лучше воевать, чем упустить случай расширения возможностей.
3. Лучше прекратить войну, чем полностью уничтожить одного из основных национальных акторов.
4. Действовать против любой коалиции или единичного актора, который стремится приобрести доминирующее положение по отношению к остальной части системы.
5. Действовать против акторов, которые поддерживают наднациональные организационные принципы.
6. Позволять тем из основных национальных акторов, которые были побеждены или ограничены в действиях, вновь включаться в систему

и принимать их как ролевых партнеров или же способствовать вхождению ранее не основных акторов в категорию основных национальных акторов. Рассматривать всех основных акторов как приемлемых ролевых партнеров.

Первое правило указывает на то, что каждый основной национальный актор стремится усилить свое влияние. Однако это должно достигаться, если возможно, без войны, без тех разрушающих равновесие последствий, которые может иметь война для системы «баланса сил».

Согласно второму правилу, долгом каждого национального актора является защита его собственных интересов. Это означает, что если основной актор не может защитить собственные интересы, то эти интересы, как правило, не будут превалировать. Таким образом, возможности должны расширяться даже ценой войны.

Первые два значимых правила, по-видимому, восходят к эгоистическим предписаниям в духе Гоббса. Они соответствуют тому, что называется «войной против всех», и вместе с тем соответствуют классическим философским стандартам. Если существуют практические ограничения размеров сообщества, то возможность справедливого порядка между сообществами – хотя и желательного – должна быть подчинена разумной необходимости: сохранению способности самостоятельно противостоять возможным врагам.

Третье правило отвечает классическим стандартам, но не стандартам Гоббса. Основные национальные акторы не должны расширяться настолько, чтобы превышать оптимальный размер справедливого и законного сообщества. Это правило соблюдается как в отношениях между легитимными династическими режимами, так и между современными национальными территориальными государствами. Выход за рамки этого правила представляет собой явное исключение или несовместим с национальной идентичностью.

Четвертое и пятое правила – просто рациональные требования, необходимые для сохранения международной системы. Формирование доминирующей коалиции или стремление основного национального актора к доминирующему положению в системе или к подчинению остальных основных акторов, представляют собой угрозу интересам национальных акторов, которые не принадлежат данной коалиции. Кроме того, если коалиция преуспешает в установлении отношений подчинения в международной системе, доминирующий член коалиции (или доминирующие члены коалиции) смогут оказывать политическое давление также и на менее значимых членов той же коалиции. Поэтому коалиции, как правило, получают противовес – формируют противостоящие коалиции. Они возникают в тех случаях, когда первые коалиции начинают угрожать государствам, не участвующим в них, и поэтому становятся уязвимыми, и когда они начинают угрожать интересам собственных

членов. При этом государства, которые испытывают давление со стороны доминирующих членов коалиции, могут счесть более выгодным занять нейтральное положение по отношению к коалиции или присоединиться к противостоящей коалиции. Эти правила перекликаются с третьим правилом. Нужно ограничивать некоторые стремления государств и не уничтожать других основных национальных акторов; тогда в будущем они смогут при необходимости войти в какую-либо коалицию.

Шестое правило указывает, что сама жизнеспособность системы зависит от согласованности поведения акторов с главными правилами и нормами системы «баланса сил». Если количество основных акторов уменьшается, международная система «баланса сил» становится нестабильной. Таким образом. Сохранение количества основных национальных акторов в определенных пределах – необходимое условие стабильности системы. Для этого права полного членства в системе возвращаются потерпевшим поражение или проводится реформирование ранее девиантных акторов. <...>

Число основных правил нельзя уменьшить. Невыполнение хотя бы одного правила приведет к невыполнению любого другого из оставшихся правил. Кроме того, на этом уровне абстракции, по-видимому, возможно указать другие правила, которые тесно связаны с выделенным набором требований.

Любое значимое правило системы находится в равновесии с другими правилами. Это не означает. Что какое-либо конкретное правило характерно только для этой международной системы. Например, первые два правила относятся и к государствам – лидерам блоков в биполярной системе. Однако они необходимы для каждой из указанных систем, и при их отсутствии остальные правила потерпят изменения.

Правила международных систем взаимозависимы. Например, неудача при восстановлении или замене потерпевшего поражение основного национального актора приведет к формированию коалиций, способных ограничить девиантных национальных акторов или потенциально господствующие коалиции.

Набор правил не является постоянным, но обусловлен отдельными действиями на протяжении некоторого периода времени. По ряду причин, если рассматривать достаточно большой отрезок времени, увеличивается вероятность того, что некоторые изменения создадут условия для трансформации системы. <...> Так, европейские государства принимали Наполеона до тех пор, пока он соглашался играть по правилам игры в системе. [Однако после того, как Наполеон нарушил принцип династической легитимности, в системе возникла напряженность. Принцип легитимности на протяжении некоторого времени ослаблял подозрения, свойственные системе «баланса сил»]. Восстановление династии Бурбонов иллюстрирует применение третьего правила. Если бы

Реставрация оказалась невозможной, международная система стала бы нестабильной. Возвращение Франции в международную систему после восстановления Бурбонов является примером действия шестого правила. Европейский концерт наций, так хорошо описанный Моэвтоном, иллюстрирует первое правило, Антанта – четвертое, история XVIII – XIX вв. – второе. Вероятно, лучшим примером действия третьего правила будет дипломатия Бисмарка в Седане, хотя его мотивы были более сложными, чем может показать одно это правило. Но целью данной работы не является умножение исторических иллюстраций; читатель может провести собственное исследование для того, чтобы установить, согласуется ли международное поведение в XVIII – XIX вв. с этими правилами. <...>

Печатается по: Каплан М. Система и процесс в международной политике // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. – М., 2003. – С. 220–225. Оригинал: Morton A. Kaplan. System and Process in International Politics. N.Y.: John Wiley and Sons, Inc., L., 1962.

Вопросы

1. Что автор называет «сверхстабильной международной системой»?
2. В чем состоит главная особенность системы «баланса сил»?
3. Что представляют собой правила системы «баланса сил»?

Богатуров А.Д.

Теоретические вопросы проблемы степени полярности постбиполярного мира рассматриваются в ряде исследований второй половины 1990-х гг., опубликованных, в том числе и в отечественной периодической печати. Наиболее спорными стали модели многополярности мира (С. Рогов, К.Э. Сорокин, Дж. Гэддис, Ч. Кэгли, Г. Раймонд) и униполярности мироустройства в конце XX в. (А. Страус, М.Олбрайт, С. Хантингтон) В 1996 г. А. Богатуров выдвинул идею «плюралистической однополярности», согласно которой после распада биполярности мир не превратился в чисто американский, потому что роль единственного полюса в нем заняли не одни Соединенные Штаты, а США в плотном окружении своих ближайших союзников в лице «группы семи».

Плюралистическая однополярность и интересы России

(отрывок)

1

<...> Начать уместно с вопроса о внутренней организации современного мира. Большинство исследователей полагает, что биполярной

модели мира, в классическом виде сохранявшейся приблизительно с 1945-го по 1991 год, не существует. Меньше единомыслия в том, какая структура международных отношений возникает на обломках прежней. Версии разноречивы. В России, однако, популярнее та, что пытается не то фиксировать, не то предвещать наступление эры многополярности. <...>

И тем не менее было бы по меньшей мере странно приступать к анализу, не прояснив категории. Поэтому, повторяя определение, предложенное в одной из наших работ 1993 г. [Богатуров А.Д. Кризис мирового системного регулирования // Международная жизнь. 1993. № 7], отметим, что под *биполярной* стоит считать структуру международных отношений, которая опирается на отрыв только двух каких-либо держав от остальных членов мирового сообщества по совокупности своих военно-силовых, экономических, политических, идеологических и иных возможностей. Такой была мировая структура после второй мировой войны. Когда СССР и США, не будучи вполне равными между собой, вместе с тем «ушли в отрыв» от всех других государств. Соответственно распад СССР и быстрое сокращение возможностей уменьшившейся в размерах и ослабевшей России дали основание ставить вопрос о разрушении «классической» биполярности в результате упадка одного из ее полюсов.

В отличие от биполярности, ключевой характеристикой которой был отрыв двух держав, для *многополярности* характерна примерная сопоставимость совокупных возможностей одновременно нескольких государств мира, ни одно из которых не обладает явно выраженным превосходством над остальными. Приблизительно такой структура международных отношений была в Европе XIX века, когда европейские великие державы ревниво следили друг за другом, не позволяя ни одной из них усилиться до такой степени, чтобы коалиция всех остальных не обеспечивала им заведомого превосходства над пытающимся «уйти в отрыв» соперником.

Если принять за основную черту биполярности *наличие крупного разрыва в возможностях* между двумя лидерами и остальными странами, а за типическую характеристику многополярности – *сопоставимость потенциалов* более или менее многочисленной группы лидеров, то можно хотя бы отчасти «заземлить» наши представления о текущей ситуации, то есть приблизить их к удручающей русское сознание, но реальной действительности.

Попробуем отыскать признаки многополярности в военно-силовой сфере. За последние полвека ни одна из стран мира, кроме СССР, не смогла приблизиться к рубежу военных возможностей Соединенных Штатов. Сегодня об относительной сопоставимости военных потенциалов можно с долей условности говорить лишь применительно к США и

России (так называемая остаточная биполярность – очень важная, кстати, в структурном отношении). Но Соединенные Штаты имеют преимущества перед Российской Федерацией как минимум (но не только) по таким показателям, как эффективность управления военным комплексом, его защищенность, способность к качественному совершенствованию оборонного потенциала при сохранении его количественных параметров.

Иной, но аналогичной остается ситуация в области экономики. Правда, прояснить ее сложнее из-за наличия целой подотрасли индустрии массовой информации, не менее четверти века зарабатывающей деньги на спекуляциях по поводу «упадка лидерства Америки» и ее отставания от Японии и Германии по показателям эффективности производства и темпов роста. В основе этих разукрашенных фантазиями и отягощенных скрытыми расчетами рассуждений лежат, конечно, факты. В последние 20-30 лет в самом деле происходит замедление экономического роста США на фоне более быстрого развития Японии, Германии, новых индустриальных стран (НИС) и Китая. Гигантский перевес возможностей, который существовал у США, например, по сравнению с разрушенными войной Японией и западноевропейскими странами в конце 40-х годов. Сегодня уменьшился. Это позволяет говорить об ослаблении позиций США по отношению к некоторым другим индустриальным странам, или, точнее, об относительном укреплении позиций последних по отношению к США.

На фоне *относительного* «упадка» американской мощи сохраняется колоссальное *абсолютное* превосходство США над конкурентами. Огромная по своим параметрам американская экономика не стоит на месте. Сколь бы много ни говорилось об усилении могущества Японии, Германии или Китая, экономики этих стран по огрубленным исчислениям составляют от 17 (Германия) до 38 (Япония) процентов американской. Здраво ли принимать за «сопоставимость» ситуацию, когда экономически США *в два с половиной – пять раз превосходят* самых мощных своих конкурентов? Укрепление роли новых экономических лидеров происходит. Но оно, как представляется, сегодня все еще позволяет говорить только об истончении запасов американского превосходства над другими странами, а не о равновесии их возможностей. Может быть, втайне понимая это, сторонники гипотезы многополярности и предпочитают уклоняться от обсуждения ее объективных критериев.

Но попытки доказать, что экономическая многополярность – не просто романтическое ожидание, все же предпринимаются. Обычный прием в этом смысле – сравнивать несравнимое. Утверждается, скажем, что многополярность в мировой экономике существует, если иметь в виду, что конкурентом США может выступать не какое-либо одно государство, а, скажем, Западная Европа в целом. Но очевидно, что в этом

случае национальный центр мощи (одно государство) без долгих колебаний сопоставляется с межгосударственным конгломератом, который находится еще только на пути к приобретению надгосударственных качеств в сфере принятия международно-политических решений. Корректность такого сравнения даже не хочется обсуждать. <...>

Способность Вашингтона мобилизовать сегодня американские ресурсы в интересах общенациональных задач несоизмеримо превосходит возможности Брюсселя убедить Европу сообществ выступить в мировой политике в качестве единого целого – и тем более целого, способного бросить хоть что-нибудь похожее на политический вызов Соединенным Штатам. Судя по трудностям, с которыми сталкивается политическая интеграция стран Западной Европы, и темпам этой интеграции (35 лет понадобилось, чтобы от начавшейся с Римского договора 1957 года интеграции экономик выйти к уровню политического сближения), США, вероятно, всю первую четверть следующего века смогут сохранять свои организационные преимущества над западноевропейским конгломератом наций, даже если тому удастся справиться с собственными противоречиями и поглощением новых претендентов на вхождение в европейское интеграционное поле.

Искусственной видится и апелляция поборников многополярности к Китаю и России. Россия намного превосходит США по территории, а США не идут ни в какое сравнение с КНР по населению. И тем не менее по совокупности возможностей и Москва, и Пекин не могут считаться сопоставимыми с Вашингтоном. Китай и Российская Федерация при своей естественной «геополитической одаренности» способны, конечно, выполнять весьма важные роли в масштабах Восточной Азии (КНГ и Россия) или даже Евразии в целом (Россия). Но они не могут выступать на равных с США *комплексно*, то есть по всему кругу вопросов глобальной политики и экономики. О многополярности отношений России, КНР и США можно говорить в основном только применительно к Азиатско-Тихоокеанскому району. Но такая многополярность, очевидно, относится к региональному уровню и не определяет конфигурации общемировой структуры.

Возможно, больше оснований говорить о тенденции к многополярности в этнокультурном и идеологическом смысле. Заметно, что Европа, «устав» от американского культурного проникновения, поворачивается к консервированию своих традиционных культурных ориентаций. Одновременно – что серьезнее – под натиском латиноамериканской и азиатских эмиграций заметно меняется генетических код самой американской культуры, из которой с каждым поколением вымывается изначальный европейский компонент.

Но этот новый внутренний полицентризм в культуре того, что в России по традиции нерасчлененно воспринимается как «Запад вооб-

ще», во многом уравнивается доминированием американских стандартов в политике, праве и международном поведении. Американская идеология либерализма, конкуренции, демократии, плюрализма определяет сегодня стандарты, с которыми вынуждена так или иначе соотноситься себя преобладающая часть государств – от Латинской Америки до Японии и от Южной Африки до Скандинавии. Компетенция коммунистических идеалов в бывшем «социалистическом содружестве», осторожная дерадикализация теоретических установок руководства КНР и медленная эволюция практики авторитаризма в странах Восточной Азии (Южная Корея, Тайвань, Филиппины, отчасти Вьетнам и Камбоджа) – все это так или иначе связано с идеологическим влиянием США, Ему пытаются противостоять многие силы. Но ни одна из них пока не в состоянии претендовать на позиции, сопоставимые с тем, что сумел приобрести в мире либеральный демократизм в его американской версии.

Нравится это или нет, США, несмотря на замедление темпов прироста своего могущества, остаются «абсолютным лидером» мира по совокупности своих возможностей. Масштабы американского превосходства не позволяют говорить о сопоставимости потенциала США с потенциалами каких-либо других государств мира. Следовательно, не очевидны основания полагать, что современная мирополитическая структура может быть описана как многополярная. Гипотеза многополярности, по-видимому, воплощает лишь один из нескольких возможных векторов системного развития, причем не самый вероятный. Потребность определить действительные контуры структуры современного мира подвигает к необходимости преодолеть соблазнительную незатейливость противопоставления «биполярность-многополярность» и обратится к построениям менее элементарным, но более адекватным усложнившимся реалиям.

2

<...> В самом деле, альтернативой как биполярности, так и многополярности может быть, например, кольцевая структура международных отношений. Эта концепция построена на наблюдении, смысл которого в том, что после прекращения конфронтации США и СССР в годы перестройки (1985–1991) и начавшегося сближения между двумя сверхдержавами международная структура, представлявшаяся до того в виде двух взаимно противостоящих «вздыбленных» полюсов, «распласталась» – стала плоской. СССР и США стали сближаться друг с другом, увлекая за собой в разной мере поспевавших за ними партнеров и спутников.

При этом в центре мировой структуры оказались наиболее развитые индустриальные страны, которые образовали собой своего рода «ядро» – источник основополагающих мироэкономических импульсов и нарастающего политического влияния. Соответственно на окраине пе-

риферии стало складываться «внешнее кольцо» из относительно молодых государств, наиболее сильно отстававших в своем развитии. Между этим «внешним кольцом» и ядром начало формироваться «кольцо внутреннее», своего рода «прослойка». Ее составляли бывшие социалистические государства Европы, Советский Союз, а также новые индустриальные страны. Такая модель нагляднее других воплощала идею целостности и взаимозависимости постконфронтационного мира и задавала ясную вариантность путей развития государств, входящих в то или другое «кольцо». Применительно к СССР, например, было понятно, что со структурной точки зрения ему было целесообразно стремиться к тому, чтобы закрепиться, так сказать, у внутренней оболочки первого «кольца» и сопротивляться перемещению в «кольцо внешнее» [Вниманию читателя эта версия была впервые предложена в 1992 году. См. А.Д. Богатуров. Самоопределение наций и потенциал международной конфликтности // Международная жизнь. 1992. № 2. С. 5–15.]

<...> Если русского читателя такой вариант мировидения «коробит» мыслью об окраинности места России, то японского, по всей видимости, он разочаровывает «растворением» возвышающейся роли Японии в «ядре», состоящем из относительно многочисленной группы развитых государств. Во всяком случае, именно японскому теоретику Акихико Танака принадлежит концепция, в соответствии с которой мир предстает в качестве трехслойной сферы. Все три пласта которой взаимно проецируются, а взаимодействие их проекций определяет фактическое положение основных мировых игроков по отношению друг к другу. В такой картине мира, естественной, оказывается тщательно выписанный специфика миросистемной роли каждой из ведущих стран, и Япония в этом смысле не может быть обойдена вниманием.

По схеме А. Танака, предложенной в 1993 году, современный мир является одновременно одно-, трех- и пятиполярным. Он является однополярным в том смысле. Что только США обладают абсолютным превосходством над всеми странами мира по совокупности своих возможностей. Международные отношения трехполярны, если речь идет об экономике, причем роль экономических полюсов выполняют национальные государства (методически автор безупречен!) – США, Япония и Германия. Наконец, мир предстает пятиполярным в *организационно-политическом* отношении (такой критерий, насколько можно судить по доступной литературе, ранее никем не предлагался). США, Россия, Китай, Британия и Франция являются организационно-политическими полюсами мира в той мере, как эти страны обладают, как полагает А. Танака, во-первых, обширным опытом участия в управлении мировой политикой и принятии ключевых международных решений; и, во-вторых, наличием каналов и возможностей для участия в миросистемном регулировании (Akihiro Tanaka. Is There a Realistic Foundation for a

Liberal World Order? "Prospects for Global Order". Vol.2. Ed. By Seizabiro Sato and Trevor Taylor.L., Royal Institute of International Relations, 1993).

Соразмерная элегантность такого построения лишает запала критику, которую стоило бы ему адресована. И все же обратим внимание: автор, в сущности, предлагает – лучший из известных – вариант рассуждения в русле все той же многополярности. Делает это он, опять-таки уклоняясь от определений, избегая разговора о критериях и благоразумно предпочитая вести речь не о наступлении многополярности, а только о распаде биполярной структуры. Поэтому, отдавая должное свежести авторских классификаций, я лично склонен ценить в теории комбинированной структуры прежде всего косвенное указание на переходность нынешнего этапа мироструктурной трансформации и, что особенно важно, предощущение комбинированного, усложненного характера будущей миросистемной самоорганизации (название «теория комбинированной структуры» предложено нами. Сам А. Танака свою концепцию не именует никак). <...> И все же, как представляется. Не его объяснение отражает контуры реально складывающейся модели современной структуры.

Думается, что подходящим названием для последней может быть «плюралистическая однополярность». Типологически эта структура может быть отнесена к комбинированным. Но *она складывается преимущественно, в основном в рамках вектора однополярного развития.* Это, конечно, не однополярность в чистом виде – в той мере, как *источником направляющих импульсов в мировой политике оказываются не единолично США, а Соединенные Штаты в плотном окружении стран «семерки», сквозь призму или фильтры которой преломляются, становясь более умеренными, так или иначе меняя свою направленность, собственно американские национальные устремления.* Новая однополярность обещает быть однополярностью смягченного, «плюралистического» типа, в рамках которого сильнейшая держава мира, по видимому, не будет обладать возможностями жесткого контроля над происходящим в той или иной части мира. Хотя сможет пользоваться труднооспоримым *влиятием.*

На первый взгляд такая структура походит на ту, что выше была описана под названием «кольцевой». Однако, как представляется, плюралистическая однополярность отличается от нее в двух существенных чертах. Во-первых, для «кольцевой» структуры одним из наиболее значимых конструктивных элементов было «внутреннее кольцо». Присутствие в этой «прослойке» такой мощной державы, как Советский Союз, придавало ей, казалось бы, устойчивость, усиливало ее роль, повышало, так сказать, плотность «обрамляющей» среды, внутри которой ядро индустриальных демократий могло принимать свои решения. В сегодняшней структуре мира роль «прослойки» ниже, а сама эта «прослойка» «рассыпается», «растаскивается», поскольку составляющие ее страны

либо переходят на положение сателлитов «ядра», либо скатываются к позиции явных аутсайдеров. Во-вторых, и это вытекает из первого, шансы России занять отвечающую ее (завышаемым) представлениям о «надлежащем» месте позицию в формирующейся структуре хуже, поскольку ядро «плюралистически однополярной» структуры плотнее, чем «кольцевой» в той мере, как доминирование США в ней стало сильнее, а сама Россия, перестав быть Советским Союзом, – слабее.

<...>

Печатается по: Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль. 1996. № 2. С. 25–36.

Вопросы

1. Перечислите все теории мироустройства, упомянутые в приведенном тексте статьи.
2. Почему с распадом биполярной системы наиболее популярной стала модель многополярности мира?
3. В чем суть теории миросистемы, предложенной А. Танака?
4. В чем состоят особенности теории плюралистической однополярности?

Страус А.

Айра Л. Страус – исполнительный директор (с 1985 г. по 1991 г.) Ассоциации за объединение демократий – атлантистско-униполяристской организации, среди первых членов которой в свое время были основные авторы Плана Маршалла и разработчики проекта создания НАТО – из числа сотрудников Госдепартамента. Во второй половине 1990-х гг. он являлся координатором (от США) Комитета НАТО по Восточной Европе и России – организации, занимающейся вопросами адаптивования НАТО к условиям эпохи после холодной войны.

Критический обзор модели униполярности можно найти, например, в журнале «Полис», опубликовавшего, статью доктора А. Страуса (Сорокин К.Э. Кто про что, а американцы про униполярность // Политические исследования. 1997. № 2. С. 45–49).

Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России (с сокращениями)

Со времени распада советского полюса биполярного мира международная система является униполярной. Налицо фактически существующий «униполь». Он состоит из демократических индустриальных стран, которые обладают превосходящим весом в глобальной системе.

Соединенные Штаты, в свою очередь, являются ведущей державой внутри униполю.

Униполь не представляет собой неизменной (fixed) группы стран. Он возник из составившей его ядро группы стран Атлантики и в текущем столетии вырос в несколько раз. Окончание холодной войны предполагает его дальнейшее расширение на восток, распространение его на Восточную Европу, а также, возможно, Россию.

Униполярность представляет собой конечную точку определенной эволюции, начавшейся в ранние времена модерна с образования многополярного баланса могущества, который в XX в. стал биполярным. Этапы как бы отмечены печатью неизбежности: многополярность, биполярность, униполярность. Уже в самой последовательности этих этапов мы можем видеть постепенное скрадывание (imploding) баланса могущества вплоть до настоящего момента, когда его более не существует в традиционном смысле. В то же самое время западный «униполь» наращивал свои внутренние идентичность, способности и структуры.

<...> Однако внутренняя его структура не достигла в своем развитии пункта, где можно позволить себе остановку. Он нуждается в серьезной отладке, чтобы оказаться адаптированным к условиям, существующим после холодной войны, а тем более – жизнеспособным в долгом путешествии через века.

К сферам, подлежащим отладке, относятся: 1) адаптирование миссий, выполняемых униполярными институциями, к задачам новой эпохи; 2) пополнение этих институций с включением новых демократий в их состав, с тем, чтобы расширить их базу для осуществления глобального лидерства; 3) рационализирование (streamlining) в них процессов принятия решений, с тем, чтобы они могли справляться с увеличением числа участников и с более переменчивым кругом задач (the more fluid tasks) новой эпохи; 4) становление более зримой и прочной (permanent) униполярной идентичности, которая соответствует миру, в котором нет определенного (fixed) врага. Решающий вопрос здесь в том, адаптируются ли как униполярные институции, так и Россия в достаточной мере для включения России в униполь. Если да, то позиция глобального лидерства надежно сохранится за униполем на долгие времена. Если же нет, униполярность, тем не менее, будет основной структурой глобального могущества, но без достаточно широкой базы, чтобы обеспечить стабильность.

<...>

Внешний баланс могущества, внутренний баланс влияния

Униполярность не означает, что не существует никакого сбалансирования в мире или что все отношения униполярны. Элемент сбалансирования имеет место, но это не некий традиционный внешний баланс могущества.

Могут существовать два весьма различных вида сбалансирования: внешнее и внутреннее. Внутренний баланс есть баланс, существующих в рамках достаточно структурированного государства и в рамках некоторых международных организаций. Внешний баланс могущества есть баланс, существующий между полностью независимыми политиями. По мере того, как традиционный баланс могущества скрадывался после 1900 г., мир эволюционировал от такого положения вещей, когда он полагался почти исключительно на внешние балансы могущества, к такому, когда он в возрастающей степени полагается на внутренние балансы влияния. Отношение между значительными экономическими державами сегодня лишь в этом новом смысле представляет собой многополярный баланс; ибо в то же самое время, как эти державы «уравнивают» друг друга. Они объединены в организационных структурах глобально главенствующего униполюса – атлантическо-трехсторонней системы военного и экономического союза, сконцентрированной вокруг Соединенных Штатов. Такой многополярный баланс, какой существует сегодня, есть многополярный баланс влияний *в рамках* глобального униполюса, а не многополярный баланс могущества между обособленно соперничающими на мировой арене центрами силы обычного характера (general-purpose). Это – многополярность в рамках всеобъемлющего (overarching) униполюлизма. А не традиционный мультиполюлизм.

Внутренний баланс функционирует прежде всего посредством баланса влияний на совместные институты. Внешний баланс функционирует прежде всего посредством внешних давлений на политику отдельных акторов.

Международные отношения традиционно концептуализировались в категориях внешних балансов могущества: представлялось, что государства, выступающие в качестве отдельных тотальностей, с подозрением относящихся к могуществу остальных государств, использовали в переговорах всю весомость своего могущества, а заключении соглашений старались обеспечить себе гарантию того, что это не уменьшит их относительную мощь в случае будущей войны.

В международной практике на протяжении века имел место медленный сдвиг от внешних балансов к внутренним. Выступая в рамках международных организаций, национальные представители иногда способны *убедительно ссылаться на достоинства того или иного предложения и на то в нем, что составляет общий интерес, а не на обособленные национальные интересы. Решения достигаются посредством процессов лоббирования и выстраивания консенсуса, в которых внутренние отношения влияния могут иметь большее значение, чем внешние отношения могущества.* Предельной моделью этого является общее законодательство, при котором взаимные угрозы силой исключены.

В слабых международных организациях угрозы или косвенные угрозы государств-членов в адрес друг друга все еще играют значительную роль. В сильных структурах, таких как ЕС и НАТО вместе взятых, роль взаимных угроз государств-членов сошла на нет. Еще обращается внимание на относительную величину страны – это играет значительную роль в установлении баланса влияния, – но это связано с величиной ее роли в общей организации, а не с какими бы то ни было угрозами в отношении других конкретных членов последней. Единственная косвенная угроза, которая так или иначе иногда появляется, – это чья-либо угроза отказаться от своего позитивного вклада в общее усилие, а не угроза применить негативные санкции к какому-либо другому члену организации.

Чем сильнее организация, тем она более способна работать, полагаясь на убеждение, а не на принуждение, на внутренний, а не на внешний баланс. Общий аппарат организации само по существу своему униполярен; он может иметь только одну общую ориентацию.

***Элемент внутренней многополярности
в рамках всеобщей униполярности***

Теперь мы располагаем инструментами, позволяющими дать более точное определение современной ситуации: всеобщий униполярим – или отсутствие внешнего баланса могущества – в сочетании с элементом многополярности во внутреннем балансе влияний. Это можно резюмировать как «элемент многополярности влияния в рамках униполярности могущества», или «некоторая внутренняя многополярность в рамках всеобщей (внешней) униполярности», или совсем просто: «некоторая многополярность в рамках униполярности». <...>

Элемент многополярного баланса в рамках униполя реально существует. Это баланс, однако, является внутренним: свое влияние друг на друга через эти совместные институты основные демократии оказывают без малейшей мысли о войне друг против друга или хотя бы о косвенной угрозе – и без малейшего страха перед угрозой – применения оружия. <...>

<...>

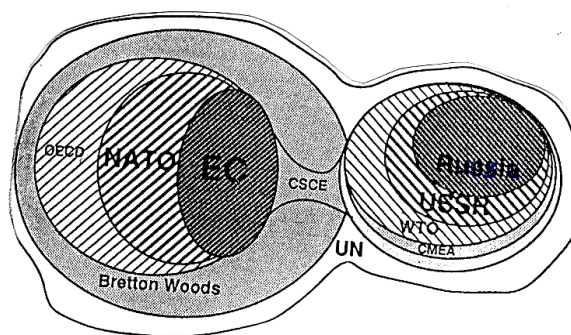
***От биполярности к униполярности:
конец внешнего баланса могущества***

На смену существовавшим в рамках многостороннего баланса параллельным империям соперничающих держав пришла *возникшая в большей части мира система гегемонии, действующая при посредстве концентрических кругов*: в самом ее ядре – Америка; в более широком центре – расширенная система Атлантического альянса, организованная в такие институты, как НАТО, АНЗЮС, ЕС, ОЭСР и «Большая семерка»; затем более обширный, простирающийся с заходом на периферию

круг бреттон-вудских институций, образующий некую область полутени, где центр доминирует; а далее – круг глобальных институций, таких как ООН. Гегемония осуществлялась при посредстве этих концентрических кругов. Она осуществлялась в двух разных стилях: в бывших колониях она осуществлялась в постимперской манере, посредством влияния с сильным оттенком господства; в центре американская гегемония осуществлялась по большей части в духе лидерства, или «первенства среди равных», в совместных институциях. <...>

Мировой порядок холодной войны, напоминающий по форме своего устройства земляной орех, можно представить в виде двух наборов концентрических кругов, западного и восточного, которые связывает и окружает тонкая оболочка глобальных институций. Когда Советский Союз (уже прекративший в этом качестве свое существование) решил присоединиться к основному реальному существующему мировому порядку, восточный набор концентрических кругов исчез, и мы оказались в современном униполярном мире. *«Земляной орех» ужаслся до единственного набора концентрических кругов.*

Россия надеялась, как великая держава и европейская страна, присоединиться к центру этого мирового порядка, но при отсутствии у ведущих кругов Запада какого-либо четкого униполяристского видения или активной униполяристской политики она оказалась равнодушно предоставлена собственной судьбе. Стала в некоторых отношениях больше держаться стран третьего мира на периферии, чем запада в центре [время публикации статьи – 1997 г.]. Момент глубоко огорчительный. Это бесперспективно. Либо Россия будет в большей степени введена во внутренний круг союзников, либо (в противном случае) она может вновь покинуть этот круг, считая себя своим собственным самодостаточным миром, а также лидером глобального сопротивления господству Запада. <...>

Устройство мира наподобие земляного ореха
(противоположные системы мирового порядка в период холодной войны)

Схема перенесена из оригинала статьи.

Аббревиатуры означают:

OECD – Организация европейского сотрудничества и развития;

NATO – НАТО;

ЕС – Европейское (экономическое) сообщество;

CSCE – Совет по безопасности и сотрудничеству в Европе;

WTO – Всемирная организация торговли;

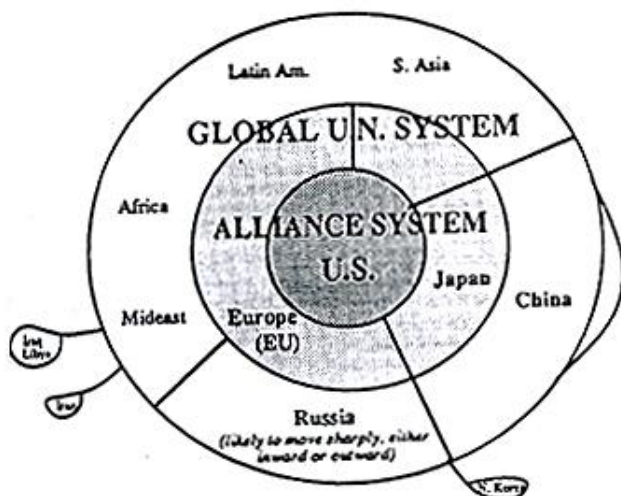
СМЕА – Совет экономической взаимопомощи (СЭВ);

Bretton Woods – система Бреттон-Вудских соглашений;

CIS – Содружество независимых государств (СНГ);

NACC – Координационный совет Североатлантического союза;

PIP – Партнерство ради мира.

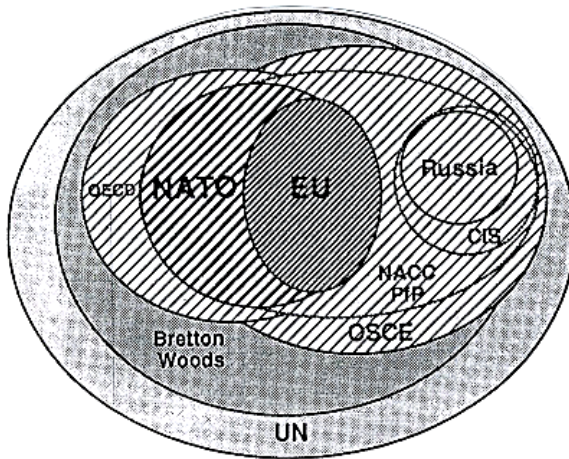

Концентрическая структура мирового порядка

Текст внутри круга под словом «Россия»: вероятно ее резкое перемещение внутрь или вовне

Страны Азиатско-Тихоокеанского региона: в настоящее время все они переживают бурный рост; в будущем вероятно постепенное перемещение внутрь или вовне системы

Державы, которые могли бы выйти из системы и создать альтернативный полюс, восстанавливая устройство мира наподобие земляного ореха: Россия; Китай; Япония; исламские страны (в случае объединения).

Положение держав в униполярной системе

Печатается по: Страус А.Л. Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России // Политические исследования. 1997. № 2. С. 27–50.

Вопросы

1. Сформулируйте определение униполя.
2. Какую роль в формировании униполярности играют международные организации, которые автор называет сильными?
3. Что автор называет «всеобщим униполяризмом»?
4. Что обозначается термином «внутренний институциональный баланс»?

Тема 8. ГЛОБАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО

Появление понятия «гегемония» связано с теорией гегемонистской стабильности (Киндельбергер, Р. Кохейн, Р. Гилпин, Дж. Най). Оно было дано в 1970 г. американским историком Киндельбергером, выводящим его из исследования мирового экономического кризиса 1929 г., рассматриваемого, прежде всего, как кризис стабильности. Автор не использовал термин «гегемония» предпочитая «ответственность». Ответственным должен быть кто-то один, это и есть гарантия стабильности. В международной политике «ответственной» становится господствующая в МО держава. Она в состоянии «распределять» между государствами коллективные, общественные блага и этим ограничивает анархичность, присущую системе. В 1980 г. термин «гегемонистская стабильность» был предложен Р. Кохейном как название группы работ о роли лидерства в мировых связях. Одновременно идентичный взгляд высказал Р. Гилпин, хотя он первоначально предпочитал пользоваться в своих рассуждениях словом «лидерство» вместо «гегемония». Процесс теоретического оформления гегемонии завершился в 1980-1990-х гг., когда Дж. Наем была предложена цельная политико-военно-экономическая теория, которая была приложена им к реалиям рубежа 1980-х и 1990-х годов. Условия, при которых государство может стать гегемоном (Р. Кохейн, Р. Гилпин):

- если его положение будет обеспечивать ему контроль над сырьевыми ресурсами;
- источниками капитала;
- рынками;
- конкурентные преимущества в производстве наиболее высокоценных товаров.

Исторически, понятие гегемонии было по-прежнему близко понятию «лидерство», и включало в себя значительную степень идеологического согласия держав, возможность сложится в силу объективных обстоятельств: наличия передовой экономики, отстраненности от вызванной войной разрухи. В период существования биполярной системы к понятию «гегемон» добавляется представление о том, что гегемон не обязательно единственная сверхдержава в мире (возможно существование контргегемона). Гегемоном поначалу называлась держава, имевшая и разрушительную военную силу, и созидательный потенциал для структурирования мировой системы в соответствии со своими интересами.

В 1984 г. Роберт Кохейн, американский теоретик международных отношений, опубликовал знаменитую работу «После гегемонии», посвященную отмиранию традиционной борьбы за лидерство и, в конечном счете, гегемонию между великими державами. В современном ми-

ре, по мнению Р. Кохейна, гегемония стала анахронизмом. Международные отношения больше не являются просто борьбой за какие-то военные или территориальные приобретения. Система отношений стала своего рода игрой с позитивной суммой, системой экономических обменов, в которых государства вели друг с другом переговоры по тарифам и регулированию для того, чтобы получить взаимные преимущества. Со временем эта система стабилизировалась, и возникло то, что Кохейн называл «международным режимом». Это был мирный и консенсусный порядок, в котором ни одно государство не могло быть единым властителем других. США, утверждал Кохейн, могли в какое-то время выступать в качестве гегемона Запада в послевоенную эру золотого стандарта доллара. Но после отмирания Бреттенвудской системы в начале 70-х годов, Соединенные Штаты стали просто партнером, хотя и крупным, в новом многостороннем порядке, основанном на рациональном экономическом обмене и сотрудничестве (<http://www.inop.ru/files/Anderson.doc>)

В современной литературе по международным отношениям вместо понятий «гегемон» и «доминант» иногда употребляется синонимичное понятие «мировой лидер»; в целом же выстраивается строгая иерархия участников международных отношений: гегемон, доминант (мировой лидер), лидер (А. Воскресенский, Т. Шаклеина и др.).

Наиболее актуальными в изучении современного глобального лидерства являются исследования такого явления как империя. С другой стороны, современные теории империи, по утверждению одного из авторов, представляют собой попытку разобраться в реалиях нового однополярного мира.

В целом теория империи представляет собой дебаты вокруг трех моделей империи.

I. Исторически первая модель империи – огромное государство с позитивными функциями. Термин империя возник в определенной социально-экономической и культурно-идеологической ситуации городов-государств и приобрел свое «корневое» значение (Пиков Г.) в то время, когда имеющаяся база организации общества была уже неэффективна и новые вызовы требовали новой (Тихонов В.). Идею универсальной империи как общего блага создает Римская империя (Мохнач Вл.). Романизация – это дороги, почты, водопроводы; продуманная модель управления, опирающаяся не только на титул римского гражданина, но и на звание друга и союзника римского народа. Итак, основания позитивной функции империи:

- 1) сильная централизованная власть;
- 2) гибкая система взаимоотношений между центром и периферией;
- 3) сложившиеся экономические связи;
- 4) единая религия;

5) идеология, которая оправдывала любые виды экспансии для поддержания общего блага.

Тихонов В. в работе «Общая теория империи» отмечает факторы успешного экспансионизма: 1) привлекательная идеология, понятная всему человечеству; 2) ее неограниченное территориальное применение; 3) приемлемая для разных культур политическая и экономическая система; 4) возможно низкая конфликтность; 5) продуманность (проработанность, инструментальность) имперской идеи.

II. Вторая модель империи – идеальный тип, используемый для именованья и описания политических систем, удовлетворяющих следующим критериям: 1) значительные территориальные размеры и связанная с ними безграничность (сама идея «мира без границ» – имперская); 2) этнополитическая неоднородность имперского пространства; 3) присутствие в механизмах легитимации и в политической практике универсальных ориентаций; предъявления претензий на вселенский смысл своего существования.

Каспэ предлагает, таким образом, термин «империя» рассматривать как свободный от оценочной нагрузки (Каспэ С. Империя под ударом. Конец дебатов о политике и культуре // Неприкосновенный запас. 2002. № 5). Это идеальный тип государства (политической системы), имеющей следующие основные признаки:

- государство с сильной централизованной властью;
- лидером или элитой, которые руководствуются конкретными целями и имперской идеологией, оправдывающей претензии на глобальную гегемонию и «космический суверенитет»;
- управляют разнородной в культурном и этническом плане периферией;
- опираясь при этом на стержневой этнос;
- следуя политике поддержания не только собственного существования, роста материального благосостояния, поддержание общих интересов и устранение опасности со стороны потенциальных конкурентов, распространение своего образа жизни (государственного порядка) на другие территории;
- естественное окончание имперского правления настает вследствие исчерпания сил имперского этноса.

III. Эволюцию образований имперского типа завершает понятие «глобальная империя», связанное с трансформацией «национального государства», наличием «неработающих» традиционных механизмов поддержания стабильности мира, необходимостью новых ответов на новые угрозы миру, посильные только «надгосударственному образованию». При этом логика империи осталась прежней – универсальная идея для всего человечества, наиболее удачная на сегодняшний день.

Одной из наиболее дискуссионных теорий является идея Хардта М. и Негри А. Авторы предлагают четыре основных признака империи: 1) имперское правление не имеет границ; 2) империя демонстрирует свое правление как режим вне времени и вне истории; 3) идея империи устремлена к миру – универсальному и вечному; 4) империя не только регулирует межчеловеческие взаимодействия но претендует на власть непосредственно над человеческой природой.

Обзор основных зарубежных теорий империи проводит в своей статье Дж. Икенберри, отмечающий следующих авторов: Чалмерс Джонсон «Империя и ее темные стороны: милитаризм, секретность, конец республики», Найэлл Фергюсон «Колосс или издержки американского империализма», Бенджамин Р. Барбер «Империя страха: война, терроризм и демократия», Майкл Мэнн «Рыхлая империя», Эммануэль Тодд «Падение американской империи: что дальше?».

Основные понятия и термины

Гегемона характеризует влияние и главенство; способность и возможность структурировать мировую систему в соответствии со своими интересами; способность и возможность определять параметры производства и вооруженных сил крупных региональных держав. Вместе с тем в понятие «гегемон» входит понятие ответственности (1970 г.), лидерства (1980 г.), существование которого является необходимым для стабильности мира.

Гегемония (греч. – господство, первенство, руководство, преобладание). В 1977 г. по совместному определению Р. Кохэйна и Дж. Ная, под гегемонией понималась международная ситуация, в которой «одно государство является достаточно сильным, чтобы утверждать основные правила, регулирующие межгосударственные отношения, и обладает волей поступать таким образом».

Империя – это одна из древнейших форм государственного устройства; государство, отличающееся от других крупными размерами и постоянным стремлением к приращению территорий путем захвата (чаще военного). Неотъемлемая черта империи – время их существования. Согласно статьям большинства словарей, империи, имеющие колониальные владения, существовали в древнее и новое время. Список империй, составленных в хронологическом или алфавитном порядке, может включать до 47 наименований государств от Ассирийской империи (900–612 до н.э.) до Эфиопской империи (1865–1974 гг.).

Империя (лат. *imperiū* – букв. верховная власть) – это монархия, отличающаяся от большинства монархий крупными размерами и постоянным стремлением к приращению территорий. Непосредственное осуществление власти в имперском государстве характеризуется безраздельностью верховной (исполнительной) власти, находящейся в ру-

ках сильного центра (императора, монополии) и, представляющую собой соединение исполнительной, законодательной и судебной власти (или другой формы высокой концентрации власти).

Империя в ТМО – термин, который может быть рассмотрен с точки зрения системного анализа, теории глобального лидерства и внешней политики. С точки зрения системного анализа, мир представляет собой мир-империю, которая контролирует все остальные единицы системы. В теории глобального лидерства термин империи негласно занимает высшую ступень в иерархии акторов международной арены; во внешней политике он представляет собой государственную политику, направленную на завоевание территорий, колоний, установление политическо-го или экономического контроля над другими государствами.

Имперская политика – понятие, разработанное в марксистских и неомарксистских теориях международных отношениях и получившее название «империализм». Более конкретное определение империализма как особой стадии в развитии капитализма включает в себя пять основных признаков (В.И. Ленин):

1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни;

2) слияние банкового капитала с промышленным и создание, на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии;

3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение;

4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и

5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами.

Мир-империя – понятие, сформулированное в рамках неомарксистской теории. Применяемый к системному анализу международных отношений, данный термин почти полностью исключает понятие «империя». Согласно И. Валлерстайну, современная мир-система зародилась в т.н. «длинном 16-м веке» (приблизительно 1450–1650 гг.) и постепенно охватила собой весь мир. До этого времени в мире одновременно сосуществовало множество мир-систем. Эти мир-системы Валлерстайн подразделяет на три типа: минисистемы, мир-экономики и мир-империи. Минисистемы были характерны для первобытных обществ. Для сложных аграрных обществ характерны мир-экономики и мир-империи. Мир-экономики представляют собой системы обществ, объединенных тесными экономическим связями, выступающие в качестве определенных эволюционирующих единиц, но не объединенные в единое политическое образование. Все докапиталистические мир-экономики рано или поздно превращались в мир-империи через их политиче-

ское объединение под властью одного государства. Единственное исключение из этого правила – это средневековая европейская мир-экономика, которая превратилась не в мир-империю, а в современную капиталистическую мир-систему (Валлерстайн И. Мировая система // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / под ред. Н.С. Розова. – Новосибирск, 1998. Вып. 1. С. 105–123).

Лидера характеризуют высокий уровень экономического развития (это государство доминирует в экономике), военная сила и созидательный потенциал; желание и способность заручиться поддержкой других стран. Лидер не определяет параметры крупных держав. Признание его авторитета исключает прямое подавление лидером тех, кто не стремится войти в сферу его влияния, а также общие интересы лидера и его последователей. К числу лидеров иногда относят государства-доминанты – государства, занимающие лидирующие позиции в мире по своим характеристикам (Э.Я. Баталов, А. Воскресенский, Т. Шаклеина). Таким образом, выстраивается «иерархия» ведущих держав: 1) гегемон 2) доминант (мировой лидер) 3) лидер.

Лидерская система (МО) – система, которая строится на беспорочном преобладании разного, но всегда жестко ограниченного круга наиболее сильных государств (в этом смысле лидерскими были все системы международных отношений со времен 1648 г. до 1991 г.). В регионах необходимо выделить пространственные системы – там, где полюсы-лидеры почему-либо не в состоянии оказывать определяющее влияние на положение дел, а «фоновые» страны приблизились к тому уровню, когда сопротивление регионального пространства может нейтрализовать импульсы со стороны, как минимум одного, наиболее мощного полюса или всех полюсов. Пространственные системы преимущественно – тип организации среды (фона, пространства) – в них стабильность обеспечивают объекты, в лидерских стабильность обеспечивают субъекты (см.: Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995). М., 1997).

Типичный лидер – государство, обнаруживающее объективную способность и выраженную волю, во-первых, навязывать свое видение перспективы международного развития, оптимальных способов обеспечения мира и стабильности другим странам, сообществу государств в целом или какой-то его части; во-вторых, противостоять аналогичным устремлениям других лидеров или игнорировать их, не подрывая при этом основы собственной выживаемости в политическом и страновом качестве (Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и

теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995). – М., 1997. – С. 59–60).

Воскресенский А.

Китай в контексте глобального лидерства?

Существуют две основные школы анализа проблематики лидерства. Первая – говорит о «закате Запада», окончании Нового времени, «упадке величия традиционных международных лидеров и распаде мировых империй». Все эти образы подразумевают, прежде всего, «уход» США с лидирующих международных позиций (Знаменитая работа О. Шпенглера об «упадке» Запада вышла еще в 20-х годах прошлого века: Spengler O. Decline of the West, New York: Knopf, 1926–1928. См. также: Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. New York: Vintage Books, 1989. Из российских работ заслуживает внимания материал П. Власова и Е. Гуровой, опубликованный в рубрике «Наследники дяди Сэма: законные и самозванные» тематического номера журнала «Эксперт» (1996. № 22). Подобные воззрения до сих пор популярны на Востоке (Из «восточных» бестселлеров на эту тему наиболее известна книга китайских авторов Сун Цяня, Чжан Цанцана и Цяо Бяня «Чжунго кэи шо бу» (Китай может сказать «нет»). Пекин: Чжунхуа гуншан лянхэ чубаньшэ, 1999. Эта работа довольно долго обсуждалась западными СМИ). Они могут теоретически подпитывать и гораздо более радикальные взгляды, например, о желательности «подтолкнуть» процесс угасания американского лидерства. Их крайним проявлением может оказаться мнение о допустимости применения ради этого террористических методов – точка зрения, конечно, неприемлемая для любого здравомыслящего человека или ответственного правительства.

Наряду с крайними существуют «мягкие» формы политики «подталкивания» – посредством форсирования многополярности, стимулирования перехода от доллара как мировой валюты к евро, создание единой валюты в масштабах Азии, формирования региональных организаций безопасности без участия США. Смысл подобных «схем действий», разумеется, не стоит слишком упрощать. Планы, наподобие европейского финансово-экономического союза и единой европейской валюты, равно как и предложения об иеновом торговом блоке – не обязательно направлены на «размывание» лидерства Америки. Их уместно интерпретировать и как попытки нащупать собственные оптимальные пути в рамках общей тенденции развития мировой системы, повысить ее стабильность за счет снижения зависимости от волюнтаристской политики американских администраций.

Конечно, говоря о «мягких» формах размывания лидерства США неизбежно приходится касаться непростого вопроса о том, что является первопричиной тех тенденций, на которые указывают аналитики. Действительно ли Вашингтон теряет способность быть лидером и поэтому неумело стараются при помощи силы остановить процесс своего «ослабления», или, наоборот, некомпетентная политика американского руководства вызывает отторжение других крупных держав, и американское лидерство слабеет в результате их желания «посодействовать» его размыванию. Вопрос важен с точки зрения не только «чистой» теории, но и практической дипломатии: ответ на него дает ключ к прогнозированию политики крупных региональных держав.

Вторая группа воззрений на лидерство восходит к западной политэкономии международных отношений, это школа «структурного лидерства» (См.: Strange S. *The Future of American Empire // Perspective on World Politics* / R. Little and M. Smith (eds.). 2nd. edition. London: Routledge, 1993). Ее представители утверждают, что аргументы об «обремененности» традиционного лидерства и упадке Запада основаны на во многом устаревших воззрениях А. Смита, описывавшего экономическую базу производства в рамках одного государства. Методология его анализа лишь частично соответствует современным реалиям постиндустриальных, а тем более информационных обществ. Сегодня важно учитывать не столько страновые условия производства (где оно находится), сколько факторы более сложной природы: где находятся лица, принимающие решения о том, что, где и как производить, какой должна быть стратегия управления и менеджмента, продаж на мировом рынке, откуда можно почерпнуть необходимую технологию и т.д. Соответственно, все доводы о привязке производства к конкретной территории в нынешних условиях неадекватны.

Рынок экономически высокоразвитых стран Запада остается самым обширным, платежеспособным и открытым в мире (правда, уже не единственным), находящимся под управлением стран, проводящих сходную и скоординированную политику в сферах военной стратегии и экономики (большая часть стран «восьмерки», государства-участники НАФТА и ЕС, НАТО). Сторонники школы «структурного лидерства» говорят, что расхождения между западными державами наблюдаются в основном лишь относительно частных вопросов. США как лидер Западного мира будут развиваться достаточно динамично, так как ослабление доллара фактически ведет к повышению конкурентоспособности американской продукции, не говоря уже о том, что планируемое закрепление дипломатического и военного преобладания Вашингтона в крупнейших регионах производства энергоносителей будет ключом к преумножению американского богатства и закреплению экономического

лидерства США. Когда нужно, оно может и в дальнейшем быть подкреплено военной силой.

Хотя некоторые страны Востока (Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, а в последнее время и Малайзия, Таиланд, Индонезия) довольно успешно конкурируют с западными странами, однако общий технологический отрыв последних не вызывает сомнений. Страны Запада концентрируются на наукоемких отраслях «ядра» постиндустриального уклада, а даже самые передовые новые индустриальные страны – в лучшем случае на производстве технического оборудования для информационно-технологического производства. Догоняющий, экспортоориентированный (прежде всего на страны Запада) путь модернизации, которого придерживаются эти страны, не имея возможности пойти другим в силу неравномерности процесса глобализации, в принципе, не позволяет им ни серьезно подорвать, ни оспорить мировое лидерство западных государств.

Структурно-экономическое и финансовое становление незападных (альтернативных) цивилизационных моделей может проходить также долго, как осуществлялось становление западной (около 400 лет), и быть при этом отнюдь не линейным и не гладким процессом. Демографическое и территориальное «сжатие» Запада и «упадок» США происходят при сохранении их относительных и абсолютных финансово-экономических, политических и военных позиций, а также – на фоне западной интеллектуальной и культурной «экспансии». Инновационные основы западной цивилизации не подорваны. Страны Востока (того, что принято им называть), и это в них осознается, не сумели сформулировать альтернативы «западному пути», хотя и пытаются это сделать, а «другой» путь, предложенный Советским Союзом, в конечном счете оказался несостоятельным. Стратегия наиболее успешных развивающихся стран скорее является приспособлением своих культурно-цивилизационных особенностей к реалиям существующей мировой структуры отношений, уже созданной Западом и поэтому приспособленной для его нужд, а не формированием новых структур и «вызовом» Западу «извне» старой структуры. Поскольку наиболее успешные «вызовы» (пример – Япония) следовали именно изнутри мировых структур, созданных Западом, они были восприняты им весьма болезненно, хотя в целом Запад все же смог их успешно амортизировать.

Если следовать логике представителей второй школы, но все же признавать наличие «вызовов» лидерству Запада, то скорее всего можно говорить о наличии вызовов для «американской модификации» западного пути развития, о попытках (пока безуспешных) сформулировать «неамериканский» вариант «западного пути» (Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, New York: Simon and Shuster, 1996). Конкуренция идет не по линии «Запад – Незапад», а при-

нимает характер многовариантного вызова универсальности «американского» пути развития как изнутри самого Запада, так и извне его. Пример первого – особая позиция Франции, иногда – Германии и Италии или даже в целом ЕС. Второго – «исламский вызов» и «китайская альтернатива».

Осуществив индустриализацию, Запад в принципе решил проблему «количественного экономического роста». Речь не идет о том, что производство чего-либо недостаточно. Можно говорить лишь о большем или меньшем уровне производства «спроса на потребление», которое в странах Запада уже давно стало по определению избыточным. Акцент в приоритетах развития сместился в сторону качественных показателей («качество жизни», показатели постиндустриального ВВП на душу населения). В этом смысле и в той мере, которой экономические процессы вне Запада параллельны тем, что развивались внутри его, лидерство Запада бесспорно. Инновационный и научно-технический заделы, высокая конкурентоспособность в ключевых секторах мирового рынка позволяют и будет позволять ему снимать «инновационную» и «структурную» ренту еще достаточно долго. Чрезвычайная гибкость и открытость западного мира, его необычайная восприимчивость к новым идеям и продуманная иммиграционная политика позволяет говорить о том, что Западу скорее удастся трансформироваться (и трансформировать другие страны) в иное качество, чем «угаснуть». Однако США все больше прибегают к силовым методам, что позволяет аналитикам усмотреть в «лидерстве» Америки не только элемент «некомпетентности», но и «элемент угасания». Компетентность этого лидерства начинают открыто подвергать сомнению и крупные региональные государства.

2

Понятия «Запад», а также «Север» и «Юг», которыми традиционно пользуются исследователи, приобретают относительное значение. Под странами Запада все чаще понимаются индустриализованные страны географического севера, лидирующие в экономике высокотехнологичных и инновационных отраслей и обладающие высоким уровнем дохода на душу населения. Типологически эти государства относятся к демократическим системам правления. При этом, с точки зрения стран, находящихся точно вне этой группы, Япония или Тайвань воспринимаются скорее как части Запада, чем как «обычные» восточные, «чисто азиатские» страны. Срашивание двух этих финансовых гигантов со странами «традиционной западной коалиции» в сфере экономики и безопасности на самом деле очевидно, как очевиден и контраст: страны Юга сегодня не способны выступать даже тем «несомкнутым фронтом», которым они казались лет 10–15 тому назад (Подробнее см. аргументацию в главе 2 книги С.И. Лулева и Г.К. Широкова «Трансформация мировой

системы и крупнейшие страны Евразии». (М.: Academia, 2001). См. также: Глобализация и крупные полупериферийные страны / отв. ред. В.Г. Хорос, В.А. Красильщиков, А.И. Салицкий. – М.: Международные отношения, 2003).

«Скептические» варианты теоретизирования на темы лидерства во многом стимулируются, конечно, формированием в 2002-2003 годах «коалиции» Франции, Германии, России для противодействия американскому варианту «решения» иракской проблемы. Какими бы разными мотивами не руководствовались участники этой коалиции, факт ее появления заставил говорить о феномене «антилидерства», то есть о политике частично (и изнутри западного мира), направленной на «изменение» или «переориентацию» политики лидера. Конечно, появление этой политико-дипломатической коалиции имело экономические и геополитические резоны. Однако появление антилидеров – крупных региональных держав, линия которых по некоторым вопросам может идти в разрез с политикой лидера, на наш взгляд, может и не подрывать позиции лидера в целом, хотя, конечно же, частично размывать его основания. Всерьез подорвать позиции лидера может разве что выдвижение Азиатско-Тихоокеанского региона на положение «мотора» мирового экономического развития, если в этом регионе «особую» роль станет играть Китай. Стоит сделать теоретические уточнения. Более или менее ясно, что эпоха «гегемонии» в мировой системе прошла. Глобализация оказалась сложным процессом, включившим в себя и регионализацию, и фрагментацию мира. Точно так же сложным явлением оказалась и «гегемония». Прежде под «гегемоном» понималась держава, имевшая и разрушительную военную силу, и созидательный потенциал для структурирования мировой системы в соответствии со своими интересами. Причем XX век добавил этой характеристике одну важную черту – гегемон должен был быть сверхдержавой, но не обязательно единственной. В мире могли существовать одновременно как гегемон, так и контргегемон.

После распада СССР и активизации наступления школы «упадка лидерства», появилось понятие «доминант». Государству-доминанту, в отличие от государства-гегемона, нужно обладать не только военной силой и созидательным потенциалом. Для структурирования мировой системы ему (большей части его элиты) должно обладать желанием это делать и способностью заручиться в делаемом поддержкой мирового сообщества. Попытки Вашингтона искать поддержки мирового сообщества в виде резолюций СБ ООН или коалиции накануне войны в Афганистане и Ираке – свидетельства перехода США из «гегемона» в «доминанта». Главное отличие государства-гегемона от государства-доминанта, по-видимому, заключается в том, что второе утрачивает

возможность определять параметры расширенного воспроизводства и строительства вооруженных сил крупных региональных держав.

В современной литературе по международным отношениям вместо понятий «гегемон» и «доминант» иногда употребляется синонимичное понятие «мировой лидер». С точки зрения теории возможен как переход гегемона в разряд доминантов, так и обратный процесс. Для того, чтобы быть гегемоном или доминантом (мировым лидером) государство должно соответствовать трем характеристикам: обладать эффективным экономическим механизмом, основанном на производстве инновационного типа; доминировать в мировой валютной системе; иметь главенствующие позиции в мировой торговле и контролировать большую часть крупных транснациональных корпораций (ТНК). Такое государство должно иметь силовые возможности глобального масштаба, мощные военные союзы и осуществлять эффективную военную политику. Оно должно обладать привлекательностью с точки зрения культуры, компетентным руководством и потенциалом общественной жертвенности (готовности общества и элиты жертвовать своими ресурсами во имя мирового лидерства нации). Такое государство (общество) должно постулировать не вызывающую отчуждения идеологию и восприниматься центром мировой науки и образованности. При этом ему «полагается» иметь энергичное (пассионарное) население. По всем этим параметрам США как лидер деградируют, хотя критическая масса нужных характеристик еще сохраняется. Поэтому переход из гегемона в доминанты не означает утрату лидерства Соединенными Штатами.

Следующую категорию стран составляют собственно лидеры. Они не «дотягивают» до доминанта, но имеют значительный собственный созидательный потенциал, а также обязательно поддержку либо других лидеров, либо доминанта, либо части периферийных государств. Все вместе это позволяет им направлять или корректировать международное развитие в конкретном регионе – обычно в том, где оно само расположено или на который простираются его исторические, геополитические и экономические интересы. Исследователи называют эту группу «крупные региональные государства» (иногда – «полупериферийные государства»).

Эта группа неоднородна. С одной стороны, к ней относятся «лидеры», то есть государства которые могут укреплять роль доминанта, или даже брать на себя роль региональных доминантов с согласия (безмолвного или зафиксированного в соглашениях) мирового доминанта. С другой – «антилидеры», страны способные при определенных условиях противостоять доминанту и даже проводить решения, которые идут в разрез с его политикой.

Антилидерам трудно преобразовывать свой разрушительный импульс в созидательный. Они ни при каких обстоятельствах, судя по все-

му, не могут заменить лидера. При определенных условиях «антилидер» может пытаться стать региональным антилидером, то есть начать проводить политику, противоречащую линии доминанта. Но доминант к таким попыткам вряд ли отнесется терпимо, поскольку региональное антилидерство является ключом к позиции «контрлидера», а соответственно и «контрдоминанта» (в перспективе и контргегемона) – государства, бросающего вызов существующему доминанту и способному занять его положение. В истории этому соответствует переход от мир-империй к мир-экономикам с соответствующими «страновыми» иллюстрациями – опыт императорского Китая, Португалии, Испании, Нидерландов, Франции, Британии, США и «надорвавшегося» контргегемона СССР.

В концепции национальной безопасности США не случайно зафиксировано положение, в соответствии с которым один из жизненно важных интересов этой державы состоит в том, чтобы не допустить появления в крупных регионах, (либо на подконтрольных Америке морских просторах) регионального гегемона, враждебного Соединенным Штатам. Антилидера от контрлидера отличает принципиальная невозможность превратиться в доминанта или гегемона. Для этого ему сначала нужно получить значительную поддержку в своем регионе, то есть стать региональным антилидером и начать формулировать не только «отрицательную», но и «положительную» «повестку дня».

Печатается по: Воскресенский А. Китай в контексте глобального лидерства? // Международные процессы. 2004. № 3 (6). Сентябрь–декабрь. Доступно on line: <http://www.intertrends.ru/five/002.htm>

Вопросы

1. Какие подходы к изучению лидерства наиболее распространены в ТМО?
2. Каковы основные признаки государства-лидера? В чем состоит его отличие от государства-гегемона?
3. Чем антилидер отличается от контрлидера?

Тодд Э.

Работы французского автора *Эммануэля Тодда* вызвали если не серьезную критику, то, по меньшей мере были оценены как парадоксальные. Автор утверждает, что долгосрочный упадок господства США уже начался, приводя в качестве доказательства ослабление позиций Соединенных Штатов Америки: экономическую слабость, ослабление и вырождение демократии в США, уменьшение геополитической роли Америки, нежелание мириться с жертвами и издержками, связанными с перестройкой обществ, в которые она вторгается.

После империи. Pax Americana – начало конца

Глава 3. Имперское измерение

Всем, кто желает поразмышлять об американской системе в историческом разрезе, приходится проводить сравнение с двумя античными империями – афинской и римской. Первый пример приходится по вкусу почитателям Соединенных Штатов, второй – их критикам. Благоприятная по отношению к Соединенным Штатам позиция, как правило, предопределяет выбор Афин в качестве ориентира. При этом подчеркивается, что в случае с Соединенными Штатами установление сферы политического доминирования за пределами национальных границ не было результатом военных завоеваний римского типа.

Для Рима расширение территории составляло смысл истории. Сам генетический код древнего города, казалось, включал в себя принцип экспансии с помощью военной силы. Все остальное – внутренняя политическая жизнь, экономика, искусство – было второстепенным. Напротив, Афины с самого основания были городом торговцев и ремесленников, местом появления трагедии, философии и демократии. Их военная судьба была результатом персидской агрессии, которая вынудила Афины вместе со Спартой возглавить сопротивление греческих городов. После первого поражения Персии Спарта, держава морская, вышла из дальнейшей борьбы, тогда как Афины, держава сухопутная, продолжили ее, создали конфедерацию городов – Делосский союз. Самые сильные члены объединения поставляли корабли, а самые слабые – деньги. Так образовалась сфера влияния Афин, и сохранилось вместе с тем своего рода демократическое лидерство.

Соединенные Штаты, которые вначале, до нападения на Перл-Харбор, как и Афины, были главным образом морской державой, приверженной изоляционизму, не могут обвиняться во врожденном милитаризме и территориальном империализме по образу и подобию Рима. Создания НАТО горячо желали все европейские союзники Соединенных Штатов. Параллель между Атлантическим альянсом и Делосским союзом не является, таким образом, неуместной. Причем роль создающей угрозу Персии играл в этом представлении Советский Союз.

Но это оптимистическое и либеральное видение Атлантического альянса может соблазнить только тех, кто забыл продолжение афинской истории. Довольно быстро Делосский союз переродился. Большинство союзных городов поспешили избавиться от своих военных обязательств, предпочтя выплачивать Афинам подать – форос – вместо поставок кораблей с судовыми командами. Лидирующий полис в этой ситуации решил завладеть общей казной, находившейся на острове Делос, и воспользоваться ею для того, чтобы финансировать не только гарантированное повиновение строптивых городов, но и строительство хра-

мов на Акрополе. Пример не безупречен или слишком безупречен: он мог бы подтолкнуть европейцев и – а почему нет? – японцев к «реалистическим» размышлениям по поводу своей собственной военной политики.

В конечном счете Афины были сокрушены Спартой, ставшей в силу обстоятельств защитницей греческих свобод. К сожалению, сохранившиеся исторические документы не позволяют нам дать точный анализ ни экономических выгод, извлеченных Афинами из своей империи, ни их влияния на социальную структуру самого города (См.: Meiggs R. *The Athenian Empire*. – Oxford University Press, 1972).

Дебаты 1990–1995 годов: нация против империи

Выбор в пользу имперской экономики совершился не без споров и конфликтов. По ту сторону Атлантики нашлось много исследователей – правда, чаще всего за пределами самых престижных университетов истеблишмента, – выступивших с осуждением свободы обмена и ее последствий для американского рабочего люда. Именно в Соединенных Штатах был заново открыт Фридрих Лист – немецкий теоретик протекционизма, экономической концепции, которая выделяет национальное пространство, защищенное от внешнего мира, но либеральное в плане внутреннего функционирования (List F. *Systeme national d'economie politique*. – P.: Gallimard, 2000).

Много трудов было издано сторонниками защиты американской промышленности от конкуренции со стороны Азии вообще и Японии в частности – «стратегическими трейдерами», которые имели определенный политический вес в начале первого президентства Клинтона.

«Стратегические трейдеры» рассматривали проблемы под углом зрения экономики и торговли. Майкл Линд первым разработал в 1995 году сценарий эволюции американского общества на основе свободного обмена. Он не ограничился выявлением непосильных последствий для рабочих и широких слоев. Его самым значительным вкладом были идентификация и описание нового правящего американского класса – «белого подкласса» (overclass), отличительными признаками которого являются не только его доходы, но и его культурные и ментальные привычки, склонность к юридическим, а не техническим наукам, мелочное англофильство, нежное отношение к «утверждающему действию» («позитивная дискриминация» в пользу меньшинств) в расовой области, умение протектировать своим собственным детям в интеллектуальной конкуренции на университетском поприще. Линд набросал портрет разделенной на страты Америки, в которой профсоюзы не имеют больше влияния на Демократическую партию, становящуюся все менее и менее демократической. Он, по-моему, первым увидел, что на современной стадии Европа и Соединенные Штаты поменялись местами: Старый

континент сегодня предстает более демократическим, чем Новый Свет (Lind M. *The Next American Nation*. – N.Y.: The Free Press, 1995. В 1984 году пожертвования в пользу Демократической партии от компаний превысили средства, поступающие от профсоюзов (Ibid. P. 231).

Интеллектуал и политик, Линд настаивал на новом самоопределении Америки скорее как нации демократической и самодостаточной, чем зависимой и олигархической. Это было в 1995 году. Увеличение американского внешнеторгового дефицита в 1994–2000 годах, а также эволюция доходов дают основания утверждать, что борьба за сохранение демократической и экономически независимой нации в 1995–2000 годах была проиграна. Хронология и ускорение имперской динамики, выявившееся в эти годы, не могут быть поняты без учета объективной эволюции русского соперника и русского полюса равновесия, о чем будет сказано в главе VI, посвященной анализу общей логики американской внешней политики. Действительно, движение Соединенных Штатов в направлении цельной и полной имперской системы зависит не только и даже не главным образом от соотношения сил внутри американского общества. Империя – это отношения с миром, который должен быть подчинен, поглощен и трансформирован во внутреннее пространство государства-властелина.

Что мы можем сказать о будущем американской империи?

Исторически две характерные черты, связанные между собой функциональными отношениями, были присущи подлинным имперским образованиям:

- империи рождаются на основе военного принуждения, и это принуждение позволяет получать дань, за счет которой кормится центр;
- центр в конечном счете начинает обращаться с покоренными народами, как с обычными гражданами, а с обычными гражданами – как с покоренными народами. Динамика власти ведет к развитию универсалистского эгалитаризма, в основе которого – не свобода всех, а угнетение всех.

Развиваясь, этот универсализм, являющийся порождением деспотизма, превращается в чувство ответственности за всех подданных на политическом пространстве, где уже больше не существует принципиальных различий между народом-завоевателем и покоренными народами.

Эти два критерия позволяют увидеть, что если Рим – сначала завоеватель и хищник, а затем универсалист, дарующий дороги, акведуки, право и мир, – заслуживает по праву титула империи, то Афины представляли собой лишь ее неудавшуюся форму.

В крайнем случае можно признать в качестве заслуги Афин их воздержанность в военных завоеваниях и согласиться, что их военная мощь доказывалась податью, которую ей платили города – члены Делосского союза. Однако Афины почти не продвинулись в направлении к универ-

сализму. Самое большее, что они делали, так это пытались в рамках своего собственного права урегулировать некоторые юридические конфликты между союзными городами. В отличие от Рима, они ни в коей мере не увеличивали число лиц со статусом афинского гражданства, а, напротив, стремились сокращать его в период утверждения власти центра.

Под углом зрения каждого из двух критериев у Соединенных Штатов есть заметные недостатки, анализ которых позволяет с уверенностью предсказать, что к 2050 году американская империя исчезнет.

Америке не хватает «имперских» ресурсов двух видов: ее возможности военного и экономического принуждения недостаточны, чтобы сохранять нынешний уровень эксплуатации планеты; ее идеологический универсализм находится на стадии заката и не позволяет ей одинаково обращаться с людьми и народами, чтобы обеспечить мир и благополучие, так же как и эксплуатировать их. В двух следующих главах рассматриваются эти два основных недостатка.

Печатается по: Тодд Э. После империи. Pax Americana – начало конца. – М., 2004. Доступно on line: <http://top100.km.ru/reader.asp?id=34065>

Вопросы

1. Какие исторические факты позволяют отметить наличие имперских черт США?

2. Какую роль в функционировании империи играет принцип универсальности?

3. Найдите в приведенном выше тексте определение империи, данное автором.

Икенберри Дж. Джон

Химеры империи: что такое новый американский миропорядок

Мировая империя

Никто не спорит с тем, что американская держава является уникальной. Касательно американского империализма, предметом спора является именно характер американского мирового доминирования. США – это не просто держава, защищающая свои интересы, это создатель нового мирового порядка. На протяжении десятилетий, имея больше поддержки, чем сопротивления со стороны мирового сообщества, Америка создавала открытый и правовой миропорядок. Динамичная масса завышенных возможностей, интересов и идей составляет так называемый «американский проект», имеющий беспрецедентный мировой масштаб. Независимо от наличия желания или отсутствия оно, другие

государства должны принять условия американской игры или подстраиваться под этот изменчивый миропорядок.

Ученые часто определяют понятие «международные отношения» как взаимодействие суверенных государств в анархичном мире. При классическом вестфальском миропорядке, страны держат монополию на применение силы на своей собственной территории, а на международном уровне порядок поддерживается за счет обмена некоторыми властными полномочиями между государствами. Сегодняшний однополярный мир похож на вестфальский только у полюса. На международном уровне исключительное право применения силы практически 100-процентно принадлежит Соединенным Штатам; на внутреннем же уровне институты и политика государств становятся более открытыми для внешнего, т.е. американского, вмешательства. С 11 сентября 2001 года, заявление администрации Буша о намерении действовать «в соответствии с требованиями обстановки» и праве на превентивные боевые действия явились вполне достаточным свидетельством в пользу выше-названных утверждений. Укрепление однополярности на фоне претензий Америки на право единоличного принятия решений является новой и тенденцией, способной привести к непредсказуемым последствиям.

Но является ли образовавшаяся структура империей? Если да, то пойдет ли Америка по стопам великих империй прошлого, достигая амбициозных целей ценой разорения мира, проводя политику крайностей, непомерно расширяя свою территорию, допуская просчеты, которые приведут к нарастанию внешней (и возможно внутренней) оппозиции и, в конце концов, к ее развалу?

Термин «империя» подразумевает политический контроль доминирующей страны над внешней и внутренней политикой более слабой страны. Европейские колониальные империи конца девятнадцатого века являли собой наиболее типичную форму подобного контроля – формальную. Политический контроль Советского Союза в Восточной Европе также имел характер принуждения, однако осуществлялся более косвенными методами. Британская империя представляла собой одновременно и колониальное господство и «неформальную империю». Если понятие империи определять свободно, как иерархическую систему политических отношений, при которых наиболее сильное государство имеет решающее влияние, тогда США на сегодняшний день действительно являются империей.

Однако если Соединенные Штаты и являются империей, то эта империя не похожа ни на какие другие империи прошлого. Безусловно, эта страна давно чтит традицию грубой имперской политики, особенно в Латинской Америке и на Ближнем Востоке. Но для большинства стран американский миропорядок является установленной договоренностью, и страны участвуют в нем на взаимоприемлемых условиях. Это проис-

ходит, во-первых, потому, что США в обмен на сотрудничество предоставляют общественные блага, в частности, обеспечивают безопасность и поддерживают режим свободной торговли. Во-вторых, власть в системе США осуществляется на основании правил и посредством институтов; политика с позиции силы при этом сохраняется, но деспотичные и огульные меры не являются постоянной практикой. Наконец, в-третьих, более слабым государствам в американском миропорядке даровано «право голоса» – неформальный доступ к осуществляемому Америкой политическому процессу, а также – к межправительственным институтам, составляющим систему международных отношений. Именно эти черты американского миропорядка, сформировавшегося после 1945 года заставили историков, таких как Чарльз Мейер (Charles Maier) и Гейр Лундстад (Geir Lundestad) говорить о «консенсуальной империи» и «империи приглашения» («empire of invitation»). Американский мировой порядок иерархичен и в конечном итоге держится на экономической и военной власти, однако при этом служит нуждам расширяющегося сообщества демократических и капиталистических стран.

Выходит, что дебаты о новой американской империи, по сути, сводятся к масштабам и выраженности вышеназванных специфических черт и того, является ли открытая демонстрация Америкой своего могущества после 11 сентября существенным отступлением от либерального прошлого.

Рэкет в глобальном масштабе

В книге «Империя и ее темные стороны», Чалмерс Джонсон (Chalmers Johnson) развивает опасения, что военная мощь США, накопленная за время Холодной войны, и обширная сеть военных баз по всему миру за последнее десятилетие превратились в новый инструмент ведения имперской политики. Соединенные Штаты, согласно Джонсону, стали «военной машиной, стремящейся к мировому господству».

Подпитываемая победоносной идеологией, гипертрофированным чувством угрозы, и своекорыстным военно-промышленным комплексом, эта машина все туже затягивает петлю контроля практически на каждом субъекте мирового сообщества. К Пентагону перешли практически все функции формирования внешней политики, которые некогда были вверены госдепартаменту. Военные командиры в региональных штабах наделены полномочиями, подобными тем, которые имели проконсулы в Древнем Риме, эти военные дипломаты являются гарантами имперской власти «на местах». Джонсон опасается, что имперско-милитаристские амбиции США приведут к вырождению демократии, спровоцируют противодействие и, в конце концов, увенчаются банкротством и развалом Америки, подобным коллапсу Советского Союза.

Согласно позиции автора, американская военизированная империя являет собой новую форму господства. Джонсон охарактеризовал ее как

«международный рэкет, заключающийся в подписании договоров об общей обороне, создании военных консультативных групп и размещении контингентов американских войск в различных странах с целью «защиты» их от часто неопределенных, непомерно преувеличенных или вовсе несуществующих «угроз». Эти соглашения приводят к созданию «сателлитов» – якобы независимых стран, вынужденных строить свою внешнюю политику исходя из интересов империи.

Джонсон утверждает, что впервые имперскую политику подобного рода стали проводить Советский Союз (в Восточной Европе) и США (в Восточной Азии) во время Холодной войны. Великие империи прошлого – Римская империя и Китай времен царствования династии Хан – осуществляли управление своими территориями при помощи военных лагерей, постоянно расположенных на завоеванных территориях. Американская империя в данном смысле представляет нечто совершенно новое, ибо в ее основе не лежит захват новых территорий – она является империей, которая осуществляет контроль за счет размещения военных баз по всему миру.

Один из оппонентов Джонсона, Блоубэк (Blowback), утверждал, что после 1945 года политика США в своих сферах влияния – Восточной Азии и Латинской Америке – подобно Советскому Союзу, проводилась в духе принуждения и эксплуатации. Книга «Империя и ее темные стороны» развивает идею о том, что враги и угрозы были надуманными. Вторя ревизионизму 1960-х годов, Джонсон заявляет, что во времена Холодной войны система безопасности, союзников и военных баз США создавалась для борьбы с вымышленными угрозами; в действительности же реальным мотивом развития этой системы был экспансионизм. Действия Соединенных Штатов не были мотивированы самообороной, Америка лишь использовала возможности построить империю. У Советского Союза и США, согласно данной точке зрения, было больше сходств, нежели различий: общества обеих стран были милитаризованы и проводили политику, ориентированную на манипуляцию внешними факторами, обе строили имперские системы, при которых государства-сателлиты и зависимые страны были подчинены центру.

Джонсон считает, что конец Холодной войны был одновременно и благоприятной возможностью и кризисом для глобального владычества Америки. Возможностью потому, что в бывшей сфере влияния СССР осталось вакантное место лидера, которое могло бы быть занято Америкой, а кризисом, потому что с падением Советского Союза США лишились оправдания глобальной системы военно-морских, авиационных и сухопутных баз и стратегических анклавов. Только после террористических актов 11 сентября 2001 года США перестали скрывать истинные причины содержания такой системы партнерством с союзниками. Теперь Вашингтон смог сбросить с себя оковы международных обяза-

тельств, договоров и законов и начать в открытую проводить имперскую политику.

К сожалению, Джонсон не выдвигает стройной теории, объясняющей причину империалистических амбиций США. В одном месте он предполагает, что американский милитаризованный империализм обусловлен «широким спектром интересов, обязательств и проектов». Идея империи, поддерживающей свой статус за счет глобальной системы военных баз, стала восприниматься как нечто должное и законное в военном истеблишменте. Среди американских политиков нет противников империи. В результате, Джонсон приходит к выводу, что империализм присутствует везде и во всем, что бы США ни делали, будь то манипуляции фондовыми рынками и процессом глобальной экономической интеграции или достижение частных экономических выгод.

Джонсон лишь вскользь упоминает об обществах, находящихся под каблуком у Вашингтона. Конечно, господство и эксплуатация не всегда очевидны. Военные пакты и партнерства во имя безопасности, несомненно, являются частью системы, которая обеспечивает США могущество по всему миру. Америка часто поддерживает слабые и коррумпированные правительства с целью дальнейшего распространения своего влияния. Однако связи с Соединенными Штатами также могут быть использованы этими странами для собственной же выгоды. Неважно, что Япония находится в подчиненном положении в партнерстве с США в деле обеспечения безопасности; важно то, что альянс с США позволил ей избежать необходимости наращивать военный потенциал, который, помимо огромных финансовых затрат, повлек бы за собой дестабилизацию обстановки в Восточной Азии. Более того, у таких стран остается выбор: они могут просто потребовать, чтобы США покинули их территорию (что часто бывает). Так было в случае с Филиппинами, Южная Корея может оказаться следующей. Джонсон дает чрезмерно упрощенное представление о разнообразных и сложных связях, составляющих американскую систему международной безопасности, что может ввести читателя в заблуждение.

Фактически, система альянсов США, прекрасно функционирующая уже на протяжении полувека, способствовала созданию стабильного, открытого политического пространства. Совместное обеспечение безопасности является не просто инструментом реализации американского господства; оно также является орудием политического воздействия. Однако Джонсон не берет в расчет широкий спектр поддерживаемых США и принятых многими странами правил, норм и институтов, которые придают международным отношениям большую глубину и сложность. Наконец, совершенно неясно, что Америка должна сделать – если не считать ограничения своей деятельности собственными границами и исчезновения – чтобы избежать осуждения Джонсона.

Pax Americana: мир внутри американской империи

В книге «Колосс», Найэл Фергюсон (Niall Ferguson) утверждает, что США в самом деле являются империей, причем уже давно. В видении Фергюсона эта либеральная империя утверждает правила и институты и является гарантом общественных благ, поддерживая мир, защищая свободу, регулируя международную финансовую и торговую систему. Соединенные Штаты Америки, хотя и не лишены определенных недостатков, являются естественным наследником британской системы глобального управления; они открыты, охотно идут на сотрудничество и тяготеют к использованию неформальных методов правления. Таким образом, Фергюсона беспокоит не непомерное влияние Америки в мире, а то, что этого влияния как раз не хватает. Имея благие намерения, лидеры США чрезвычайно непоследовательны и не доводят дело до конца.

Фергюсон полагает, что США имеют много общего с империями прошлого. Подобно Риму, Америка имеет весьма открытое общество. «В прошлом году сразу несколько солдат, служивших в Ираке, получили ордена «Пурпурное сердце» и американское гражданство, подобно тому, как во времена римской империи, служба в регионах была одним из способов стать римским гражданином», пишет Фергюсон. «В самом деле, при классической архитектуре столицы и республиканской структуре конституции, Америка, похожа на «новый Рим» более, чем любая другая империя. Хотя и Рим, где сенат до сих пор сохраняет влияние на будущих императоров». Распространение государственного языка США (английского), ее идей и культуры также наводит на мысли о некотором сходстве с Римской империей в апогее своего расцвета.

Однако Фергюсона больше интересует сходство Америки с Британской империей. Президенты США, начиная с Вудро Вильсона, Франклина Рузвельта и Джона Ф. Кеннеди и кончая Рональдом Рейганом, Биллом Клинтонем и Джорджем В. Бушем, использовали свою власть для воплощения высоких идеалов либерализма – экономической открытости, демократии, ограниченной власти правительства, человеческого достоинства и правопорядка. Такая «стратегия открытости», утверждает Фергюсон, поразительно напоминает политическую линию, проводившуюся Британской империей во второй половине XIX столетия. В конце концов, даже Черчилль еще на заре своей политической карьеры утверждал, что цель британского империализма заключалась в том, чтобы «принести мир воинствующим племенам, правосудие туда, где [господствует] насилие, освободить рабов от оков, возделывать землю, заложить основы торговли и образования, увеличить в целых народах возможности получать удовольствие и уменьшить вероятность болезненных явлений...».

Большая часть книги «Колосс» посвящена пересказу знакомой истории о зарождении глобального господства США как одного из прояв-

лений либеральной империи. Автор полагает, что одной из отличительных черт американского империализма является то, что он прячется за антиимпериалистические лозунги. Фергюсон анализирует все этапы истории США и обнаруживает диссонанс между республиканскими идеалами и желанием мирового господства, а также демонстрирует, как американцам удавалось находить компромисс между этими двумя противоположными стремлениями. Холодная война и доктрина сдерживания Джорджа Кеннана (George Kennan) являют собой ярчайший пример синтеза антиимпериализма и сильной власти. Безопасность, открытость, демократичное общество, политическая воля и мобилизация всей мощи США – все эти факторы синергически способствовали становлению американской империи. В основе мирового господства США лежало поддержание экономической открытости, в том числе и силовыми методами, однако Америка вместе с тем была готова к решительным действиям для интеграции стран в свой либеральный миропорядок.

Особенно интересна идея Фергюсона о том, что мир нуждается в укреплении этой либеральной американской империи. Она базируется на не вызывающем возражений утверждении, что для поддержания существующего порядка в мире необходим прогрессивный лидер и что только Вашингтон подходит для данной роли. (Автор практически не надеется, что Европе когда-либо удастся преодолеть внутренние противоречия, связанные с ее расширением). Имперское вмешательство Вашингтона особенно необходимо широкому кругу суверенных государств-неудачников. Многие страны Африки, Азии и Ближнего Востока в упорном стремлении к национальному самоопределению оказались в состоянии тяжелого затяжного кризиса. Фергюсон безоговорочно утверждает, что «эксперимент с политической независимостью, особенно в Африке, имел катастрофические последствия для большинства бедных стран». По Фергюсону, в этих регионах необходимо присутствие либеральной империи (даже в некоей форме колониального господства). Однако остается неясным, на что могли бы быть похожи подобные империалистические интервенции.

Когда Фергюсон говорит, что он «в основном за империю», он в определенном смысле осуществляет подмену понятий. То, что автор подразумевает под понятием «либеральная империя» ученые уже давно называют «либеральной гегемонией», т.е. иерархическим порядком, который, как бы нам этого ни хотелось, далек от традиционных форм империи. Имея огромное могущество, либеральный гегемон может позволить себе действовать исходя из своих собственных долгосрочных интересов, нежели ссориться по поводу пустяковых сиюминутных выгод с другими государствами. Эти национальные интересы могут ассоциироваться с открытостью и стабильностью на мировом уровне. Соединенные Штаты Америки формируют миропорядок и главенствуют в

нем, гарантируя определенные преимущества другим странам в обмен на их молчаливое согласие. В отличие от имперского, этот американский мировой порядок определяется договорами, регламентирующими правила игры между лидером и всеми остальными. Таким образом, нормы и институты, которые сформировались в контексте гегемонии США, ограничивают возможность принудительного осуществления власти Америкой, а также дают возможность другим странам участвовать в управлении системой.

Аргументы Фергюсона в пользу американской империи основываются на представлении, что после развала СССР, развитие мира могло бы пойти двумя путями. Первый – миропорядок определялся бы политикой независимых государств, второй – возникновение американской империи. Он утверждает, если бы мир представлял бы собой децентрализованную систему, состоящую из соперничающих стран, в большинстве своем далеких от демократии, то это рано или поздно привело бы к хаосу. Возможно, это так. Несомненно, он прав в том, что стабильность и свободный рынок нелегко поддерживать без вмешательства со стороны мощных государств. Однако понятие либеральной империи не ограничивается единственной формой американского мирового господства. С одной стороны, это порядок, предусматривающий принуждение других государств, с другой – система многосторонних правил и тесного сотрудничества. Проблемы, связанные с обеспечением мира и экономического развития, которые выделяет Фергюсон, лучше всего могут быть решены при сотрудничестве развитых демократических стран. В конце концов, такой кооперативный мировой порядок заставил бы Вашингтон как можно скорее избавиться от своих давнишних имперских замашек и лишил бы смысла дальнейшее стремление к статусу империи в ее традиционной форме.

Наконец, Фергюсон заявляет о том, что использование термина «империя» целесообразно по политическим соображениям. В отличие от британцев, американцы не верят, что они являются гражданами страны-империи. Отсюда непостоянство и нетерпеливость, которые так присущи американцам (чего не скажешь о британцах с их имперским менталитетом). Фергюсон полагает, что если откровенно говорить о реальности американской империи, то это будет способствовать осознанию ее гражданами своего долга и обязательств.

И все же, в действительности дела обстоят иначе. Соединенным Штатам нет необходимости рассматривать мир в качестве области своего тотального владычества и расширять колониальную систему до самых отдаленных районов. Им следует найти пути стабильного, законного осуществления власти в сотрудничестве с другими странами, а также развивать более сложные формы кооперативного международного управления. Также весьма сомнительно, что американский народ пози-

тивно воспримет перспективу широкомасштабной имперской политики: в сентябре прошлого года, когда президент Буш обнародовал стоимость иракской кампании, его популярность в стране сразу же упала.

<...>

Печатается по: Икенберри Дж. Джон Химеры империи: что такое новый американский миропорядок. Оригинал статьи: Ikenberry G. John. Illusions of Empire: Defining the New American Order // Foreign Affairs, 2004. Русскоязычная версия доступна on line: http://rotabanner.rian.ru/cgi-bin/iframe/ino_slot_120x600 (14 мая 2004 г.).

Вопросы

1. В чем, по мнению Икенберри и цитируемых им авторов, состоит отличие империи США от других империй прошлого?
2. Объясните суть идеи «военизированной империи». Что позволяет Ч. Джонсону считать военизированную империю новой формой господства?
3. Какие из приведенных аргументов говорят в пользу американской империи?

Раздел III. СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ И СИСТЕМОРАЗРУШАЮЩИЕ ФАКТОРЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Тема 9–10. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА

Национальный интерес – понятие, тесно связанное с понятием «нация» и формированием этой устойчивой общности людей. Сложившаяся исторически, нация (здесь подразумевается народ) имеет коренные интересы (интерес, общий для народа). К коренным интересам нации относятся вопросы целостности и безопасности нации-народа и культурной идентичности; контроль и возможность использования важнейших природных ресурсов. Таким образом, основу национального интереса составляют:

- 1) потребности общества, необходимые для его развития и функционирования;
- 2) защита народа от угроз со стороны др. государств и природно-климатических факторов;
- 3) поддержание социального мира и порядка внутри страны.

Характеристика нации	Коренные интересы нации	Интересы, составляющие основу национального интереса
1. Единство происхождения	1. Целостность и неделимость нации	1, 2, 3. Защита от угроз со стороны, потребности общества, необходимые для развития и функционирования
2. Совместное проживание	2. Безопасность	
3. Единство культуры (этническая целостность)	3. Культурная идентичность	
4. Сохранение связей нации (коммуникаций: экономических, политических и др.)	4. Контроль и возможность использования важнейших природных ресурсов	4. Поддержание социального мира, порядка, коммуникаций внутри страны

Государство-нация (национальное государство) как особая форма государственности формируется примерно в XVIII столетии (в Европе) с переходом от суверенитета монарха к суверенитету нации. Государство-нация объединяет сложившуюся ранее общность (нацию), общно-

стью экономической деятельности, ощущение общности прошлого, настоящего и будущего, общностью национального самосознания, ощущением единства исторической судьбы. Национальные интересы становятся основанием внешней политики государства-нации.

Подробное рассмотрение концепций и стратегий национальной безопасности (в частности Российской Федерации, 2000 г. и Соединенных Штатов Америки, 2002 г.) позволяет охарактеризовать структуру национального интереса каждой из этих стран. Так национальный интерес РФ – сбалансированный интерес личности, общества и государства. Основа стратегии США: американский интернационализм, отражающий союз ценностей и интересов: мира, стабильности и процветания как условия успеха. Следствием необходимости баланса сил является необходимость обеспечения стабильности МО путем установления «баланса сил в пользу свободы» (См.: Концепция национальной безопасности Российской Федерации (в редакции Указа Президента РФ от 10 января 2000 г.) // Независимое военное обозрение. – 2005. – №13(422), 8 апр. Доступно on line: http://nvo.ng.ru/concepts/2000-01-14/6_concept.html. Официальный источник: <http://www.scrf.gov.ru/Documents/Decree/2000/24-1.htm>).

Официально-государственные (национальные) идеологии. Идеология представляет собой форму интеграции политического сознания на уровне национальных и межнациональных интересов. Воздействие идеологии на МО начинает сравнительно отчетливо прослеживаться в эпоху Нового времени. Характер массовых и зачастую официально-государственных идеологии приобрели только в XX в. Рассмотрим влияние на внешнюю политику государств 3 идейных комплексов: идеологии марксизма (СССР), идеологии германского нацизма (Германия), идеологии либерализма (США).

Первоначально ролью идеологии во внешней политики СССР было ее приспособление к Версальско-Вашингтонской модели миропорядка, продиктованное необходимостью оправдания действий советского государства. Идеи «мирного сосуществования» и концепции «социальной революции в одной стране» постепенно сменились формированием образа нового империалистического врага, объясняющего активную внешнеполитическую позицию СССР в 1930-х гг. Отказ от мировой революции и привнесение националистического элемента в идейное обоснование позиций СССР происходит в 1941 г. С обретением статуса сверхдержавы (1945 г.) и отказом от идеи неизбежности столкновения (1956 г.) связана эволюция отношения СССР/США в плоскость традиционного соперничества великих держав (1962, 1970 гг.). «Новый тип мышления» во внешней политике СССР в конце 1980-х гг. завершил эволюцию влияния данной идеологии.

Идеология германского нацизма во внешней политике Третьего Рейха изначально представляла собой теоретическое обоснование «воли

нации» и создание «народного государства». Поворот Германии к реализации военных программ четко отразился в политике государства в 1932–1934 гг. Окончательный отход от традиционных методов внешней политики начался с 1939 г., за которым последовала реализация расовой теории нацизма – создание великого арийского государства.

Особенностью либерализма является его не догматичность. Либерализм в отличие от названных выше идеологий – не является жестко структурированным комплексом идей. Этапы развития видения мира и места США в нем прошли несколько этапов. 1) Принцип невмешательства, идея создания «великого общества» 1776 г. – середина XIX в. 2) Либеральные идеи мессианства. 3) Открытое провозглашение необходимости использования вооруженной силы как средства для обеспечения государственных интересов. Активная внешнеполитическая позиция США в начале XX в. 4) 30-е гг. XX в. «Новый курс» Ф. Рузвельта и регулирующая роль государства в социально-экономической жизни общества. 5) Глобальная ответственность. Принятие принципа «сдерживания коммунизма» в качестве основной внешнеполитической концепции (с 1947 г.), доктрина «гибкого реагирования». 6) Отход от идеи силового активизма в 1970-х гг. «Консервативная революция» 1980-х гг. Поиск гибкого сочетания силовых и не силовых методов во внешней политике в связи с распадом СССР и «Восточного блока» (подробнее см.: Сетов Р.А. Роль идеологии во внешней политике государства / Введение в теорию международных отношений: учебное пособие / отв. редактор А.С. Манькин. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 215–247).

Основные понятия и термины

Государственный интерес – это понятие объединяет основные, жизненно важные интересы государства-нации: вопросы целостности и безопасности народа. Государственные интересы – совокупность долгосрочных программно-целевых установок (военных, экономических, идеологических и др.), произошедших, как и становление самих национальных государств, в результате развития буржуазных отношений. Речь о таких интересах, ради которых государство-нация скорее согласится воевать, чем пойдет на компромисс – вопросов, касаемых удержания суверенитета и территориальной целостности, защиты населения. Эти интересы призвана гарантировать национальная безопасность, реализуемая в рамках стратегии национальной безопасности.

Идеология в МО – устойчивые представления о роли государства в среде международных отношений, разделяемые большими массами людей и правящими элитами.

Нация (лат. *natio* – племя, народ) – устойчивая общность людей, сложившаяся на основе единства происхождения (общность «крови»);

совместного проживания; культуры и коммуникаций (экономических, политических и др.).

Национальный интерес – система отношений, сочетающая в себе потребности функционирования и развития нации-народа как единого организма. Существенными элементами национального интереса, е элементы н.и. – безопасность, выживание, суверенитет. Иногда для разделения интересов народа и государства употребляют формулировку «государственный интерес». Соответственно, для обозначения интересов народа – «национальный интерес». Используется также формулировка государственно-национальный интерес – для того, чтобы подчеркнуть неделимость интересов такого единого организма как государство-нация.

Национальный интерес является основой всех международных действий государства, т.е. основой **внешней политики** страны, представляющей собой конкретное, практическое воплощение министерством иностранных дел (или соответствующим ему внешнеполитическим ведомством) основных принципов международной политики государства, вырабатываемых в рамках его более широких структуры и призванных отражать его национальные интересы.

Национальная идеология – разновидность идеологических течений, предполагающая постановку властью значимых проблем в качестве составных частей решения национального вопроса.

Составляющие национального интереса. Одной из наиболее распространенных стратификаций национальных интересов являются категории, предложенные Дональдом Нойхтерляйном. Указанная стратификация отражает содержание официальной Стратегии национальной безопасности США (2002 г. Стратегия национальной безопасности США Режим доступа: (постранично, начиная с адреса: <http://www.nlvp.ru/reports/54.html>).

1. Жизненно важные интересы, т.е. те, которые имеют первостепенное значение для выживания, безопасности и жизнеспособности страны. Речь идет о безопасности в физическом плане.

2. Важные национальные интересы. Эти интересы не определяют наше выживание как нации, но они влияют на наше национальное благосостояние и на характер мира, в котором мы живем. В таких случаях мы будем использовать свои ресурсы для отстаивания наших интересов, если цена этого и сопутствующие риски соизмеримы с интересами, которые поставлены на карту.

3. Интересы в гуманитарных и других областях. В некоторых обстоятельствах наша страна может предпринимать те или иные действия, т.к. это необходимо, исходя из наших ценностей. Эту группу интересов называют также «менее важными» интересами (См. Решения Совета по внешней и оборонной политике РФ 1996 г.).

Стенограмма вопросов и ответов Президента Российской Федерации Владимира Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности

ВОПРОС: Я хорошо понимаю Ваше замечание о нераспространении. Особенно в конце «холодной войны» мы видели сокращение размещения ядерного оружия, но видели также и рост терроризма. Ядерные материалы должны быть серьезно защищены от террористов.

ВОПРОС: Коснусь вопроса, который был задан и Федеральному канцлеру. Что будет дальше в Косово и в Сербии? Как Вы оцениваете М. Ахтисаари? Какое влияние окажет Россия на решение этой проблемы?

ВОПРОС: Вы можете прокомментировать опыт, который сложился у российских военнослужащих в Чечне? О Вашем примечании по энергетике: Вы изложили вкратце, что касается рыночной роли энергии в политике. Европейский союз заинтересован в том, чтобы добиться заключения партнерского соглашения, чтобы были зафиксированы принципы в области политики. Вы готовы обеспечить надежность поставок ресурсов и включить в состав этого соглашения?

ВОПРОС: Господин Президент, Вы выступили с искренними, откровенными замечаниями. Надеюсь, Вы поймете мой откровенный и прямой вопрос. В 90-е годы российские эксперты активно помогали Ирану в разработке ракетных технологий. Иран сейчас имеет продвинутые ракеты среднего и дальнего радиуса действия, что позволяет ему нанести удар по России и по части Европы. Они также работают над тем, чтобы поместить на эти ракеты ядерные боеголовки. Ваша страна предприняла усилия по переговорам с Ираном по этому вопросу и поддержала резолюцию СБ ООН, чтобы не дать Ирану проводить такую политику.

Мой вопрос заключается в следующем: какие усилия предпримет Россия – через ООН или иным образом – для того, чтобы прекратить эти очень серьезные события в Иране?

ВОПРОС: Я уверен, что историки не напишут в один прекрасный день, что во время нашей конференции была объявлена вторая «холодная война». Но могли бы. Вы говорили, что нужно и оказывать давление на Иран, и давать положительные импульсы. Не правда ли, что Россия препятствует сильному давлению в виде санкций, и, во-вторых, что касается поставок оружия туда, – это их подбадривает, тем более, что оружие это оказалось в Ливане и в секторе Газа. Как Вы можете это прокомментировать?

ВОПРОС: Я понимаю Вашу искренность и надеюсь, что Вы согласитесь с нашей искренностью. Во-первых, контроль над вооружениями. Кому нужна гонка вооружений? Я хочу указать, что США не разрабатывают новое стратегическое оружие уже более двух десятилетий, а Вы

недавно испытали «Тополь-М», который уже размещен в шахтах и на мобильных установках. Вы критиковали США за односторонние действия и дважды сказали, что военные действия могут быть законными, только если они одобрены ООН. США ведут боевые действия в Ираке и Афганистане по решению ООН, а в Косово сегодня большинство поддерживает миротворческую операцию в этой стране.

Мой вопрос такой: говорите ли Вы сейчас, что, независимо от того, как Россия рассматривает угрозу своим международным интересам, она не будет предпринимать боевые действия без одобрения ООН?

ВОПРОС: Вы говорили об опасности однополярного мира, когда один суверен принимает решение без консультации с другими. В России, по мнению многих, мы видим все более однополярное правительство, где конкурирующие центры влияния вынуждены следовать партийной линии, будь то Госдума, руководство в регионах, СМИ, бизнес-сообщество, НПО. Будет ли однополярное правительство такого рода надежным партнером, когда речь идет об энергетической безопасности?

В. ПУТИН: Прежде всего хочу вас поблагодарить за эти вопросы. Очень интересно. Жалко, что у нас мало времени, я с удовольствием бы с каждым из вас провел отдельную дискуссию. Я это люблю, мне нравится.

Начну с последнего вопроса по поводу однополярности российского правительства. В российском парламенте сегодня представлены Коммунистическая партия Российской Федерации, партия «Единая Россия», Либерально-демократическая партия, представлены другие политические силы, которые принципиально, по своим основополагающим взглядам, отличаются друг от друга. Если Вам это не известно, побеседуйте с руководством Коммунистической партии Российской Федерации, а потом с лидером наших либеральных демократов господином Жириновским. И Вы сразу же увидите разницу. Если Вам сейчас не видно, побеседуйте с ними. Здесь нет никаких проблем – приехать в Москву и поговорить.

Что касается того, как мы в будущем планируем это делать. Мы бы хотели, чтобы у нас была зрелая политическая система, чтобы у нас была многопартийная система с ответственными политиками, которые могут прогнозировать развитие страны и ответственно действовать не только в период выборов и после них, а и на длительную историческую перспективу. Вот будем к этому стремиться. Но эта система, конечно же, будет многопартийной. Все наши действия внутри страны, в том числе касающиеся изменения порядка избрания в Государственную Думу, в парламент России, направлены именно на укрепление многопартийной системы в стране.

Теперь о том, в состоянии ли наше Правительство действовать ответственно при решении проблем энергетических поставок и по обеспе-

чению энергетической безопасности. Конечно, да! Более того, все, что мы делали до сих пор и делаем сейчас, направлено на достижение только одной цели: перевести наши отношения с потребителями и с транзитерами наших углеводородов на рыночные, прозрачные принципы и – в долгосрочные контракты.

Напомню вам, и здесь напротив меня сидит мой коллега, Президент Украины, он это знает так же, как и я: до прошлого года, пока мы с ним в трудной дискуссии не приняли соответствующих решений, поставки наших энергоносителей, прежде всего газа в Европу в течение 15 лет зависели от того, договорятся ли Украина и Россия между собой по условиям и по ценам поставок нашего газа в саму Украину, а если не договорятся – все, европейские потребители сидели бы без газа. Такая ситуация вас устраивает? Думаю, нет. И несмотря на все скандалы там и прочее, защиту интересов, борьбу мнений и так далее, мы смогли договориться с Президентом Ющенко. Я считаю, что он принял ответственное, исключительно правильное, абсолютно рыночное решение: мы подписали контракты отдельно на поставку в Украину нашего газа, и отдельно – на транзит в Европу на пять лет вперед. Спасибо нам нужно сказать – и нам, и Украине, за это решение. И за Ваш вопрос спасибо, вопрос – хороший.

Лучше бы я отвечал сразу же на ваши вопросы. Наша оценка расширения НАТО на Восток. Я уже говорил о гарантиях, которые нам давали и которые сегодня не соблюдаются. Вы разве считаете это нормальным в международных делах? Но Бог с ними, с этими гарантиями. Что касается демократии и расширения НАТО. НАТО – это не универсальная организация в отличие от Организации Объединенных Наций. Это, прежде всего, военно-политический блок – военно-политический! И, конечно, обеспечение собственной безопасности – это прерогатива любого суверенного государства. Мы с этим и не спорим. Пожалуйста, мы против этого не возражаем. Но почему обязательно нужно выдвигать военную инфраструктуру к нашим границам при расширении? Вот на это нам может кто-нибудь ответить? Разве расширение военной инфраструктуры связано с преодолением сегодняшних глобальных угроз? Допустим, если мы будем говорить о главной из них сегодня – главной и для нас, и для США, и для Европы: что это за угроза – это терроризм и борьба с ним.

Нужна Россия в борьбе с терроризмом? Конечно! Нужна ли Индия в борьбе с терроризмом? Конечно! Но нас нет в НАТО, и других стран нет. А вот работать по этой проблематике мы можем эффективно, только объединяя усилия. Так что расширение тем более военной инфраструктуры и приближение ее к нашим границам и демократический выбор отдельных государств между собой никак не связаны. И я бы попросил эти два понятия не путать.

Знаете, я так «накарябал» здесь, что уже сам не разберу, что я записал. Я тогда отвечу на то, что сам могу прочитать, а если я на что-то не отвечу, вы напомните мне свои вопросы.

Что будет с Косово, с Сербией? Это могут знать только косовары и сербы. И давайте не будем за них решать, как они устроят свою жизнь. Не нужно корчить из себя Господа Бога и решать за все народы все их проблемы. Мы с вами можем только создать условия и помочь людям разобраться в своих проблемах, – создать условия, выступить гарантами определенных договоренностей. Но не нужно навязывать им эти договоренности. Иначе мы загоним ситуацию в тупик. Если кто-то из участников этого весьма сложного процесса между этими народами почувствует себя оскорбленным, униженным, это будет тянуться веками. Мы только загоним проблему в тупик.

И в чем заключается наша позиция? Наша позиция заключается в том, что мы будем придерживаться именно этого принципа. И если мы увидим, что одна из сторон явно не удовлетворена предлагаемыми способами разрешения ситуации, мы такое решение поддерживать не будем.

Я не очень понял, что Вы имели в виду, когда спросили об опыте наших военных в Чечне. Опыт малоприятный, но большой. Если Вас интересует в целом ситуация в Чечне, то могу Вам сказать, что сейчас там избран парламент, избран президент, действует правительство. Все органы власти и управления сформированы. Привлечены к работе в республике практически все политические силы Чечни. Для примера могу сказать, что членом парламента, допустим, там, в Чечне, является сейчас бывший министр обороны правительства А. Масхадова. И мы провели целую серию решений, которые позволили бывшим боевикам вернуться не только к нормальной, но даже и к политической жизни в республике. Так что мы предпочитаем сегодня действовать там экономическими и политическими средствами, передав практически, почти на сто процентов, обеспечение безопасности в руки самого чеченского народа. Потому что органы правопорядка, которые там сформированы, почти на сто процентов состоят из местных граждан, из тех, кто проживает в Чечне постоянно, – из чеченцев.

Что касается Ливана, тоже не очень понял, что Вы имеете в виду, но да, как подтверждение того, что известная ситуация сложилась таким образом, как я ее сейчас нарисовал, об этом говорит также направление нами в Ливан наших военных строителей для восстановления мостов и инфраструктуры, разрушенной в ходе конфликта с Израилем. И этих строителей охраняли подразделения, полностью укомплектованные военнослужащими из Чечни и чеченцами по национальности. Мы исходили из того, что наши военнослужащие должны будут работать в районах, которые населены мусульманами, и если контингент, который охраняет наших военных, будет укомплектован тоже мусульманами –

хуже от этого не будет. И мы не ошиблись. Действительно, местное население очень тепло встречало наших военных строителей.

Теперь по соглашению в области энергетики с Евросоюзом, так я понял вопрос? Мы уже многократно говорили, что мы не против того, чтобы согласовать принципы наших отношений с Евросоюзом в сфере энергетики. Более того, те принципы, которые заложены в Хартии, в общем и целом приемлемы. Но сама Хартия нас не очень устраивает. Потому что она не только нами, она и нашими европейскими партнерами не выполняется. Достаточно вспомнить закрытый до сих пор для нас рынок ядерных материалов. Его же нам никто не открыл.

Есть и другие моменты, на которых я просто сейчас не хочу заострять внимание, но принципы сами по себе – они уже используются нами в том числе и в работе с немецкими компаниями. Я напому о той сделке, которая состоялась между «Газпромом» и компанией «БАСФ». Это, по сути, обмен активами. Мы и дальше готовы так действовать. Мы готовы. Но в каждом конкретном случае мы должны понять: что мы отдаем, что отдают наши партнеры, посчитать, сделать независимую экспертную международную оценку и принять решение. Мы к этой работе готовы. Мы то же самое совсем недавно сделали и с итальянскими партнерами, с компанией «ЭНИ». Не только подписали с ними соглашение о поставках до 2035 года, по-моему, но еще там речь идет и об обмене активами. Вот сейчас мы то же самое, такой же вариант сотрудничества, изучаем и с нашими украинскими друзьями. Этот процесс идет.

А стоит ли «заводить» эти принципы под крышу возможного будущего основополагающего акта между Россией и Евросоюзом – по-разному можно посмотреть. Но я считаю, что не стоит, потому что кроме энергетики в наших взаимоотношениях с Евросоюзом есть и другие сферы сотрудничества: и сельское хозяйство есть, есть высокие технологии, есть транспорт. И все очень остро, очень интересно. Мы же не можем все подряд завести в основополагающий акт, который должен быть рамочным документом. Или вы хотите, чтобы мы занесли туда только то, что вам нужно, а то, что нам нужно, вынесли за рамки? Давайте мы будем все-таки по-честному друг с другом дискутировать и принимать взаимовыгодные решения.

«В 90-е годы Россия оказывала Ирану помощь в создании ракетной техники». По-моему, вот Вы задали мне этот вопрос. «Сегодня иранцы хотят оснастить эти ракеты ядерными боеголовками, имеют ракеты, которые могут достичь Европы. Что Россия будет делать по иранской ядерной программе?» Так?

Ну, во-первых, у меня нет сведений, что Россия в 90-е годы оказывала Ирану помощь в создании их собственных ракетных технологий. Там активно очень действовали другие страны. В том числе технологии

шли по разным каналам. И у нас есть свидетельства тому. Я в свое время передавал их напрямую Президенту Соединенных Штатов. И из Европы идут технологии, и из азиатских стран.

Так что Россия здесь не при чем. Уверяю Вас. Меньше всего здесь замешана Россия. Меньше всего. Если вообще хоть как-нибудь замешана. Я в это время работал еще в Петербурге, но мы не занимались этим. Могу Вас уверить. Но, наверное, там, знаете, на уровне бизнеса что-то могло происходить. У нас обучали специалистов в институтах и так далее. И мы по просьбе, по информации наших американских партнеров на это жестко отреагировали. Сразу же и жестко. Но вот реакции от других наших партнеров, в том числе из Европы, мы такой не заметили. Более того, я не знаю, известно Вам или нет, должно быть известно: из Соединенных Штатов до сих пор поступает военная техника и специальное оборудование. До сих пор. До сих пор поступают из наличия в вооруженных силах, из Пентагона, запчасти к самолетам F-14. В Соединенных Штатах даже по этому поводу проводится, насколько мне известно, расследование. Несмотря на то, что расследование идет, с границы эти запчасти забрали, вернули назад и через некоторое время опять, по имеющимся у меня сведениям, – если они не точны, проверьте их, – опять на границе задержали те же самые грузы. Даже с пометкой «вещественное доказательство».

Знаете, этот поток действительно трудноато остановить. Нужно действовать совместно.

По поводу того, что у Ирана есть ракеты, которые угрожают Европе. Вы ошибаетесь. Сегодня у Ирана – вот здесь есть господин Гейтс, который наверняка знает эту информацию точнее, чем я, и наш Министр обороны – у Ирана сегодня есть ракеты с дальностью 2000 километров.

С. ИВАНОВ: 1600–1700 километров.

В. ПУТИН: 1600–1700 километров. Всего. Ну посчитайте, сколько километров от границы Ирана до Мюнхена. Нет у Ирана таких ракет. Они только планируют разработать на 2400. И то неизвестно, смогут ли они это сделать технологически. А вот уже 4, 5, 6 тысяч километров – я думаю, что для этого нужна просто другая экономика даже. Так что это маловероятно вообще. И Иран Европе не угрожает. Что касается того, что они собираются разместить ядерные заряды – у нас нет таких сведений, ядерные боеголовки поставить – у нас таких сведений нет.

Вот Северная Корея произвела испытания ядерного взрывного устройства. Иранцы нам все время говорят, что их ядерная программа носит мирный характер. Но я с Вами согласен, согласен в том, что у международного сообщества есть озабоченности по поводу характера и качества ядерных программ Ирана. И господин Эль-Барадей недавно

сформулировал эти озабоченности, по-моему, в шести или семи пунктах. И здесь я с Вами солидарен. И мне не понятно, почему иранская сторона до сих пор не отреагировала позитивным и конструктивным образом на эти озабоченности и предложения Эль-Барадея – снять эти озабоченности. Мне это тоже не понятно – так же, как и Вам.

Что мы будем делать? Я думаю, что вместе мы должны набраться терпения и аккуратно работать. Да, правильно, создавая и стимулы, и показывая иранскому руководству, что сотрудничество с международным сообществом гораздо лучше, чем конфронтация.

Да, опять вот по поставкам оружия в Иран. Вы знаете, разговоров больше, чем этих поставок. У нас ВТС, военно-техническое сотрудничество с Ираном минимальное. Просто минимальное. Там оно исчисляется я не знаю какими цифрами. Вообще мы в регион Ближнего Востока в разы поставляем вооружения меньше, чем другие страны, и в том числе Соединенные Штаты. Просто в разы – никакого сравнения нет. Мы поставили туда системы противовоздушной обороны недавно, – это действительно так, – среднего радиуса действия – от 30 до 50 километров примерно. Это правда. Зачем мы это сделали? Я могу объяснить. Мы сделали это для того, чтобы Иран не чувствовал себя загнанным в угол. Не чувствовал, что он находится в каком-то враждебном окружении, и понимал, что у него есть канал для общения, понимал, что у него есть друзья, которым можно доверять. Мы очень рассчитываем на то, что и иранская сторона поймет и услышит наши сигналы.

По поводу нашего оружия в Ливане и в секторе Газа. В секторе Газа я вообще не слышал о том, что присутствует наше оружие. Я не видел такого. Ну автомат Калашникова – вообще автомат самой распространенной системы стрелкового оружия в мире. Он, наверное, везде есть. Наверное, и в Германии на вооружении стоят еще автоматы Калашникова, во всяком случае, еще не уничтожены, – сто процентов.

В Ливане да. Там действительно были замечены ящики из-под наших противотанковых систем. Это правда. Мне об этом наши израильские партнеры сразу же сообщили. Мы провели тщательное расследование того, что там происходило. И установили, что эти системы остались на территории Ливана после того, как с него ушла сирийская армия. Мы провели соответствующую работу с сирийскими партнерами и обусловили наше дальнейшее сотрудничество в области военно-технического взаимодействия с Сирией необходимыми условиями, которые исключили бы возможность попадания оружия в чьи бы то ни было руки, кроме тех, для кого оно предназначены. Такая система выработана. В том числе мы договорились о системе возможных инспекций на складах в любое удобное время для российских специалистов. На складах после поставок наших систем в Сирию.

«США не разрабатывают стратегическое оружие, а Россия разрабатывает. Не будет ли Россия применять силу без санкций ООН в будущем? Россия разрабатывает системы стратегического оружия».

Прекрасный вопрос, замечательный! Я Вам очень за него благодарен. Это дает мне возможность показать суть происходящих событий. Ведь чему мы за последние десятилетия обязаны, если мы говорим о том, что противостояние было, а большой войны все-таки не произошло в период противостояния двух сверхдержав и двух систем? Мы обязаны балансу сил между двумя этими самыми супердержавами. Был баланс и страх взаимного уничтожения. И одна сторона боялась шаг ступить лишний без того, чтобы не посоветоваться с другой в последнее время. И это был хрупкий мир, конечно, и страшноватый. Но он был достаточно надежным, как выясняется сегодня. Сегодня он, оказывается, и не такой уж надежный.

Да, Соединенные Штаты не разрабатывают, якобы, наступательного оружия. Во всяком случае, общественности об этом не известно. Хотя наверняка разрабатывают. Но мы даже сейчас спрашивать об этом не будем. Мы знаем, что разработки идут. Но сделаем вид, что мы об этом не знаем: не разрабатывают. Но что мы знаем? Это то, что в Соединенных Штатах активно разрабатывается и уже внедряется система противоракетной обороны. Да, сегодня она неэффективна, и мы точно не знаем, будет ли она вообще когда-нибудь эффективной. Но теоретически она ведь для этого и создается. Значит, опять же гипотетически мы исходим из того, что когда-то наступит момент, когда возможная угроза со стороны наших ядерных сил будет полностью нейтрализована. Сегодняшних ядерных сил России. А если это так, то это означает, что баланс будет абсолютно нарушен, и что у одной из сторон возникнет ощущение полной безопасности, а значит, это развязывает ей руки не только в локальных, а, возможно, уже и в глобальных конфликтах.

Мы же с вами сейчас дискутируем. Я не хочу никого подозревать в какой-то агрессивности. Но система отношений – это так же, как математика. Она не имеет личного измерения. И мы должны, конечно, на это реагировать. Как? Или так же, как вы, и строить многомиллиардную противоракетную систему, систему противоракетной обороны, либо, имея в виду наши сегодняшние возможности – экономические, финансовые – ответить асимметрично. Чтобы все поняли, что да, система противоракетной обороны есть, но она в отношении России бессмысленна, потому что у нас есть такое оружие, которое ее легко преодолевает. Вот мы по этому пути и пойдем. Это дешевле для нас. Но это никак не направлено против самих Соединенных Штатов.

Я полностью согласен, если Вы говорите, что система ПРО не направлена против нас, то и наше новое оружие не направлено против вас. И я полностью здесь согласен с моим коллегой и другом – я, знаете, не

побоюсь этого слова, при всех разногласиях я считаю Президента Соединенных Штатов своим другом. Он порядочный человек, я знаю, что на него там всех собак сегодня могут повесить в Соединенных Штатах за все, что делается и на международной арене, и внутри. Но я знаю, что это порядочный человек, и с ним можно разговаривать и договариваться. Ну так вот, мы когда с ним говорим, он говорит: «Я исхожу из того, что Россия и США никогда уже не будут противниками и врагами». Я с ним согласен. Но повторяю еще раз: вот эта симметрия и асимметрия – здесь нет ничего личного. Это просто расчет.

Теперь по поводу того, будет ли Россия применять военную силу без санкций ООН. Мы будем действовать всегда строго в рамках международного права. Мое базовое образование все-таки юридическое, и я позволю себе напомнить – и себе, и моим коллегам – что в соответствии с Уставом ООН в случае проведения миротворческих операций нужны санкции Организации Объединенных Наций, Совета Безопасности ООН. В случае проведения миротворческих операций. Но в Уставе ООН есть и статья о праве на самооборону. И здесь никаких санкций уже не нужно.

<...> Спасибо вам за внимание.

Печатается по: Выступление Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г. Режим доступа: <http://www.polit.ru/dossie/2007/02/12/putinmunich.html>

Вопросы

1. Перечислите, какие проблемы международной безопасности были затронуты в вопросах, заданных В.В. Путину.
2. В чем заключается позиция России по отношению к Ирану?

Стратегия национальной безопасности США 2002 г.

Вступительная часть

Великие битвы двадцатого столетия между свободой и тоталитаризмом завершились решительной победой сил свободы единственной устойчивой модели национального успеха, основанной на свободе, демократии и свободном предпринимательстве. В двадцать первом веке только страны, которые разделяют приверженность защите основных прав человека, а также гарантированию политической и экономической свободы, смогут раскрыть потенциал своего народа и обеспечить свое будущее процветание. Везде люди хотят иметь возможность свободно высказываться, выбирать тех, кто будет ими управлять, молиться по своему усмотрению, давать образование своим детям – как мальчикам,

так и девочкам, владеть имуществом и пользоваться благами своего труда. Эти ценности свободы справедливы и желанны для каждого человека в каждом обществе, и защищать эти ценности от их врагов призваны свободолюбивые люди всего мира и всех времен.

Сегодня Соединенные Штаты Америки обладают беспрецедентной военной мощью, а также большим экономическим и политическим влиянием. В соответствии с нашим наследием и принципами мы не используем нашу силу для оказания давления для получения односторонних преимуществ. Вместо этого мы стремимся создать баланс сил на благо свободы человека – условия, при которых все страны и все общества смогут сами выбирать блага и проблемы политической и экономической свободы. В безопасном мире люди смогут жить лучшей жизнью. Мы будем защищать мир, борясь с террористами и тиранами. Мы будем сохранять мир, строя хорошие отношения среди великих держав. Мы будем распространять зону мира, поддерживая свободные и открытые общества на каждом континенте.

Защита нашей страны против ее врагов является первым и главным обязательством федерального правительства. Сегодня эта задача сильно изменилась. Чтобы угрожать Америке, врагам прошлого были нужны огромные армии и большой промышленный потенциал. Теперь тайные сети отдельных лиц могут приносить на наши берега великий хаос и страдания, тратя меньше денег, чем стоит один танк. Террористы организуются, чтобы проникать в открытые общества и обращать мощь современных технологий против нас.

Для защиты от этой угрозы мы должны использовать все средства из нашего арсенала – военную силу, лучшую оборону метрополии, правоохранительные органы, разведку и активные усилия по пресечению финансирования террористов. Война против террористов глобального масштаба является глобальным предприятием неопределенной продолжительности.

Америка будет помогать странам, которые нуждаются в нашей помощи в борьбе с террором. И Америка будет призывать к ответу страны, которые скомпрометировали себя террором, включая тех, которые дают убежище террористам, поскольку пособники террора являются врагами цивилизации.

Соединенные Штаты Америки и страны, сотрудничающие с нами, не должны позволять террористам строить новые базы. Вместе мы будем стараться лишать их убежища где бы то ни было.

Серьезнейшая опасность, с которой сталкивается наша страна, находится на перекрестке радикализма и технологий. Наши враги открыто заявляют, что стремятся получить оружие массового поражения, и факты свидетельствуют, что они занимаются этим со всей решительностью. Соединенные Штаты Америки не допустят, чтобы эти усилия были успешными. Мы будем создавать системы обороны против баллистиче-

ских ракет и других средств доставки. Мы будем сотрудничать с другими странами, чтобы препятствовать, ограничивать и пресекать усилия наших врагов в получении опасных технологий. И в рамках здравого смысла и самообороны Америка будет действовать против таких возникающих угроз, прежде чем они полностью сформируются. Мы не можем защитить Америку и наших друзей, надеясь на лучшее. Поэтому мы должны быть готовы расстраивать планы наших врагов, используя лучшую разведывательную информацию и действуя продуманно.

История сурово осудит тех, кто видел эту надвигающуюся опасность, но не действовал. В новом мире, куда мы вступили, единственный путь к миру и безопасности – путь действий.

И защищая мир, мы будем также использовать историческую возможность для сохранения мира. Сегодня международное сообщество имеет лучшие шансы с момента становления национальных государств в XVII веке для построения мира, где великие державы соперничают в условиях мира вместо того, чтобы постоянно готовиться к войне. Сегодня великие державы мира оказываются на одной и той же стороне, объединенные общими опасностями со стороны насилия и хаоса, осуществляемых террористами. Соединенные Штаты Америки будут действовать на основе этих общих интересов с целью поддержки глобальной безопасности. Кроме того, нас все более спланивают общие ценности. Россия находится в процессе обнадеживающего перехода, строя демократическое будущее и будучи партнером в войне с террором. Китайские лидеры обнаруживают, что экономическая свобода служит единственным источником национального благополучия. Со временем они поймут, что социальная и политическая свобода служит единственным источником национального величия.

Америка будет поддерживать развитие демократии и открытость экономики в обеих странах, так как они являются лучшими основами для внутренней стабильности и международного порядка. Мы будем решительно сопротивляться агрессии со стороны других великих держав даже при том, что приветствуем их мирное стремление к процветанию, торговле и культурному развитию.

Соединенные Штаты Америки воспользуются этим благоприятным моментом для распространения благ свободы на всю планету. Мы будем активно работать, чтобы принести надежду, связанную с демократией, развитием, свободными рынками и свободной торговлей, в каждый уголок мира. События 11 сентября научили нас тому, что несостоявшиеся государства, подобные Афганистану, могут представлять для нас не меньшую опасность, чем сильные государства. Бедность не превращает бедных людей в террористов и убийц. Но бедность, слабые институты и коррупция могут сделать несостоявшиеся государства уязвимыми для террористических сетей и наркокартелей в пределах их границ.

Соединенные Штаты Америки будут выступать на стороне любой страны, приверженной построению лучшего будущего путем распространения благ свободы на свой народ. Свободная торговля и свободные рынки доказали свою способность выводить из бедности целые общества; поэтому Соединенные Штаты Америки будут работать с отдельными странами, целыми регионами и всем глобальным торговым сообществом для построения мира, который торгует в условиях свободы и в результате все больше процветает. В рамках программы «Вызов нового тысячелетия» Соединенные Штаты Америки будут оказывать все большую помощь на нужды развития странам, которые эффективно управляются, инвестируют в свой народ и поощряют экономическую свободу. Мы также будем и впредь вести мир в усилиях по сокращению ужасных утрат, связанных со СПИДом и другими инфекционными заболеваниями.

При обеспечении баланса сил в пользу свободы Соединенные Штаты Америки руководствуются убежденностью в том, что все страны несут важные обязательства. Страны, которые пользуются благами свободы, должны активно бороться с террором. Страны, которые зависят от международной стабильности, должны помогать предотвращать распространение оружия массового поражения. Страны, которые добиваются международной помощи, должны мудро управляться с тем, чтобы помощь тратилась эффективно. Чтобы процветала свобода, необходимо ожидать и требовать подотчетности.

Мы также руководствуемся убежденностью в том, что ни одна страна не может построить более безопасный и лучший мир в одиночку. Союзы и многосторонние институты могут умножать силы свободолюбивых стран. Соединенные Штаты Америки намерены продолжать сотрудничество с такими организациями, как Организация Объединенных Наций, Всемирная торговая организация, Организация американских государств и НАТО, а также другими давно существующими союзами. Коалиции на основе общих целей могут расширять возможности этих постоянных институтов. В любом случае необходимо серьезно относиться к международным обязательствам. Их нельзя принимать символически, чтобы заручиться поддержкой идеала, не стремясь к его достижению.

Свобода – это неотъемлемая потребность человеческого достоинства, прирожденное право каждого члена любой цивилизации. На протяжении истории свободе угрожали войны и террор; ей бросали вызов противостоящие воли мощных государств и злодейские замыслы тиранов; и она подвергалась испытанию широко распространенными бедностью и болезнями.

Сегодня человечество располагает возможностью обеспечить победу свободы над всем этими врагами. Соединенные Штаты Америки

приветствуют нашу обязанность быть лидером в решении этой великой задачи.

Дж. У. Буш, президент Соединенных Штатов Америки, 17 сентября 2002 года, Белый дом, Вашингтон, округ Колумбия.

Печатается по: Стратегия национальной безопасности США 2002 г. (официальная публикация 20 сентября 2002 года). Режим доступа: <http://www.nlvp.ru/reports/54.html>

Оригинал документа: The National Security Strategy 2002. Режим доступа: <http://www.whitehouse.gov/>

Вопросы

1. Какая опасность названа угрозой Соединенным Штатам Америки? Чем вызвана необходимость действовать против угроз прежде чем они полностью сформируются?
2. В чем автор видит историческую возможность для сохранения мира?
3. Как вы понимаете формулировку «баланс сил в пользу свободы»?
4. Перечислите способы сохранения мира, упомянутые в тексте.

Ренан Э.

Что такое нация?

Жозеф Эрнест Ренан (1823–1892) – знаменитый французский историк и писатель. Ниже приведен отрывок из доклада, прочитанного в Сорбонне 11-го марта 1882 года. Работа Э. Ренана включена в сборник «Discours et Conférences», часть которого в виде речей автора появилась уже в 5-м томе «Собрания сочинений Эрнеста Ренана».

II

По мнению некоторых теоретиков-политиков, нация – это прежде всего династия, представляющая древнее завоевание, сначала принятое, а потом забытое массой народа. По мнению этих политиков, группировка провинций, созданная династией, её войнами, её браками, её договорами, оканчивает своё существование вместе с создавшей её династией. Совершенно верно, что большинство современных наций было создано фамилией феодального происхождения, которая заключила брачный договор с землей и была своего рода ядром централизации. Границы Франции в 1789-м году не были ни естественными, ни необходимыми. Широкий пояс, который капетингский дом прибавил к узким границам Верденского договора, был личным приобретением этого дома. В эпоху этих присоединений не имели представления ни об естественных границах, ни о праве наций, ни о желании провинций. Союз Англии, Ир-

ландии и Шотландии был также делом династии. Италия только потому так долго не сделалась нацией, что среди её многочисленных правящих домов до нашего века ни один не стал центром единства. Странное явление представляет малоизвестный, полуитальянский остров. <...>

Но абсолютен ли такой закон? Конечно, нет. Швейцария и Соединенные Штаты, образовавшиеся благодаря постепенным прибавкам, не имеют основания в династиях. Я не стану обсуждать этого вопроса по отношению к Франции. Для этого нужно было бы знать тайну будущего. Скажем только, что великое французское королевство было настолько национально, что на другой же день после его падения нация могла существовать без него. Кроме того, XVIII век изменил буквально всё. После долгих веков унижения, человек возвратился к античному духу, к уважению самого себя, к идее своих прав. Слова: «отечество», «гражданин», опять получили свой смысл. Только поэтому могла совершиться самая смелая операция, которая когда-либо производилась в истории; эту операцию можно сравнить с попыткой физиолога оживить в первоначальном единстве тело, у которого отняты мозг и сердце.

Нужно, следовательно, допустить, что нация может существовать и без династического принципа, и что даже нации, образованные династиями, могут отделиться от этих династий, не переставая, однако, существовать. В настоящее время нельзя поддерживать старый принцип, принимавший во внимание только право принцев; кроме права династий есть право наций. На каком же критерии основано это национальное право? По какому признаку оно узнается? Из какого осязаемого факта оно проистекает?

I. Из расы, – отвечают с уверенностью некоторые. Искусственные разделения, результат феодализма, браки владетельных принцев, конгрессы дипломатов не имеют вечного значения. Прочным и постоянным остается раса народов. Вот что составляет право, законность. Например, германская семья, по указанной теории, имеет право возвратиться в свое лоно разъединённых членов германизма, если даже последние не желают этого присоединения. Права германизма на такую-то провинцию сильнее права жителей этой провинции на самих себя. Таким образом создается первичное право, аналогичное «божественному» праву королей: принцип наций заменяет этнографический принцип. Но это весьма крупная ошибка, которая погубила бы европейскую цивилизацию, если бы сделалась господствующей. Поскольку справедлив и законен принцип наций, постольку принцип первичного права рас узок и полон опасностей для истинного прогресса. <...>

Рассуждения относительно рас бесконечны, так как слово «раса» понималось историками-филологами и антропологами-физиологами в двух совершенно различных смыслах. В антропологии раса имеет тот же смысл, что и в зоологии; она указывает на действительное происхо-

ждение, на родство по крови. Но изучение языков и истории не ведет к тем же делениям, что изучение физиологии. <...> Другими словами зоологические начала человечества бесконечно предшествуют началам культуры, цивилизации, языка. Первоначальные арийская, семитическая, туранская группы совсем не представляли физиологического единства. Такого рода группировки являются историческими фактами, происходившими в известную эпоху, – предположим, пятнадцать или двадцать тысяч лет тому назад, тогда как зоологические начала человечества теряются в неподдающейся вычислению дали. То, что называют германской расой филологически и исторически, представляет, наверное, очень характерное семейство в человеческом роде. Но является ли это семейством в антропологическом смысле? Конечно, нет. Появление германской индивидуальности относится к эпохе незадолго до Рождества Христова. Конечно, германские племена не вышли из земли в эту эпоху. Будучи до этого перемешаны со славянами в огромной неясной массе скифов, они не имели своей особой индивидуальности. Англичанин представляет тип в целом человечестве. Но типом того, что называют собственно англосаксонской расой, не является ни британец времен Цезаря, ни англосакс, ни датчанин эпохи Канута, ни норманны эпохи Вильгельма Завоевателя; тип – это равнодействующая всего перечисленного. Француз не является ни галлом, ни франком, ни бургундом. Он вышел из огромной печи, в которой под начальством короля Франции были скреплены вместе самые различные элементы. <...>

Раса, как понимаем её мы, историки, есть нечто, что создается и разлагается. Изучение рас крайне важно для ученого, занимающегося историей человечества. Инстинктивное сознание, предшествовавшее составлению карты Европы, не считалось с расой, и первые нации Европы являются нациями преимущественно смешанной крови. <...>

II. Только что сказанное нами о расе нужно сказать и о языке. Язык приглашает соединиться, но не принуждает к этому. Соединенные Штаты и Англия, испанская Америка и Испания говорят на одном и том же языке, но не составляют одной нации. Напротив, Швейцария, так хорошо созданная, – так как она создана согласием её различных частей, – насчитывает три или четыре языка. В человеке нечто стоит выше языка: это его желание. Желание Швейцарии объединиться, вопреки различию её языков, представляет более важный факт, чем сходство языка, достигаемое часто путем мучений.

Почетное для Франции явление в том, что она никогда не стремилась добиться единства языка мерами принуждения. Разве нельзя иметь одни и те же чувства и мысли, любить одни и те же вещи на различных языках? <...>

Политическое значение, приписываемое языкам, проистекает оттого, что их считают признаками расы. Но такое мнение крайне ошибоч-

но. Пруссия, где теперь говорят только по-немецки, несколько веков тому назад говорила на языке славян; в галльских странах говорят по-английски; Галлия и Испания говорят на первоначальном языке Альбы-Лонги; в Египте говорят на арабском. И таких примеров бесконечное множество. Даже в самом начале сходство языка не делало обязательным сходства расы. Возьмем первичное арийское или семитическое племя; там были рабы, говорившие на том же языке, что и их господа. Но тогда рабы часто принадлежали не к той расе, что их господин. Итак, повторяю: деления индоевропейских, семитических и других языков, созданные с таким удивительным умением сравнительной филологией, не совпадают с делениями антропологии. Языки – это историческая образования, которые дают мало указаний относительно крови говорящих <...>

III. Религия также не могла бы доставить достаточного основания для учреждения современной национальности. Сначала религия была связана с существованием самой социальной группы. <...> Нельзя было быть хорошим венецианцем, не поклявшись святым Марком, нельзя было быть хорошим амальфитанцем, не считая святого Андрея выше всех святых рая. В этих маленьких обществах то, что вызывало впоследствии преследование, тиранию, было сначала законно и так же принято, как наш обычай в первый день года поздравлять отца семьи и приносить ему пожелания.

То, что было истинным в Спарте, Афинах, перестало быть таковым в королевствах, вышедших из завоеваний Александра, и особенно в римской империи. <...> В настоящее время уже нет государственной религии: можно быть французом, англичанином, немцем, будучи католиком, протестантом, иудеем, не исповедуя даже никакого культа. Религия сделалась совершенно индивидуальной; она принимает во внимание сознание каждого.

IV. Общность интересов, конечно, представляет могущественную связь между людьми. Но достаточно ли одних интересов, чтобы создать нацию? Не думаю. Общность интересов создает торговые договоры. В национальности есть одна сторона чувства: она и душа, и тело одновременно. Но Zollverein – не отечество.

V. География, – то, что называют естественными границами, – бесспорно имела большое влияние при разделении наций. География – это один из главных факторов истории. По рекам расы передвигались, горы их задерживали. Первые благоприятствовали, вторые направляли исторические движения. Но можно ли сказать, как думают некоторые, что границы нации занесены на карту и что эта нация имеет право подчинять себе всё то, что необходимо для закругления некоторых контуров, для достижения такой-то горы или реки, которой приписывают способность ограничивать a priori? <...> Если бы истории было угодно, то

Луара, Сена, Маас, Эльба, Одер, так же, как и Рейн, имели бы этот характер естественной границы, благодаря которому было совершено столько нарушений основного права: желания людей. <...> Нет, территория, как и раса, не создает нации. Земля доставляет субстрат, поле для борьбы и труда; человек доставляет душу. Человек весь проявляется в создании того священного явления, которое называют народом. Для этого недостаточно истории. Нация – это духовный принцип, результат глубоких усложнений истории, духовная семья, а не группа, определяемая формой поверхности.

Мы только что видели то, чего недостаточно для создания такого духовного принципа: раса, язык, интересы, религиозное родство, география, военные потребности. Что же нужно ещё? В виду сказанного раньше, мне нечего надолго удерживать ваше внимание. <...>

Печатается по: Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собр. соч.: в 12 томах; пер. с фр.; под ред. В.Н. Михайловского. Т. 6. – Киев, 1902. С. 87–101. Доступно on line: http://www.hrono.info/statii/2006/renan_naci.html

Вопросы

1. Каким было происхождение большинства современных наций?
2. Что автор понимает под правом династий и правом наций?
3. На каких критериях основано национальное право?

Тема 11–12. МИРОВОЙ ПОРЯДОК В ТМО

Под мировым порядком понимается: 1) устройство системы; 2) принципы и нормы, управляющие системой; 3) внешнеполитическое поведение (его преобладающий тип). Термин «мировой порядок» разъясняет понятие «мировое общество» – часть международного общества, которая характеризуется некоторым соотношением потенциала участников, общими ценностями, устойчивыми моделями взаимного поведения. Чаще принято говорить об этой группе как о странах либеральной демократии. Таким образом, мировой порядок – порядок, который воплощен в отношениях между членами «мирового общества».

После второй мировой войны рассмотрение мирового порядка как прекращения войн привело к идее создать документ и организацию, которые обеспечивали бы мир и порядок. Институциональной основой мирового порядка стала Организация Объединенных наций из стран-участниц антигитлеровской коалиции. Устав ООН не запретил войну (как и устав Лиги Наций. Более того он прямо санкционировал применение не только международных, но и национальных сил одним государством или союзом государств в целях самообороны (ст. 51). Этими положениями устав санкционировал региональные союзы, такие как НАТО, чья цель – не поддержание мира и порядка в зоне их деятельности, а защита этой зоны от угроз извне. Кроме недостатков структуры, ООН столкнулась также с рядом процедурных препятствий, затруднивших эффективность механизма. Окончание холодной войны и применение Организацией Объединенных наций силового вмешательства (в т.ч. под формулировкой «гуманитарные цели») привели к необходимости реорганизации данного механизма регулирования порядка.

На этом фоне формального регулирования силами ООН действует неформальный (по типу принятия решений) механизм, ядром которого являются по крайней мере 7 государств из «группы восьми». Старые члены «восьмерки» фактически остаются более влиятельными отчасти благодаря принадлежности шести из них блоку НАТО, который в отдельных случаях способен выступать инструментом защиты интересов этих стран при помощи силы. К началу 2000-х годов полуформальная коалиция семи членов «восьмерки» с блоком НАТО по практическому воздействию на мировую политику стала вровень с ООН. Между этими двумя ветвями мирополитического регулирования – формальной (ООН) и неформальной (старые члены «восьмерки» и НАТО) развернулась настоящая конкуренция, в которой вторая обладала рядом преимуществ. К таким преимуществам относятся большая эффективность неформальной ветви в принятии решений, возможность G7 мобилизовать свои военные ресурсы быстрее, применять, учитывая собственные интересы (Подробнее о мировом обществе и мировом порядке см.: Богатуров А.Д.

Современный международный порядок // Международные процессы. Т. 2. № 3(6). Сентябрь–декабрь 2004. Доступно on line: <http://www.intertrends.ru/one/001.htm>.

Основные понятия и термины

Международный порядок – это такое устройство международных отношений, которое призвано обеспечить основные потребности государств и др. институтов, создавать и поддерживать условия их существования, безопасности и развития.

Мировой порядок – 1) система международных политических, правовых, эк. и др. отношений, которая исторически сложилась к данному периоду времени. 2) Определенное качественное состояние системы МО на том или ином этапе обществ. развития.

Богатуров А.Д.

Современный международный порядок

Ученые употребляют словосочетание «международный порядок» в самых разнообразных значениях, в чем им следуют политики и журналисты. Важно определить смысл, в котором оно будет использоваться в этой статье. Прежде всего, стоит отметить наличие смысловых различий между выражениями «международный порядок» и «мировой порядок», поскольку эти различия в современном словоупотреблении становятся более существенными.

Под международным порядком подразумевается порядок, складывающийся между всеми странами мира, совокупность которых условно именуется международным сообществом. Отношения между членами международного сообщества и, значит, международный порядок определяются взаимодействием разнородных факторов, наиболее важную роль, среди которых играет соотношение совокупных потенциалов отдельных игроков и построенная на нем иерархия, взаимное положение стран, чаще всего условно понимаемое как вертикальное соподчинение.

В самом международном сообществе существует некоторая относительно автономная его часть, упорядоченные отношения внутри которой определяются не только соотношением потенциалов стран-участников, но и наличием у них фонда общих этических, моральных ценностей и основанных на них устойчивых моделей взаимного поведения. В научной литературе принято считать, что эту группу составляют страны либеральной демократии. Порядок в отношениях между ними тоже формируется во многом на основе принципа соотношения потенциалов («кто сильнее»), но еще взаимное поведение стран этой группы в значительной степени регулируются всеми признаваемыми, общими для

данной группы моральными нормами, правилами и нормами, которыми они сознательно и добровольно руководствуются в отношениях друг с другом. Эта часть международного сообщества условно именуется мировым обществом. В ее рамках взаимодействие и взаимовлияние между странами происходит не только на уровне взаимодействия их внешних политик, но и «по всей глубине» социальной ткани разнорациональных обществ. Порядок, который воплощен в отношениях между членами «мирового общества», и представляет собой несколько идеализированное в литературе воплощение мирового порядка.

Мировой порядок, следовательно, в современном мире не имеет всеобщего характера, по охвату он уже, чем порядок международный. Хотя, вероятно, мировой порядок выражает перспективную тенденцию развития, которая характеризуется распространением, экспансией мирового порядка в масштабах планеты. Теоретически уместно говорить о возможности разрастания мирового порядка до масштабов международного.

Практически – однако – современные международные отношения существуют в рамках порядка, строго говоря, более низкого организационного уровня, порядок, который воплощает все многообразие взаимодействия разных стран мира, в том числе существующие между ними противоречия как идейно-культурной и конфессиональной природы, так и военно- и геополитического, экономического и геоэкономического характеров. Таков по определению международный порядок в его реальных измерениях.

1

С точки зрения прикладного анализа целесообразно выделить три основных подхода к интерпретации порядка: реалистический, социально-конструктивистский и институциональный. Для первого характерен акцент на соотношениях потенциалов между основными субъектами отношений. Для второго – подчеркнутый интерес к правилам поведения между ними, правилам, понимаемым в динамике их развития и воздействия на поведение государств и отдельных личностей. Для третьего – упор на инструментарию регулирования, основой которого, как постулируется, выступают международные институты, понимаемые как механизмы межгосударственного сотрудничества, способные оказывать примиряющие и сдерживающее влияние на поведение отдельных стран в интересах сообщества в целом (Ср.: Цыганков П.А. Теория международных отношений. М., 2002. Гл. 16. С. 470–475; Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002; Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2003). Все три подхода в чем-то противостоят, а в чем-то дополняют друг друга – согласно тому, как в реальности регулирование меж-

дународных отношений осуществляется при помощи материально-силовых и идеально-информационных направляющих импульсов, посылаемых, помимо прочих каналов, через посредничество международных институтов.

Причем воздействие материально-силовых импульсов относительно преходяще – соотношение возможностей между странами быстро меняется, могущество одних стран бесследно исчезает и возникает могущество других. Потенциал влияния вторых обладает способностью накапливаться и оказывать более слабое, но зато и более долгосрочное, чем фактор силы, воздействие на поведение государства и лидеров. Влияние третьих вообще очень подвижно и может расти или уменьшаться в зависимости от того, сильнее или слабее делается воздействие силовых факторов. Упорядочивающая роль факторов материально-силового свойства рельефней проявляется в кратко- и среднесрочной перспективе, идеально-информационных – в долгосрочной, а институциональных – колеблется вокруг некоторого среднего, но не особенно высокого показателя, который в истории международных отношений последних ста лет ни разу не становился для международного порядка определяющим.

Интерпретации порядка в реалистической традиции с малыми вариациями восходят к классическим трудам Г. Моргантау, Р. Арона и К. Уолтца. Ключевым для их построений было понимание порядка как горизонтального временного среза международных отношений, их «объективно заданного состояния», которое в каждый момент определялось соотношением потенциалов между великими державами. Причем сами державы имели представление об этом соотношении, не всегда адекватное и официально заявлявшееся, и соизмеряли свои действия с возможными их последствиями. Этот круг идей преобладал в науке и политике в первые три-четыре десятилетия после второй мировой войны.

Вектор научных дискуссий последних двух десятилетий XX века определялся критикой реалистических интерпретаций, которые несколько абсолютизировались в годы биполярной конфронтации. Более популярными стали трактовки в духе отождествления порядка с введением «правил благоразумного поведения», соблюдение которых было бы обусловлено не страхом перед возмездием со стороны более сильного соперника (соперников), а добровольным законопослушанием субъектов, их готовности без принуждения следовать условиям «контракта» или «кодекса», который они формально (в виде Устава ООН) или неформально вырабатывали бы между собой в процессе общения. Эти критические версии не представляли собой в чистом виде либеральной школы теории. Они строились на прагматичном сочетании либерального подхода с идеями социального конструктивизма, соотносимыми к тому же с элементами реал-политического анализа.

В литературе 1990-х годов известность приобрела концепция американского ученого Линна Миллера, который считал главным признаком международного порядка присутствие в мировой системе единого основополагающего принципа, которым сознательно или стихийно руководствовались государства. Л. Миллер полагал, что с середины XVII века до Первой мировой войны в мире существовал всего один порядок, который автор называет вестфальским (по Вестфальскому миру, положившему конец Тридцатилетней войне в Европе и послужившему, как утверждает Л. Миллер, началом нового порядка). Основанием для такого обобщения автор считал то обстоятельство, что в основе международных отношений всего этого периода лежал принцип «разрешительности» (*laissez-faire* – «позволять делать») или «невмешательства». Как отмечает Л. Миллер, «в самом широком смысле концепция разрешительности предполагает, что для общего блага лучше всего предоставить наибольшую меру свободы и возможности индивидуальным лицам в обществе служить своим собственным интересам» (Miller L. *Global Order. Values and Power in International Politics*. Boulder, 1994. P. 50). Этот принцип предполагал отказ одного государства от попыток помешать другому государству в осуществлении его задач во всех случаях, когда это не касается непосредственно жизненных интересов первого.

Антиподом этой политики Л. Миллер считал «вильсониянский» принцип международного регулирования, впервые представленный В. Вильсоном в 1918 году. Этот принцип воплотился в «интервенционистской» политике Лиги Наций, затем и в деятельности ООН, а со второй половины 90-х годов XX века до настоящего времени – есть все основания продолжить рассуждение автора – он реализовался в политике Соединенных Штатов Америки и ситуативных коалиций, которые они создают. В отличие от реалистов, Л. Миллер понимал «порядок» не как «устройство» и «состояние», а как «образ действия» и «процесс».

Похожим образом пояснял порядок и британский исследователь Роберт Купер. Отталкиваясь от классической работы Хэдли Булла (Bull H. *The Anarchical Society. A Study Order in World Politics*. New York, 1977), он предложил несколько возможных интерпретаций «порядка». Во-первых, таковым может считаться преобладающий тип внешнеполитического поведения государств (*pattern of actions*), независимо от того, служит ли оно упорядочению или дезорганизации системы; во-вторых, порядок может означать определенную степень стабильности и целостности системы; в-третьих, его можно понимать как «правила, которые управляют системой и поддерживают ее в состоянии стабильности; моральное содержание, воплощающее идеи справедливости и свободы» (Cooper R. *Is there a New World Order? // Prospects for Global Order*. Ed. by Seizaburo Sato and Trevor Taylor. London, 1993. Vol. 2. P. 8).

Во многом, Л. Миллер и Р. Купер, конечно, предстают последователями известного американского ученого Роберта Гилпина, в работах которого еще в начале 1980-х годов были сформулированы развиваемые ими на более позднем материале представления о том, что системный порядок в международных отношениях определяется прежде всего наличием свода правил поведения, и именно смена этих правил может характеризовать смену одного порядка другим (Gilpin R. *War and Change in World Politics*. New York, 1981).

Любопытно, что окончание биполярной конфронтации не привело к явному теоретическому преобладанию либеральной школы, как того можно было ожидать, когда политическая публицистика упивалась упрощенным пониманием приписываемого Ф. Фукуяме вывода о «безоговорочной победе» политического либерализма во всемирном масштабе. Наука оказалась достаточно зрелой, чтобы удержаться от упрощенных построений, и общий тренд теории международных отношений определился явлением синтетических интерпретаций, которые соединяли бы в себе достоинства всех разработанных к началу XXI века подходов в интересах построения цельного понимания сущности международного порядка, закономерностей его самоорганизации и оптимальных возможностей регулирования.

Строго говоря, признаки синтетического понимания можно найти даже у мэтров политреализма. Достаточно вспомнить классическое замечание Генри Киссинджера, еще в 70-х годах XX века утверждавшего, что мир невозможно обеспечить без равновесия /реалистическое и структурное понимание/, а справедливость – без самоограничения /социально-конструктивистское, как сказали бы в 90-х/ (Kissinger H.A. *The White House Years*. Boston-Toronto, 1979. P. 55). Но время творческого расцвета этой личности не дало материала для выработки понастоящему универсалистской схемы анализа международного порядка. Этот материал дала реальность более позднего времени.

Вот почему одна из первых успешных попыток создать синтетическое видение международного порядка была представлена только в 2001 году основательной книгой американского ученого Джона Айкенбери «После победы. Институты, стратегическая сдержанность и перестройка порядка после больших войн» (Ikenberry G.J. *After Victory. Institutions, Strategic Restraints, and the Rebuilding of Order After Major Wars*. Princeton, 2001. P. 3). Хотя автор причисляет себя к институционалистам, его схема по существу представляет собой гармоничный вариант соединения в рамках единой аналитической схемы достоинств нескольких методологических школ.

Дж. Айкенбери тоже считает ключевым признаком международного порядка наличие общепризнанных правил и принципов, которыми субъекты руководствуются в отношениях между собой. Он даже вводит

понятие «конституционности» или «неконституционности» тех или иных международных порядков, подчеркивая, что порядок, основанный только на соотношении сил – неконституционен (Ibid. P. 7). Отмечая, что феномен конституционности возник в сфере внутренних социальных отношений государств, он подчеркивает активизацию ее экспансии в область международных отношений в начале XXI века.

При этом принцип конституционности, согласно Дж. Айкенбери, воплощается в основанной на уставах или договорах деятельности международных организаций и других институтов межгосударственного взаимодействия, в задачи которых входит обеспечивать более справедливую, равномерную представленность интересов менее сильных стран при принятии важнейших международных решений, которые чаще всего вырабатываются самыми мощными странами «эгоистично» и в расчете лишь на собственные национальные интересы.

В отличие от «трехчастной» схемы международного порядка (потенциалы – идеи – механизмы), обозначенной в начале статьи, аналитическая модель Дж. Айкенбери бинарна: для его понимания международного порядка значимо прежде всего соотношение двух элементов – идей и институтов, с одной стороны, и мощи государства-гегемона, с другой. В истории международных отношений этот автор выделяет три типа международного порядка – равновесный, гегемонический и конституционный. Не испытывая, очевидно, интереса к первому, он озадачен взаимоотношением второго с третьим, с достойным доброго реалиста здравомыслием замечая: международный порядок не обязательно подразумевает действия сторон по согласованным правилам, он может воплощать практику поведения, которой придерживается сильнейшая страна, действия которой в этом случае могут сами по себе становиться правилом как нормой, закрепленной цепью прецедентов (Ibid. P. 19). «Сила преобразуется в право, а принуждение – в долг».

При этом, верно замечает автор, роль институтов конституционного регулирования бывает важной на этапах упадка государства-гегемона или на этапах его раннего восхождения, когда институты могут оказывать максимальное влияние на международную ситуацию. Наоборот, в ситуации пребывания гегемона в зените могущества, он может безнаказанно игнорировать упорядочивающие импульсы со стороны «конституционных» институтов. При этом институты, если они ощущают свою слабость, могут уступать гегемону или гегемонам главенствующую роль в формировании порядка – на основе либо гегемонии, либо равновесия. По Дж. Айкенбери «политический порядок – это базовое согласие (agangement) между группой государств относительно их руководящих правил, принципов и институтов» (Ibid. P. 45)

Очевидно, и Дж. Айкенбери понимает порядок в основном как порядок принятия решений («образ действия»), нежели как порядок поло-

жения дел («состояние»). Отдавая должное этой схеме, важно заметить ее ограниченность с точки зрения прикладного анализа. Подразумеваемая наличие иерархии в международных отношениях (которая сама воплощает некоторый порядок), автор выводит за рамки анализа саму эту иерархию. Складывается впечатление, что важна не объективно существующая иерархия (центр – периферия, верх – низ, старший – младший, сильный – слабый), а лишь то, как ведут себя субъекты международных отношений – «помимо» и «независимо» от нее. Теоретически схема Дж. Айкенбери логична и соразмерна. В прикладном анализе она не достаточно функциональна, поскольку для понимания сущности порядка бывает необходимо понимать не только особенности принятия решений внутри иерархии, но и выявить возможности повлиять на эту иерархию, изучить имеющийся ресурс для ее изменений, или, например, ресурс сопротивления таковому.

Иначе говоря, для понимания современной международной ситуации распознавание прочности позиции каждого субъекта и их взаимного положения в иерархии столь же важно, как и правила, которыми каждый из них руководствуется или должен руководствоваться, но почему-то этого не делает.

Вот почему целесообразно расширить схему анализа международного порядка, включив в нее следующие элементы:

- наличие признаваемой иерархии между субъектами международных отношений, включая и государства, и новые субъекты международной политики;

- совокупность принципов и правил внешнеполитического поведения; система принятия решения по ключевым международным вопросам, включающий в себя механизм представительства интересов низших участников иерархии при принятии решений на высших ее уровнях;

- набор морально допустимых санкций за их нарушения и механизмов применения этих санкций;

- формы, методы и приемы реализации принимаемых решений – режим реализации международного порядка.

В международных отношениях сегодня присутствуют все элементы, обозначенные в этой схеме, что позволяет считать их в целом упорядоченными, а кризис миротворческого регулирования, о признаках которого писали в начале прошлого десятилетия, преодоленным.

<...>

Вопросы

1. В чем, по мнению автора, состоит смысловое различие между выражениями «международный порядок» и «мировой порядок»?

2. Какие три подхода к интерпретации мирового порядка формулирует автор?

3. Какие концепции интерпретации мирового порядка появились в конце XX века?

4. Когда появляется одна из первых успешных попыток создать синтетическое видение международного порядка? Раскройте содержание данного подхода.

Джадт Т.

Новый мировой порядок

1

Те из нас, кто с самого начала выступали против вторжения Америки в Ирак, не могут испытывать удовлетворения от его катастрофических последствий. Напротив: мы должны теперь задать себе ряд весьма неприятных вопросов. Первый вопрос – правомерность «превентивного» военного вмешательства. Если иракская война была ошибкой – «неправильная война в неправильное время» (Tony Judd, «The Wrong War at the Wrong Time», «The New York Times», October 20, 2002), – то почему тогда была правильной война против Сербии в 1999 г.? У той войны, в конце концов, также не было санкции Совета Безопасности ООН. Она также была неправомерным и неспровоцированным нападением на суверенное государство, предпринятым в «превентивных» целях, повлекшим за собой многочисленные жертвы среди гражданского населения и вызвавшим сильное негодование против осуществивших его американцев.

Очевидное различие – и причина, по которой многие из нас радовались, когда США и их союзники вошли в Косово, – состояло в том, что Слободан Милошевич начал кампанию против албанского большинства Косовской области Сербии; при этом имелись все признаки прелюдии к геноциду. Так что не только США были на правильной стороне, но и вмешательство произошло в нужное время, ведь оно могло фактически предотвратить главное преступление. Вероятные последствия бездействия казались очевидными (на памяти был позор в Боснии и Руанде в самом недавнем прошлом), они далеко превосходили риски, связанные с интервенцией. Сегодня администрация Буша, – которая не может предъявить «оружие массового уничтожения», чтобы оправдать поспешное начало военных действий, – предлагает «дарование свободы Ираку» почти как запоздалую отговорку. А война 1999 года с самого начала была войной ради спасения жизни косовских албанцев.

Однако не все так просто. Саддам Хуссейн (подобно Милошевичу) представлял постоянную угрозу для многих своих подданных, причем не только в тот период, когда уничтожал курдов и шиитов, а мы стояли рядом и наблюдали, но и до самого конца своего режима. Те из нас, кто одобряют гуманитарные вмешательства в принципе – не потому, что

они отвечают нашим добрым намерениям, а потому, что они делают добро или предотвращают зло, – не могут, будучи последовательными, жалеть свергнутого Саддама. Те из нас, кто возражают против одностороннего применения грубой силы, должны вспомнить, что десять лет назад мы восхитились бы, если бы кто-то, все равно кто, в одностороннем порядке вмешался, спасая племя тутси в Руанде. И те из нас, кто – на мой взгляд, справедливо – указывают на негативные последствия вмешательства пусть даже с самыми лучшими намерениями в дела других стран, не всегда применяли этот подход в случаях, когда мы с нетерпением ожидали, чтобы вмешательство началось.

Дэвид Рифф ничего не может предложить для выхода из этих затруднительных положений – в его последней книге царит атмосфера разочарования и отчаяния. Однако новый сборник его недавних эссе и докладов выполняет благотворную функцию, напоминая о том, какое все-таки беспокойство могут вселять подобные дилеммы. Многие годы Рифф был видным защитником полномасштабной гуманитарной интервенции – и не просто как повязки на ранах мира. Подобно Полу Вулфовицу и другим он искренне верил в желательность и возможность обеспечения демократических перемен там, где это необходимо. Он включил в этот сборник несколько более ранних эссе, которые простодушно педалируют случаи западного вмешательства: в Африке, на Балканах и в других местах. Теперь, как Рифф признается в своих размышлениях, добавленных задним числом к прежним эссе, у него уже появились сомнения.

Дела идут не так, как следовало бы, и не только в Ираке. Международное право – как и сама ООН – было задумано в мире суверенных государств, в мире, где между странами вспыхивали войны, а мир между государствами своевременно достигался с помощью посредничества, и самым важным в мироустройстве после Второй мировой войны было гарантировать неприкосновенность границ и суверенитета. Сегодняшние войны, как правило, возникают в пределах самих государств. Различия между миротворчеством и поддержанием мира – между вмешательством, помощью и принуждением – нечеткие, как нечетки права противоборствующих сторон и обстоятельства, в которых иностранные посредники могут прибегнуть к принуждению. В этом запутанном новом мире благожелательные западные дипломаты и наблюдатели порой оказывались не в состоянии отличить воюющие государства – действующие в рамках обычных дипломатических норм – от могущественных местных криминальных диктаторов, типа лидеров Судана. Переговоры с последними слишком часто равнозначны сотрудничеству и даже соучастию в преступлении.

Что касается Организации объединенных наций («этой беззубой старой ведьмы», как выразился Рифф), то она не только не способна

предотвратить преступные действия, но своей одержимостью в стремлении сохранить «беспристрастность» и своим протекционизмом по отношению к собственным сотрудникам может иногда способствовать массовым убийствам. В Сребренице, в июле 1995 г., четыреста нидерландских солдат ООН вежливо стояли в стороне, позволив Ратко Младичу и его боснийскому сербскому ополчению перебить семь тысяч боснийских мусульман, мужчин и юношей, «удобно» собранных в одном месте под защитой Организации объединенных наций в «безопасном» районе. Возможно, это исключительный случай, но именно в таких чрезвычайных обстоятельствах международные организации всех видов, какими бы гуманными ни были их намерения, едва ли могут избежать компрометации самих себя, особенно когда великие державы в Совете Безопасности отказываются дать санкцию на адекватную вооруженную поддержку. Если частные благотворительные организации и собственный верховный комиссар ООН по делам беженцев помогают перевозить, обустраивать, снабжать жильем и питанием насильственно перемещенных людей – на юге Балкан, в Восточном Конго или на Ближнем Востоке – то, что они делают: предоставляют жизненно необходимую помощь или облегчают осуществление чьего-то проекта этнической чистки? Слишком часто ответ на этот вопрос будет: и то, и другое.

Рифф идет дальше. Большинство гуманитарных организаций, общественных и частных, по определению предназначены для действия в конкретных чрезвычайных ситуациях. В кризисной ситуации их главная задача состоит в обеспечении немедленной помощи (и защиты собственных людей); у них нет ни времени, ни желания для долгосрочного решения проблемы или для политических расчетов. В результате их легко могут эксплуатировать: жертвы (Рифф особенно недоволен Армией освобождения Косово (УСК), – которой он обычно восхищался, но которая, как ему кажется теперь, всегда склонна к насилию и стремится к принудительному выселению оставшихся косовских сербов, – она, в самом деле, не многим лучше, чем ее сербские «коллеги»); но прежде всего крупные державы, у кого такие гуманитарные объекты на практике находятся на субподряде и в чьем сотрудничестве они нуждаются.

В той степени, в какой эти гуманитарные организации обеспечивают прикрытие для сомнительной в правовом отношении вооруженной интервенции и ее неизбежных изъянов, они подрывают собственную репутацию и моральное доверие, никогда не достигая своих целей. ООН, согласно Риффу, в ситуациях особого риска стала «де-факто колониальной конторой американской власти», проводя чистку после американских интервенций и «будучи использованной подобно воображаемому бумажному носовому платку... как это обычно делают», по безрадостному описанию одного служащего ООН в Ираке, кого Рифф одобрительно цитирует. Оно может показаться несколько грубым. В конце

концов, благотворительные организации в опасных местах знают по горькому опыту, что держаться на правильной стороне оккупирующей власти (державы) или коррумпированного местного вождя или полицейского – оплатив на короткий срок их лояльность – это единственный способ остаться в данном месте и, стало быть, вообще приносить какую-то пользу.

Разочарованный тон Риффа может приобретать циничную остроту: «...имперские мечты американских неоконсерваторов, подобных Максу Буту или Роберту Кагану, имеют гораздо больше смысла, чем колебания левых гуманистов». Его эссе выдают некоторую поспешность – и в их первоначальной редакции и в последующем переиздании: в Косове, поучает он, «Запад наконец угодил в яму, которую сам и вырыл, пудря мозги рассуждениями о категорическом императиве прав человека». Кроме того, относительно немного из того, что Рифф говорит о негативных последствиях благонамеренного вмешательства в дела других народов, покажется новым для большинства читателей. Но было время, когда Рифф принял бы такие неприятные побочные эффекты как лучшую часть либеральной доблести: «Наш выбор на рубеже тысячелетий, – писал он несколько лет назад, – кажется, сузился до выбора между империализмом или варварством». После Ирака, однако, вещи выглядят по-другому, и он с сожалением признает, что «не понял, насколько империализм является варварством или, по крайней мере, может всегда им стать».

Сегодня Рифф не против гуманитарного вмешательства. Но теперь он считает, что мы должны прагматически оценивать каждый случай по его достоинствам и без иллюзий: прежде всего без иллюзии о том, сколько подлинных перемен мы когда-либо сможем осуществить и какой ценой (такова идея и книги «The Dark Sides of Virtue: Reassessing International Humanitarianism», Princeton University Press, 2004 Дэвида Кеннеди, международного адвоката в Гарварде. Кеннеди обвиняет международных гуманитарных деятелей – адвокатов, врачей, учреждения помощи, наблюдателей в ходе выборов, и т.п. – в фетишизации их собственных структур и практики. Они с большой легкостью склонны, как он полагает, идеализировать и «идололизировать» собственную работу, так что в итоге игнорируют или приуменьшают и зачастую негативные результаты своих усилий (собственными программами обеспечивая прикрытие для диктаторов и им подобным), и альтернативные, более радикальные решения и политику, находящиеся вне сферы их компетенции.). Он все еще верит, что «мы» должны были вмешаться в Боснию раньше и «мы» несем коллективную ответственность за то, что допустили геноцид в Руанде. Как, в таком случае, «нам» решать в будущем – оставаться в стороне или действовать? И кто это «мы», несущие ответственность и способные предотвращать такие катастрофы?

«Международное сообщество» – что на практике означает Организацию объединенных наций и его различные учреждения помощи и миротворческие силы? Рифф, разочарованный любовник, исполнен презрения к ООН – «только в африканском контексте такое негодное учреждение, как Организация объединенных наций, пассивность которой люди сведущие давно распознали, могло рассматриваться как центр власти», – но ничего лучшего предложить он не может.

«Негодное»? «Пассивное»? В своем презрении Рифф не одинок. Один видный адвокат, специалист по правам человека, работавший в Африке в рамках ООН, обвиняет эту организацию и ее теперешнего генерального секретаря Кофи Аннана в «капитуляции перед злом» в том регионе (Kenneth Cain, «How Many More Must Die Before Kofi Quits?» *The Observer* (London), April 3, 2005. То, что ООН действительно капитулировала перед злом в Руанде не вызывает сомнений, см.: Romeo Dallaire, «Shake Hands with the Devil: The Failure of Humanity in Rwanda» (Carroll and Graf, 2004), и обзор Гая Лоусона (Guy Lawson) в «*The New York Review*», May 26, 2005. Но Кофи Аннан и его коллеги в ООН ни в коем случае не являются единственными виновниками – более чем достаточная ответственность лежит и на Брюсселе, и на Париже, и на Вашингтоне). Неоконсерваторы давно отвергли ООН за бесполезностью: «Организация объединенных наций не является ничьим гарантом. Ее едва ли можно считать существующей, разве что в формальном смысле» (Charles Krauthammer, «The Unipolar Moment», *Foreign Affairs*, Vol. 70, p. 25, цитируется в: Andrew Bacevich, «The New American Militarism», p. 84.). Администрация Буша сознательно назначила своим очередным послом в ООН человека, презирающего это учреждение. Последняя экспертная "Группа высокого уровня", учрежденная генеральным секретарем ООН, признает неумелое руководство организации в постконфликтных операциях и другие ее недостатки – плохую координацию, расточительность и пустое соперничество между учреждениями. Группа недвусмысленно характеризует печально известную Комиссию ООН по правам человека как страдающую тем, что вежливо названо «дефицитом легитимности».

Но фундаментальная проблема Организации объединенных наций – это не отсутствие эффективности, не коррупция, не дефицит «легитимности». Главная проблема – слабость. У ООН нет полномочий совершать международные интервенции без единогласного одобрения Совета Безопасности, все пять постоянных членов которого обладают правом вето, – и США, по крайней мере, всегда без колебаний пользовались им. Долгое время ООН находилась в тупике, связанном с «холодной войной», и ограничивалась громогласными «резолуциями». С 1990 г., однако, роль ООН и ее учреждений возросла, они приобрели особый вид международной легитимности в качестве всемирных миро-

творцев, миростроителей и сил по поддержанию мира – до такой степени (невообразимой несколько десятилетий назад), что для сотен миллионов людей во всем мире целесообразность американского вторжения в Ирак зависела от успеха или неудачи Вашингтона в получении поддержки, которая была бы зафиксирована во второй резолюции Совета Безопасности.

Как подчеркивает «Группа высокого уровня», «коллективно санкционированное применение силы не является, возможно, правилом сегодня, однако оно уже не является и исключением». Но это указывает на вторую слабость. В мире, где нарушение правительствами прав их собственных подданных стало основным поводом для вооруженного вмешательства, акцент Устава ООН на неприкосновенность суверенных государств выглядит довольно странно. Противоречие между правами отдельных личностей и прерогативами государств едва ли представляет собой новый вызов – это было предметом особой заботы Дага Хаммаршельда, генерального секретаря ООН в период 1953–1961 (см., например: Kennedy, «The Dark Sides of Virtue», p. 258); но ООН все еще имеет мало ресурсов, правовых или материально-технических, чтобы противостоять ему. Прежде всего, у нее нет ни собственной армии, ни вооруженной полиции. Она, таким образом, предпочла уклоняться от конфронтаций, требующих использования силы, что приводит ее группу экспертов к выводу о том, что «главная причина экономической неэффективности учреждений нашей системы коллективной безопасности заключается просто в нашей неготовности идти на серьезные меры по предотвращению смертоносного насилия».

У той же группы, тем не менее, имеются весьма четкие представления о достижениях Организации объединенных наций. Ее наибольший успех состоял в том, что она убедила и демократов, и тиранов в необходимости, по крайней мере, казаться легитимными, обеспечивая выполнение санкций ООН или призывая принять их – как фиговый листок для своих действий. Современное присутствие сил ООН по поддержанию мира на всей планете – от Боснии до Абхазии и до Восточного Тимора – может приводить иногда к искаженным и парадоксальным результатам, что Рифф и другие мрачно подтверждают документально; но их отсутствие или присутствие в недостаточных количествах или с неадекватным мандатом почти всегда катастрофичны. Там, где предписание ООН не имеет силу, – из-за того, что мощное нелиберальное государство не терпит никакого вмешательства в свои внутренние дела (как в Чечне или среди уйгуров в Западном Китае), – творятся нехорошие вещи. В целом, результаты деятельности ООН не столь уж плохи. Вот что говорит «Группа высокого уровня»:

«Мы пришли к выводу, что успехи Организации объединенных наций в устранении серьезных угроз для международного мира и безопасности гораздо значительнее, чем признается».

Шестнадцать членов группы ООН, рассуждающих таким образом, – не кучка левых гуманистов не от мира сего. Среди них четыре бывших премьер-министра, президент весьма уважаемой Международной кризисной группы (Гарет Эванс, бывший министр иностранных дел Австралии), бывший Постоянный представитель Великобритании при ООН и генерал Brent Скоукрофт, бывший советник по национальной безопасности США при президенте Буше-старшем. Для комитета ООН их заключения освежающе прагматичны, а потому необычайно весомы. Вот их вывод. Сегодня «стремление к международной системе, регулируемой нормами права, усилилось». Такая международная система может быть дееспособной только в том случае, если она поддержана «развитым военным потенциалом», а этим потенциалом ее организацию, учреждения и персонал могут обеспечивать только государства – члены ООН. Если они упорствуют в отказе, это быстро становится явным, как случилось в середине 1990-х годов, когда ООН «поменяла оковы «холодной войны» на смирительную рубашку самодовольства государств-членов и безразличия великих держав».

В то же время международная система в существующем виде не жизнеспособна, если отдельные государства-члены, о которых идет речь, вместо этого хотят использовать свои ресурсы в одностороннем порядке. На практике есть только одно государство – член ООН, которое имеет возможность делать это последовательно и во всемирном масштабе, и «Группа высокого уровня» ясно дает понять, что она думает об этом:

«...в мире, где существует ощущение наличия множества возможных угроз («Группа высокого уровня» вносит в список шесть групп угроз мировому сообществу, из которых «терроризм» представляет только одну. Остальные пять – это экономические и социальные угрозы (например, нищета и экологическая деградация); межгосударственные конфликты; внутренние конфликты (включая геноцид и другие преступления); распространение, потеря или использование ядерного, биологического и химического оружия; транснациональная организованная преступность), риск, которому могут подвергнуться глобальный порядок и предусматривающая отказ от интервенции норма, на которой этот порядок по-прежнему зиждется, попросту слишком велик, чтобы признать законность односторонних превентивных действий, отличных от коллективно одобренных действий».

Иными словами, «мы» в моем вопросе о будущих вмешательствах может быть только международным сообществом наций. Но «Группа

высокого уровня» Кофи Аннана не заблуждается относительно фактов международной жизни:

«Для того чтобы сложился новый консенсус по вопросам безопасности, необходимо прежде всего добиться понимания того, что главными действующими лицами, которые борются со всеми стоящими перед нами угрозами – как новыми, так и старыми, – по-прежнему являются отдельные суверенные государства». <...>

Печатается по: Джадт Т. Новый мировой порядок. Режим доступа: <http://www.russ.ru/publish/99127627> (6 октября 2005 г.)

Вопросы

1. В чем, по мнению автора, состоит проблема правомерности «превентивного» военного вмешательства США в Ирак?

2. В чем проявляется фундаментальная проблема Организации объединенных наций?

3. Каковы условия дееспособности международной системы, регулируемой нормами права?

Сорос Дж.

Мирового порядка больше не существует (интервью финансиста, миллиардера и филантропа Джорджа Сороса)

Мистер Сорос, можно ли считать, что США движутся в направлении хаоса, если говорить об Ираке, экономике и финансовом дефиците?

ДЖОРДЖ СОРОС: Я бы сказал, что Европа, в сущности, находится к состоянию хаоса ближе.

В том числе и в долгосрочном плане?

ДЖОРДЖ СОРОС: Я кейнсианец, долгосрочных прогнозов не делаю.

Кейнс говорил, что в долгосрочной перспективе мы все погибнем.

ДЖОРДЖ СОРОС: Верно. Во всяком случае, США в краткосрочном плане создали как раз мощное государство. Страной завладела группа радикалов или экстремистов. Они захватили сначала Республиканскую партию, выхолостив таким образом основу американской демократии. Поскольку она базируется на двух партиях, которые стремятся находить баланс.

Но теперь у нас у власти группа людей, не желающих искать баланс, а демократы устремились за ними и больше не в состоянии видеть середину. Между тем, экстремисты завоевали Конгресс и президентский пост, а сейчас они заняты захватом юрисдикции с тем, чтобы покончить с разделением властей, составляющим фундамент американской конституции. Помимо этого они ставят под угрозу Америку как открытое общество, поскольку подавляют и искажают жизненно важ-

ный критический процесс. Все это означает не хаос, а сильное авторитарное государство.

В своей недавно изданной книге Вы назвали мыльным пузырем военное и экономическое господство.

ДЖОРДЖ СОРОС: Это связано с тем, что лживую идеологию можно навязать миру только с помощью силы. Ее лживость какое-то время можно скрывать, но, в конце концов, ошибки, искажения вступают в конфликт с действительностью, и режим гибнет. Это может происходить очень быстро. Ошибки правительства Буша очень быстро стали очевидными, начиная с момента вторжения в Ирак. Потребовалось время, чтобы это дошло до сознания.

Это происходит сейчас?

ДЖОРДЖ СОРОС: Думаю, что да. Хотя, в сущности, не в такой уж степени, так как до сих пор утверждают, будто выборы там были большим успехом. Однако все, что бы ни предпринимал Буш во второй срок своего правления, заканчивалось в принципе неудачно. Он склонен лететь со снижением. Поэтому я считаю, что пузырь действительно лопнет.

Четыре года назад Вы предсказали, что капитализм вскоре развалится. Этого не произошло. Может быть, Вы ошиблись или, по меньшей мере, поспешили с выводами?

ДЖОРДЖ СОРОС: Это, конечно, возможно. Я, быть может, недооцениваю властные рычаги, которые они (экстремисты из правительства Буша) создали, когда общественное мнение не находит своего отражения при голосовании на выборах. Однако я уверен, что изменения произойдут.

Меня тревожит, скорее, то, что мы не извлекаем из ошибок правительства Буша необходимых уроков. Самая большая ошибка – «война против террора» как концепция. Ее пока не ставили под вопрос. Однако тех, кто это делает, клеймят как непатриотичных людей, поэтому политикам невыгодно критиковать, даже если в душе они испытывают сомнения.

В данном случае Америка распрощалась со своими традициями. Жители страны считают, что под угрозой находится их существование, и оправдывают все, что якобы служит их защите. Это означает, что утрачиваются стандарты, отличавшие Америку.

Кстати, о рычагах власти: одно время Вы были соратником Пола Вулфовица (Paul Wolfowitz). Вы понимаете, что им сегодня движет?

ДЖОРДЖ СОРОС: Думаю, что Вулфовиц в большей мере интеллеktуал, чем большинство неоконсерваторов. В глубине души он понимает, что вторжение в Ирак было большой ошибкой. Я думаю, он исправится, поработав как следует во Всемирном банке.

Можно ли говорить, что касается ЕС, о том, что впереди его ждут большие проблемы?

ДЖОРДЖ СОРОС: Я думаю, что Европа находится в очень серьезном кризисе. Создание Союза было достижением социальной инженер-

рии, очень в духе «открытого общества» по Попперу (Popper), с экспериментами и заблуждениями, когда каждый шаг вперед приводит к появлению очередных проблем. Эти шаги вели в направлении ЕС, теперь произошла заминка. Расширение означало большее делегирование суверенитета и привело к поражению в ходе голосования по вопросу конституции.

Европа находится в состоянии динамичного неравновесия, и если не будет двигаться вперед, то пойдет в обратном направлении. Я думаю, это произойдет уже в ходе дискуссии относительно бюджета, хотя такая дискуссия ведется постоянно. Она пока не считается определяющей, но является предзнаменованием будущего разлада. Произойдет это, прежде всего, по той причине, что нет единства в оценке значения и важности Союза. Он будет развиваться в обратном направлении до тех пор, пока люди не заметят, что они теряют, и не придумают что-то новое. Но это будет лишь результатом очень глубоко кризиса.

Ваши критики отмечают, что Вы всегда видите картину 'в целом' и заблаговременно чувствуете определенные процессы. Что подсказывает Ваша внутренняя система раннего предупреждения по поводу общей картины, включающей также Азию и особенно Китай?

ДЖОРДЖ СОРОС: Я думаю, что глобализация не является необратимой. Она уже имела место перед первой мировой войной и из-за нее была прекращена, затем еще раз, когда в изоляции оказались такие большие территории, как Советский Союз. Сейчас глобализация охватила очень большие территории, но она может закончиться провалом. Это не предсказание, больше – возможность, что наряду с ограничениями, связанными с реально намечающимся провалом, будут попытки не допустить распада. То есть произойдут изменения в позиции.

Точно так же, как это происходит на финансовых рынках: часто находишься на грани краха, но реально он происходит редко. Но я бы сказал больше. Перед нами стоит глобальная проблема, которая имеет мало что общего с глобализацией. Я имею в виду потепление климата на Земле. В последнее время я более детально ознакомился с этим вопросом, и это, очевидно, очень реальная проблема. Мнение ученых единодушно. Разногласия касаются лишь временных параметров процесса. Это процесс будет продолжаться даже после принятия контрмер. То есть, мы теряем время. К экономическому кризису добавляется экологический. А администрация Буша полностью отрицает наличие этой проблемы.

Вы ведь должны понимать, что поддерживая демократов, сможете достигнуть лишь ничтожной доли того, чего добились республиканцы. Вы не пали духом?

ДЖОРДЖ СОРОС: Для себя я делаю два вывода: сегодня стало намного больше людей, относящихся к правительству Буша, как и я, и готовых поддержать его противников.

Вы будете поддерживать их и в будущем?

ДЖОРДЖ СОРОС: О, конечно! (Представитель Демократической партии) Роб Штайн (Rob Stein) создал для этого группу. А, во-вторых, что касается меня, я поставил вопрос: в чем заключается наша проблема? What's wrong with us, with American society? Я думаю, существует принципиальная проблема. Первоначально я возлагал всю вину на Буша, но все же 52 процента людей проголосовали за него. Как это случилось?

Точно так же, как Томас Франк (Thomas Frank) говорил о федеральном штате: что случилось с Канзасом? What's the matter with Kansas?

ДЖОРДЖ СОРОС: Верно. Я уверен, что демократы вернуться. Но я не уверен, что они исправят сделанные ошибки и смогут вывести Америку на менее опасный курс. Это действительно меня тревожит.

Когда Вы говорите, что демократию и свободу можно поддерживать только благодаря укреплению международных институтов, то возражение неоконсерваторов, что, мол, там не в полной мере представлены американские интересы, находит поддержку у большинства американцев. Что Вы можете сказать по этому поводу?

ДЖОРДЖ СОРОС: Вы правы. Весь мир действительно настроен против Америки. Я шокирован масштабами недоверия и оппозиционности среди общественности, а также в правительствах многих стран. Это означает, что международного сообщества в целом больше не существует. Это действительно крах Запада, имеющий серьезные последствия. Возьмите пример: Каримов устроил в Узбекистане бойню. Что произошло после этого?

Ничего.

ДЖОРДЖ СОРОС: Ничего. Таких примеров сегодня масса. Мировой порядок практически прекратил свое существование. И ответственность за это лежит на Соединенных Штатах. Поскольку, будучи мировой державой, они определяют порядок вещей, а остальной мир следует ему. Но теперь Америка стала националистической сверхдержавой, – а остальной мир берет с нее пример. Китай становится все более националистическим и милитаризованным, японцы – тоже, русские, даже турки, в результате отказа со стороны ЕС. Это не обещает миру ничего хорошего.

Когда Вы говорите о важной концепции Поппера, касающейся самокритики, то что бы могли подвергнуть в этом плане критике?

ДЖОРДЖ СОРОС: Я, наверняка, допустил одну тактическую ошибку. Я дал своим врагам в Америке возможность представлять меня как экстремиста. И я оказался в трудном положении, взявшись за решение сразу многих задач. Я не рассчитал силы. Знаете, я человек, считающий своими врагами и Буша, и Путина, – это не обещает ничего хорошего для моей кампании. Но когда речь идет о принципах, я обязан

придерживаться своей позиции. Не потому, что думаешь о выигрыше. А по той причине, что чувствуешь, что нужно что-то делать. Есть большая разница между существованием финансового спекулянта, думающего только о прибыли, и деятельностью из принципа.

Вы, как и прежде, выступаете за внесение изменений в американские законы, касающиеся наркотиков.

ДЖОРДЖ СОРОС: Да, даже если теперь у меня уже нет своего собственного фонда. Я поддерживаю существующие институты. Кстати, американская «война против наркотиков» ведется с такими же ошибками, как и война против террора. Ведущая мировая держава не может ставить войну в центр своей политики. От терроризма следует защищаться, но это может быть лишь только одной из задач. В результате этой перманентной войны многие жертвы становятся преступниками. Таким образом, террористов становится больше, чем их убивают. Это контрпродуктивно. Происходит отказ от ценностей, которых придерживались раньше. В Узбекистане есть военная база, где подразделения специального назначения обучаются борьбе с террором. И эти подразделения используют свою подготовку для избиения невинного гражданского населения. Разве это повышает безопасность США в мире?

И их авторитет?

ДЖОРДЖ СОРОС: Именно. Это страшно, и это всего лишь один из многих примеров того, насколько неверен такой подход.

Вы однажды сказали, что хотели бы быть услышанным. Вы этого добьетесь уже по той причине, что являетесь известным человеком. Какими критериями Вы руководствуетесь в подходе к самому себе?

ДЖОРДЖ СОРОС: Прежде всего, я задаюсь вопросом, буду ли понят. Я практикую идею Поппера о возможности ошибок, это означает, что я действую, как Европейский союз: делаю шаг вперед, затем вижу, что это, возможно, ошибка, и так далее. Меня тревожит то, чтобы я отвечал той платформе, автором которой являюсь я сам.

Печатается по: Джордж Сорос: Мирового порядка больше не существует (Интервью Джоржа Сороса «Der Standard», Австрия, 21 июня 2005 г.). Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/translation/220430.html>

Вопросы

1. В чем Джордж Сорос видит самую большую ошибку правительства Дж. Буша?
2. Какие черты современного мира, по мнению Джоржа Сороса, означают, что международного сообщества в целом больше не существует?
3. Почему защита от терроризма может быть только одной из задач внешней политики ведущей мировой державы?

Тема 13–15. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ МО

Безопасность включает в себя гарантии суверенитета, целостности, защиты населения, составляя существенный элемент национального интереса. Безопасность относится к тому интересу, который «вошел в состав» жизненно важных интересов государства-нации (т.е. в государственный интерес). Безопасность относится к интересу, который призвана гарантировать национальная безопасность (стратегия национальной безопасности).

Существует два понимания безопасности: 1) не угрожаемое состояние (связываем с отсутствием внешних угроз, с безопасностью для жизни) и 2) совокупность мер для его обеспечения (динамичный процесс: подразумевается, что состояние изменяется, «движется»). Подразумеваются меры гарантии безопасности, способности компенсировать угрозы).

Каждое из этих понятий безопасности характеризует понятие стабильности. В первом случае под стабильностью понимаем *устойчивое состояние*, позволяющее эффективно развиваться под влиянием внешней и внутренней среды, сохраняя свою структуру и способность контролировать процессы общественных перемен. Во втором стабильность – это равномерно отклоняющийся *тип движения*, средней линией которого можно считать отсутствие угрозы выживанию системы, с которым и отождествляется безопасность (Подробнее см. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995). – М., 1997. – С. 37–58).

Социологический подход в исследовании проблем безопасности дает представление об общепринятой стратегии глобальной безопасности. Здесь наблюдается ряд процессов, характеризующих период 1989–1991 гг. Это, в частности, предсказуемость «стратегического мифа» безопасности. 1989–1991 гг. и формирование «сферы безопасности» под влиянием процесса, оцениваемого как возвращение беспорядка (Дж. Мирсхаймер). Тезис о конце истории: уменьшение выгод обладания силой (П. Кеннеди, Ф. Фукуяма и др.). Альтернативная стратегия: преобразование военного знания о безопасности в знание, обращенное к экономике. Формирующаяся «однополярная стабильность» (Ч. Краутхаммер) оценивается при этом с точки зрения угроз новой безопасности, среди которых выделяются мировой беспорядок и столкновение цивилизаций.

Конфликт и конфликтность в МО. «Формула» конфликта: конфликт = участники + объект + действие (Подробнее см.: Романюк Л.Н. Политический конфликт и пути его разрешения. Лекция. ДВТИ. – Владивосток, 1993). Наличие участников и объекта конфликта создает кон-

фликтную ситуацию. В МО – это противоречие, зачастую имеющее скрытый (латентный) характер. Действия в сфере МО могут представлять взаимодействие участников, в т.ч. собой вооруженное или невооруженное столкновение. Образовавшийся «в сумме» конфликт представляет собой крайнюю форму обострения противоречия.

Развитие конфликта по шкале интенсивности проходит по трем фазам. Фаза «А» – характеризуется конфликтным взаимодействием сторон, которое уже осознается участниками и в котором зримо начинают присутствовать следующие срезы отношений – пространство, время, мотивации, цели, средства их достижения и т.д. Фаза «В» – делится на три части: 1 – порог начала принуждения (принуждающее поведение – использование дипломатического или иного давления. 2 и 3 – кризисная часть конфликта. Из них 2 часть – переход к военным действиям, 3 часть – порог применения насилия в массовом или организованном виде. Фаза «С» – высшая форма конфликта – война («чистый конфликт»). Прохождение конфликта через эту фазу не всегда проходит. Конфликт может возвращаться в пройденные фазы, проходить внутренние этапы фазы «В» заново (см.: Сетов Р.А. Конфликт и кризис: категориальные комплексы в теории международных отношений / Введение в теорию международных отношений: учебное пособие / отв. ред. А.С. Маныкин. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 178–214).

Многие острые международные конфликты часто рассматриваются как версии «игры с нулевой суммой» (Т. Шеллинг). Применимо также понятие «игра с переменной суммой», формирующееся в рамках концепции позитивного конфликта (Л. Козер, К. Боулдинг, Дж. Зиммель, М. Дойч и др.).

Теория войны (К. Клаузевиц) дает представление о трех элементах войны: политической рациональности, абстрактной сущности войны, природной стихии иррациональных сил («туман войны», к которому следует отнести неопределенность, случайность, неясность). В современной теории выделяют явление «трансформации войны» и «возвращения войны» в условиях структурных изменений современной системы МО. Существует региональные особенности конфликтов: «запредельная» и «нормативная» конфликтность в Европе и АТР (См.: Богатров А.Д. Региональная специфика структур стабильности. Доступно on line: http://www.obraforum.ru/lib/book5/2_3.htm).

Методы разрешения конфликтов. В международных отношениях существует 3 традиционных метода разрешения конфликтов: переговоры, использование услуг третьей стороны и посредничество. Метод переговоров имеет 2 методики. Самая обычная и распространенная форма переговоров – это позиционный торг, то есть формулировка определенной позиции, и затем, постепенное отступление от нее до какого-то предела. Занимая определенную позицию, вы тем самым даете понять дру-

гой стороне чего вы хотите. Возникает определенность, опора для дальнейших действий и возможных соглашений. Большинство конфликтов, в сущности, представляют собой ситуации торга (Т. Шеллинг). Альтернатива «позиционному торгу» – «принципиальные переговоры» или переговоры по существу. Авторы методики – Р. Фишер и У. Юри предлагают сосредотачиваться на интересах, а не на позициях. Интерес – это мотив поведения и движущая сила. Позиция – то, о чем вы приняли решение. Согласование интересов, а не позиций успешно, потому что для удовлетворения каждого интереса обычно существуют несколько возможных позиций. За противоположными позициями скрывается гораздо больше интересов, по сравнению с теми, которые вошли в противоречие.

На протяжении длительного периода времени формировалась идея управления конфликтами. Возникшая первоначально как необходимость контроля за порядком со стороны противоборствующих государств идея эволюционировала в создание механизмов предотвращения ядерного конфликта и создание барьера на пути эскалации конфликта (одна из последних по времени работ: Кременюк В. Современный международный конфликт: проблемы управления // Международные процессы. Т. 3. 2005. № 1(7). Январь–апрель. – Доступно on line: <http://www.intertrends.ru/one/005.htm>). Наиболее спорными методами урегулирования современных конфликтов (конфликтов цивилизаций – фундаментальных вызовов или базовых конфликтов в МО) являются методы сдерживания и устрашения.

Основные понятия и термины

Безопасность – состояние международных отношений, обеспечивающее стабильность развития, суверенитет и независимость всех субъектов международного сообщества.

Внешняя политика – деятельность государства на мировой арене, направленная на осуществление взаимодействия с другими субъектами международных отношений (дипломатические отношения – форма проведения внешней политики). Внешнюю политику также называют отношением между государствами и средством для достижения национального интереса.

Война – конфликт признанный обеими сторонами, организованный и специально санкционированный. Этот конфликт является вооруженным соперничеством (используется организованная военная сила) и уничтожение соперников не рассматривается как убийство. Обязательным условием признания конфликта войной является тот факт, что вооруженное соперничество осуществляется между двумя независимыми политическими единицами. В теории общепризнанным является представление о том, что вооруженное соперничество используется в осуществлении политики (государственной, национальной, племенной и т.д.).

В теории Карла фон Клаузевица война должна заканчиваться заключением мира.

Глобальная безопасность – комплекс мер по поддержанию состояния устойчивости и стабильности всех жизнеобеспечивающих систем современной цивилизации: политической, экономической, социальной, природной, энергетической и т.д. Всеобъемлющий характер безопасности связан с тем, что ее достижение обеспечивается согласованными усилиями всех членов международного сообщества.

«**Игра с нулевой суммой**» – ситуация, в которой предпочтения «игроков» противоположны, а выигрыш одного из участников конфликта означает эквивалентную потерю для противника (как в шахматах без права объявить ничью). Смысл состоит в том, что на самом деле один из участников лишь *видит* так свой выигрыш и *считает*, что потери противника усиливают его.

Крупный вооруженный конфликт – продолжительное противостояние между вооруженными силами двух или более правительств или одного правительства и по меньшей мере одной организованной вооруженной группировкой, приводящее в результате военных действий к гибели не менее 1000 человек за все время конфликта, и в котором непримиримые противоречия касаются управления и/или территории» (Ежегодник СИПРИ 1998. Вооружения, разоружение и международная безопасность. – М.: Наука, 1999. – С. 36).

Конфликт – столкновение двух или более разнонаправленных сил (интересов) с целью реализации их интересов в условиях противодействия (т.е. одна или обе стороны прибегают к стратегии конфронтации). Более простая формулировка конфликта дана Мортон Дойчем: конфликт – столкновение несовместимых действий (Дойч Мортон. Разрешение конфликта (конструктивные и деструктивные процессы) // Социально-политический журнал. 1990. № 1. С. 202–217).

Конфликт в МО – взаимодействие двух или более элементов системы МО, которые преследуют взаимоисключающие или взаимнесовместимые цели (Сетов Р.А. Роль идеологии во внешней политике государства // Введение в теорию международных отношений: учеб. пособие / отв. ред.р А.С. Манькин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – С. 179).

Кризис – резкое повышение интенсивности конфликтного взаимодействия (повышение интенсивности конфликтных действий).

Национальная, глобальная или «**большая**» стратегия – внешнеполитическая стратегия государства (синонимично понятию «внешняя политика»).

Международно-политический конфликт столкновение тех или иных интересов, которые входят в систему властных отношений между социальными общностями, взаимодействующими на мировой арене. (Фельдман Д.М. Политология конфликта. – М., 1998. – С. 68).

Стратегия – это установленное соотношение между средствами и целями (Най Дж. С. (мл.) Взаимозависимость и изменяющаяся международная политика // МЭМО. 1989. № 12. С. 61).

Богатуров А.Д.

Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995 гг.)

Определение стабильности

Взаимосвязь стабильности с безопасностью, отмечаемая всеми исследователями, не дает оснований упрощать характер этой связи. В литературе предпринимались попытки объяснить содержание понятия «стабильность». За отправную можно взять точку зрения известных американских ученых К. Дойтча и Дж.Д. Сингера, по мнению которых, «стабильность – это вероятность того, что система сохраняет все свои основные характеристики; что ни одна из наций не получает преобладания; что большинство членов системы продолжают выживать; и отсутствует крупномасштабная война» (Deutsch K., Singer D. *Multipolar Power Systems and International Stability // Analyzing International Relations: a Multimethod Introduction / Ed. by W.Coplin and Ch.Kegley. New York: Praeger, 1975. P. 321*). Поясняя свое видение, авторы добавляют: «стабильность стоило бы связывать с вероятностью продолжения государствами своего политически независимого существования при сохранении их территориальной целостности и в условиях отсутствия высокой вероятности втягивания в «войну за выживание» (Ibidem).

Иначе, но логически и методологически сходно, решает задачу британский теоретик Н. Ренгер. По его мнению, «определение стабильности должно было бы подразумевать международную систему, которая не склонна к насильственным спорам, по крайней мере, между великими державами» (Rengger N.J. *No Longer a «Tournament of Distinctive Knights»? Systemic Transition and the Priority of International Order // From Cold War to Collapse: Theory and World Politics in the 1980s / Ed. by Mike Bowker and Robin Brown. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 158*).

Оба эти варианта объяснения можно считать приемлемыми, когда и если речь идет о прикладных задачах – анализе конкретных ситуаций или лекции в студенческой аудитории. Вместе с тем, трудно не видеть, что и К. Дойтч с Дж.Д. Сингером, и Н. Ренгер *описывают* стабильность, но не дают ее определения – и поэтому с теоретической точки зрения их ответы неадекватны.

Но были и попытки дать определение стабильности, уйдя от описательности. Американский ученый Л. Ричардсон предложил понимать

под стабильностью набор условий, при которых система международных отношений сохраняет способность восстанавливать равновесие, оставаться равновесной. Под нестабильностью он понимал отсутствие таких условий и нарастание в системе изменений до какой-то критической точки, в момент достижения которой происходит распад (См.: Richardson L.F. *Arms and Insecurity*. Chicago, 1960. P. 67).

В американской политологии можно встретить и еще более обобщенный вариант понимания стабильности, принадлежащий крупнейшему современному теоретику-структуралисту Кеннету Уольтцу. Насколько можно понять, он полагает, что стабильность – это состояние, при котором система просто способна продолжать свое существование, не разрушаясь (Waltz K.N. *Theory of International Politics*. Reading: Addison-Wesley, 1979. P. 161–163. Взгляды К. Уольтца на стабильность были подвергнуты критике опять-таки за их отвличенность, Дж.Л. Гэддисом. См.: Gaddis J.L. *International Relations Theory and the End of the Cold War // International Security*. Vol. 17. N3. P. 5–57, особ. P. 32).

Несмотря на отвличенность интерпретаций Л. Ричардсона и К. Уольтца, оба они соответствуют своему наименованию. Ценными в них представляются, как минимум, три момента: видение межгосударственных отношений как саморегулирующейся системы [1], восприятие стабильности как системного состояния, а не набора конкретных условий (отсутствие доминирующего государства – по К. Дойтчу и Дж.Д. Сингеру; или отсутствие войны между великими державами – по Н. Ренгеру)[2], указание на наличие подлежащей формализации связи между выживаемостью системы и ее способностью адаптироваться к переменам [3].

Вместе с тем, представляется, что акцент на динамическом характере стабильности стоило бы усилить. Думается, что от зафиксированной Л. Ричардсоном и К. Уольтцем констатации «стабильность – состояние» было бы правильно сделать шаг к постановке вопроса в плоскость «стабильность – движение». В российской печати эта наша точка зрения уже излагалась. Как отмечалось в публикациях, предшествовавших этой работе (см.: Богатуров А.Д., Плешаков К.В. Динамика международной стабильности // *Международная жизнь*. 1991. № 2. С. 35–46), *под «стабильностью» уместно понимать определенный тип движения системы межгосударственных отношений; движение относительно плавное, равномерное и предсказуемое, при котором система оказывается в состоянии существовать, воспроизводиться и изменяться, не утрачивая при этом своих базисных характеристик*. Стабильность характеризует способность системы обеспечивать назревшие, необходимые для ее самосохранения перемены, компенсируя их таким образом, чтобы утрата отдельных элементов или характеристик не создавала угрозы для выживания системы в целом. Очевидно, в стабильности при-

сутствуют и консервирующее, и трансформирующее начала. (В общем виде на необходимость каким-то образом отразить в определении стабильности динамический момент системного развития указывали М.Каплан см.: Kaplan M. *The System Approach to International Politics // New Approach to International Politics / Ed. by M.Kaplan. New York: Sharpe, 1968. P. 388*, а также О.Янг см.: Young O. *Political Discontinuities in the International System // World Politics. Vol. 12. № 3 (April 1968)*).

Стабильность не равнозначна статус-кво. Она характеризует *вид* движения системы, а статус-кво – один из *моментов* этого движения. (Любопытно, что Э.А.Поздняков, широко и вольно пользующийся термином «баланс сил», одновременно отрицает его «статическое содержание» и стремится придать ему «динамическую» интерпретацию. См.: Поздняков Э.А. *Философия политики. Т. 2. С. 208*). Статус-кво – это стабильность при условии, что скорость движения системы стремится к нулю. Но в этом случае системе угрожает гибель, она не может перестать развиваться. Таково одно из структурных объяснений неуспеха политики статус-кво в ретроспективе двух мировых войн за первую половину XX в.: на определенном этапе самоорганизации системы (переход от «дисперсного» типа отношений к коалиционному) статус-кво стал вести к накоплению конфликтного потенциала изменчивости системы; внутренние противоречия не разрешались, а откладывались; отложенный конфликт результировался во взрыв умноженной мощности.

Приняв определение стабильности как типа движения, а не состояния, можно охарактеризовать ее соотношение с безопасностью. Эксперты не раз указывали на изменение смысла понятия «безопасность». Оно стало включать в себя не только гарантии суверенитета, целостности, защиты населения, но и обеспечение благоприятной природной среды, доступности ресурсов, защиту от стихийных бедствий и даже поддержание материального благополучия (Pentland C.C. *European Security After the Cold War // Building a New Global Order. P. 64*). Связывают с безопасностью и содействие распространению демократических ценностей (Sorensen Th. *Rethinking National Security // Foreign Affairs. Vol. 69. N3 (Summer 1990). P.7*). Очевидно, что такого рода рассуждения относятся не столько к понятию «безопасность», сколько к описанию угроз безопасному существованию. Для целей исследования требуется иной угол зрения – безопасность как таковая. В литературе распространены два ее понимания: безопасность как неугрожаемое состояние, и безопасность как совокупность мер для его обеспечения.

Если безопасность подразумевает искомое состояние государства или системы, то стабильность – тип смены их реальных состояний, которые могут характеризоваться большей или меньшей безопасностью. Или по-другому: безопасность воплощает отсутствие угроз для выживания, а стабильность – способность компенсировать такие угрозы в

случае их возникновения за счет внутренних адаптационных возможностей системы. Наконец, третий вариант: стабильность – это равномерно отклоняющийся тип движения, средней линией которого можно считать отсутствие угрозы выживанию системы, с которым и отождествляется безопасность.

Вернувшись к интерпретациям стабильности (от К. Дойтча и Дж.Д. Сингера до К. Уольца), заметим, что все они тяготеют к «прикладному» видению стабильности – к ее пониманию как условия безопасности. Оттого описание стабильности по Дойтчу и Сингеру напоминает попытку перечисления условий, при которых государство будет чувствовать себя безопасно. В этой главе сделана попытка проанализировать стабильность как относительно автономный, объективный феномен, который не является только рукотворным плодом политиков, а органически присущ системе. Стабильность не всегда может доминировать в международных отношениях и в этом смысле зависит от политиков, которые могут способствовать или препятствовать стабилизации системы. Но они вряд ли могут «играть в такую игру» долго без опасности для своего существования, потому что государства зависят от системы больше, чем ее выживаемость – от каждого из них.

Дальнейший анализ уместно развернуть к взаимосвязи глобальных и страновых аспектов стабильности и безопасности. Тождественность безопасности и стабильности в тенденции может существовать, хотя бы теоретически. В той мере, как цель безопасности – выживание системы, она сближается со стабильностью, воплощающей оптимальный для обеспечения этой выживаемости тип движения. Допустимо полагать, что смысл безопасности состоит в обеспечении стабильности. С оговорками можно сформулировать и обратное: стабильность представляет собой вид саморегулирующегося (самокомпенсирующегося) движения как оптимального с точки зрения выживаемости системы. Значит, безопасность системы может считаться, если не целью, то полюсом тяготения стабильности.

Однако важно подчеркнуть, что эта достаточно условная связь существует лишь на общесистемном уровне. С долей погрешности допускать отождествление стабильности и безопасности можно, если речь идет о глобальной системе. На страновом же уровне подобное допущение выглядит некорректно. В самом деле, для выживаемости системы может быть безразлична гибель отдельных государств. Возможны ситуации, когда их разрушение способно работать на сохранение системы в целом. Распад СССР был абсолютно несовместим с его безопасностью. Но глобального кризиса стабильности не последовало (Последовал частичный структурный кризис, выразившийся в падении управляемости международных отношений. Но он оказался пользой медицинским термин, вполне компенсированным. См.: Богатуров А.Д.

Кризис миросистемного регулирования // Международная жизнь. 1993. № 7. С. 30–40), и даже гипотетически угроза разрушения мировой системы не рассматривалась. С точки зрения безопасности Германии ее расчленение на пять частей (ФРГ, ГДР, Западный Берлин, Померания-Силезия и Восточная Пруссия) в 1945 г. означало полный крах. Но признание раскола как реальности в конце 60-х – начале 70-х годов привело к стабилизации обстановки в мире.

В Южной Азии в 70-х годах разрушение политического единства Западного и Восточного Пакистана тоже привело к стабилизации обстановки в северо-восточной части этого региона.

Сказанное не означает, что предлагаемое видение соотношений безопасности и стабильности претендует на нормативность. Задача раздела – обозначить болевые точки российской теории международных отношений в той мере, как она относится к проблеме стабильности, и предложить единый для всей работы вариант истолкования соотношенных между собой понятий, без которых дальнейший анализ может вылиться в двусмысленные или просто непонятные рассуждения.

Печатается по: Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995 гг.). – М., 1997. – С. 32–37.

Вопросы

1. В чем состоит отличие понятий «стабильность – тип движения» и «стабильность – состояние»?
2. Какие понимания безопасности распространены в теории? Объясните содержание каждого из понятий.
3. В каком случае, по мнению А.Д. Богатурова, допустимо отождествление стабильности и безопасности?
4. Объясните формулировку «страновой аспект стабильности и безопасности»?

Панова В.

Современные западные исследования международного конфликта

Проблемы конфликтов, кризисов и войн традиционно являлись центральными темами в работах многих известных международников, историков и политологов. Однако нельзя сказать, что о конфликте написано все. С развитием науки о международных отношениях и конфликтологии как ее отдельного направления число вопросов – в первую оче-

редь связанных с природой конфликта как общественного и международного феномена – только возрастает.

В исследованиях ученых-международников нет единого мнения относительно определения понятия «конфликт» [1]. Многообразие трактовок определяется неоднозначным пониманием природы этого явления [2]. Единственное, о чем можно смело сказать: оно присуще всем аспектам общественной жизнедеятельности. По подсчетам исследователей, количество вооруженных столкновений за всю историю человечества достигло почти пяти тысяч, что дало повод характеризовать мир как «перерыв между войнами» [3]. После окончания биполярной конфронтации снизился риск возникновения мировой войны, но увеличилось количество периферийных межгосударственных (а также внутригосударственных) конфликтов, характеризующихся межэтническими, религиозными, территориальными, властными и другими противоречиями.

Такие условия неизбежно стимулировали вспышку интереса к проблеме конфликта в профессиональной литературе. С одной стороны, постепенное, хотя и неравное оформление новых черт постбиполярной системы международных отношений позволило охарактеризовать мир как «плюралистическую однополярность» [4]. С другой стороны, осмысление уроков трансформирующегося мира в рамках глобализационных процессов – в первую очередь с точки зрения определения подходов к террористической угрозе – помогло выявить новые закономерности в развитии современных конфликтов. Немалую роль в новом подъеме конфликтологии играет также поведение единственной сверхдержавы – США.

1

Для исходной классификации конфликтов американская исследовательница М. Калдор полагала достаточным противопоставить новые войны более ранним по целям, методам ведения боевых действий, а также путям их финансирования [5]. Э. Ньюман предлагал дополнить этот ряд анализом основных действующих лиц, пространственного контекста конфликта (межгосударственный, гражданский, региональный, глобальный), а также его социального, материального и гуманитарного (а не только военно-технического) воздействия [6].

Однако в настоящее время проблема «классических» [7] конфликтов между государствами, свойственных международным отношениям в течение долгого периода (со времени заключения Вестфальского мира в 1648 г.), стала приобретать второстепенное значение. На передний план начинают выходить конфликты внутригосударственные, спровоциро-

ванные волнами сепаратизма, крайних форм национализма и религиозного фундаментализма, а также новые угрозы, исходящие от транснационального терроризма и международной организованной преступности. Серьезным конфликтным потенциалом обладают проблемы истощения жизненно важных ресурсов, достижения пределов возможностей глобальной экосистемы, а также увеличивающееся глобальное неравенство («глобальный апартеид»). И все же, несмотря на все ограничения, а также продолжающиеся гражданские войны, угрозу терроризма и другие нетрадиционные угрозы, М. О'Хэнлон утверждает, что в XXI веке будет гораздо меньше насилия в отношениях между государствами, чем в предыдущем.

Опираясь на статистику, современные исследователи полагают, что классические межгосударственные войны можно считать устаревшими [8]. Среди причин, указывающих на это, назовем следующие: революции в сфере ядерного оружия (в результате которой война между ведущими ядерными игроками стала практически невозможной), а также в сфере современных обычных вооружений [9]. Стабилизирующую роль в международных отношениях играет тот факт, что система западного альянса под руководством США стала менее анархичной, а также увеличилось число демократических государств [10]. Помимо этого, в условиях современной экономики для повышения богатства, как правило, редко возникает необходимость в захвате новых территорий [11].

«Устаревание» войны, пишут некоторые авторы, также связано с процессами глобализации, хотя и не вытекает из них напрямую. Ранее международно-политический лексикон конфликта подразумевал межгосударственные войны; теперь глобализация сделала такие выражения, как «безопасность личности» и «глобальное насилие», чрезвычайно употребительными. Сражения происходят между нерегулярными субгосударственными отрядами этнической милиции, паравоенными формированиями партизан, культовыми и религиозными организациями, преступными и террористическими группировками. Б. Бузан отмечал, что целью уничтожения становятся не вооруженные силы или города противника, а группировки местного масштаба или отдельные личности. Государство в современных условиях менее важно. Оно остается центральным фактором, но более не является главным воплощением угрозы [12]. Именно поэтому вызовы безопасности сложнее идентифицировать, а им – сложнее противостоять [13].

За последнюю треть XX века понятие «конфликт» постепенно подменило понятие «война». Это было связано с тем, что при изучении войн яснее становились их сущностные характеристики. По мере усложнения мирополитических процессов война стала определяться как

частный случай более широкого феномена – конфликта. Это дало возможность разграничивать различные стадии и виды конфликтов, а соответственно, и позволило находить новые формы их предотвращения и разрешения.

По оценкам Гейдельбергского института по изучению международных конфликтов, в период с 1945 по 2000 г. к типу «классических» войн относилось всего лишь около 15% (в 2001 г. – 6,5%) [14]. Причем к самым опасным очагам напряженности между государствами можно отнести конфликт между Индией и Пакистаном, чреватый, в случае эскалации, применением ядерного оружия.

В прошлом претензии государств на монополию применения военной силы приводили к войнам, а соблюдение всеобщего запрета на ее использование оказывало стабилизирующее воздействие на международные отношения. Анализ современных конфликтов показывает, что войны в понимании Карла фон Клаузевица уходят в прошлое. Вооруженный конфликт связывается с социальным (или асоциальным) окружением, которое подразумевает государственных и негосударственных акторов. Ослабление или подрыв государства может быть результатом влияния окружения, которое в условиях глобализации размывает возможности государства и его властные полномочия. При этом возникает тенденция применения насилия частными – чаще всего криминальными – силами. Возникает вакуум государственной власти, зачастую связанный с этническим сепаратизмом и схватками за контроль над природными ресурсами или бизнесом.

Некоторые исследователи сравнивают конфликты нового поколения с движениями сопротивления, религиозными и диверсионно-террористическими войнами, национально-этническими и другими столкновениями немежгосударственного уровня. Соответственно, эти авторы пытаются проанализировать их с точки зрения одной из уже известных парадигм или теорий, а элементы, не вписывающиеся в теорию, определяют как явления маргинального порядка, существенно не влияющие на основные правила международного общения. С. Каливас полагает, что различие между конфликтами в ходе и после окончания «холодной войны» можно в большей степени объяснить исчезновением доступных концептуальных категорий, нежели реальными глубокими различиями [15].

Другие авторы, наоборот, относят современные конфликты к абсолютно новым явлениям, требующим переосмысления и разработки нетрадиционных теорий [16].

Деградация ситуации происходит в связи с изменением функций государства, его неспособностью в большинстве случаев гарантировать

безопасность личности [17]. Растет неопределенность, конфликты становятся более затяжными. Социальная трансформация, вызванная глобализацией и либеральными экономическими силами, ведет к тому, что нерегулярные военизированные формирования получают правовые, политические и иные возможности, которых они ранее не имели [18]. Так, в ходе балканских войн 1991–2001 годов монополия государства на власть разрушалась: субгосударственные акторы присваивали права на использование силы, а политические лидеры поощряли к применению силы полукриминальные вооруженные группы.

Ослабление государства происходит ввиду уменьшения количества доступных правительствам ресурсов, необходимых для отправления властных полномочий. Усложнению ситуации способствуют международные финансовые акторы с их упором на бедные и поэтому уступчивые правительства (особенно с учетом коррупции элит). Деятельность неправительственных благотворительных организаций (например, евангелистских христианских организаций США, занимающихся выкупом женщин и детей из рабства) зачастую достигает обратного эффекта: возникает стимул к расширению практики обращения людей в рабство с целью последующей их продажи на волю [19].

Встречаются и более радикальные выводы. Д. Джун полагает, что международная помощь и интервенция «мирового сообщества» обостряют конфликты. «Мафиозные экономики и продолжающиеся в течение длительного времени внутренние конфликты, – пишет он, – зачастую являются результатом международного вмешательства, которое происходит во имя установления и развития рыночных структур и демократии» [20]. В конфликтах нового поколения видное место занимают полевые командиры, которые могут стремиться к развязыванию войны по материальным, национально-этническим, идеологическим или иным причинам [21].

Современные конфликты отличаются сложным характером. Ввиду большого числа их участников сторонам сложнее достичь урегулирования. Со времени окончания «холодной войны» в конфликты было вовлечено более 300 различных акторов. Среди них – более 80 государств, а также региональные международные организации, такие, как НАТО, Группа военных наблюдателей Экономического содружества Западной Африки (ЭКОМОГ) и т.д. [22]. В качестве международных игроков на сцену стали выходить повстанческие группировки, криминальные банды, диаспоры, этнические партии, международные благотворительные организации, наемники, а также регулярные армии [23].

Труднее стало определять структуру конфликта. Если раньше было достаточно просто выявить противостоящие силы, то сейчас акторы

стали крайне разнородными, и выявить среди них политическую оппозицию сложно. В конфликты вовлечены криминалитет и даже преступные сообщества несовершеннолетних [24]. На место столкновений по причинам идеологии, деколонизации, геостратегических и гегемонических интересов, пришли войны между региональными державами, а также политизированные конфликты меньшинств в разрозненных обществах Африки, Ближнего Востока и Центральной Азии [25]. Международные отношения определяются не только национальной военной мощью, но и сложными политическими процессами, в которых участвуют международные институты, транснациональные корпорации, группы граждан, и, наконец, отдельные сети и группы террористов [26].

Некоторые авторы даже сравнивают современную ситуацию со средневековыми войнами в Европе, которые «велись кучками бандитов и преступников, нанимаемых слабыми государствами, или же отрядами военнопольевых командиров несостоявшихся государств». При этом крупные державы, за исключением США, уклоняются от участия в конфликтах – кроме тех случаев, когда напрямую затрагиваются их интересы [27].

Печатается по: Панова В. Современные западные исследования международного конфликта // Международные процессы. – 2005. – №7. Доступно on line: <http://www.intertrends.ru/seven/005.htm#15>

---

1. Определение конфликта, его природы и основных характеристик не едины в рамках научного сообщества. В данной статье рассмотрен конфликт в его узкой трактовке – как вооруженный конфликт.

2. Так, известный американский ученый А. Рапопорт полагает, что «создание общей теории конфликта маловероятно, если вообще возможно, ибо само понятие «конфликт» отражает существование значительно отличающихся явлений, к тому же подчиняющихся совершенно разным принципам» (*Anatol Rapoport. Conflict in Man Made Environment. Baltimore, 1974. P. 70*).

3. На современном этапе многие исследователи отмечают лавинообразное нарастание числа конфликтов в мировом масштабе, что в первую очередь связано с окончанием «холодной войны». Причем большинство из них ныне являются не меж-, а внутригосударственными: численность первых сократилась, а вторых, напротив, увеличилась. Это дало повод исследовательнице М. Кальдор провозгласить «конец войн между государствами». Р. Каплан также подсчитал, что после окончания «холодной войны» большое число крупных конфликтов (в среднем 28 в год) имело внутренний характер: зачастую эти государства оказывались неспособными исполнять даже самые основные свои функции. Тем не менее далеко не все исследователи согласны с утверждением о

том, что этот феномен является новым в характеристике конфликта. Так, У. Айрес отмечает, что, напротив, период после окончания «холодной войны» характеризуется большими успехами в разрешении и завершении конфликтов, особенно мирными средствами, ввиду более благодатной почвы для мирных усилий мирового сообщества. В качестве примеров он приводит Боснию, Косово и Курдистан.

Спорным является и сам тезис об увеличении числа конфликтов. Ежегодно в рамках журнала по исследованиям мира проводится мониторинг количественных и качественных изменений конфликта. На основе анализа вооруженных столкновений с начала нынешнего столетия и до конца 2004 г. была выведена обратная зависимость: в соответствии с эмпирическими данными был подтвержден тезис об уменьшении в будущем численности конфликтов. Исследователь Д. Смит также отмечает, что число вооруженных конфликтов резко возросло в начале 1990-х годов, а затем стабилизировалось и даже стало сокращаться. См.: *Patrick Regan*. Conditions of Successful Third-Party Intervention in Intrastate Conflicts // *Journal of Conflict Resolution*. 1996. № 40. P. 344–345; *Mary Kaldor*. 'Wanted: Global Politics' // *Nation*. 2001. Vol. 273. Issue 14. P. 16; *Richard Caplan*. A New Trusteeship? The International Administration of War-torn Territories / *Adelphi Paper* 341. The International Institute for Strategic Studies. Oxford University Press, 2002. P. 7; *William R. Ayres*. A World Flying Apart? Violent Nationalist Conflict and the End of the Cold War // *Journal of Peace Research*. 2000. № 37 (1). P. 105–117; *Dan Smith*. Trends and Causes of Armed Conflict' // *Berghof Handbook for Conflict Transformation*. Berlin: Berghof Research Center for Constructive Conflict Management, 2000 (<http://www.berghof-handbook.net/cf.htm>). P. 1)

4. Термин «плюралистическая однополярность» введён А.Д. Богатыровым в 1996 году. См.: *Богатыров А.Д.* «Плюралистическая однополярность» и интересы России // *Свободная мысль*. 1996. № 2.

5. *Mary Kaldor*. New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era. Cambridge: Polity, 2001. P. 6.

6. *Edward Newman*. The 'New Wars' Debate: A Historical Perspective Is Needed // *Security Dialogue*. 2004. № 35. P. 174.

7. В современных условиях необходимо дополнительное пояснение: конфликт является «классическим» в случае, если обе стороны конфликта признают друг за другом статус независимого государства.

8. *Michael O'Hanlon*. Coming Conflicts: Interstate War in the New Millennium // *Harvard International Review* (Cambridge). Summer 2001. № 23. P. 42–46.

9. Особенно невероятными выглядят конфликты между ведущими игроками, хотя полностью исключить возможность войны между этими

государствами нельзя. Что касается ядерного сдерживания, то оно может предотвратить крупный конфликт, но нельзя исключить использования ядерного оружия в таких конфликтах, как Кашмирский или Тайванский. Это особенно актуально в связи с недавно принятым в Китае «Законом о предотвращении раскола страны» (14 марта 2005 г.), предусматривающим, что если Тайвань объявит о независимости или постарается внести соответствующие изменения в конституцию, то Китай оставляет за собой право на военное вмешательство.

10. Обычно состояние мира между демократиями (*peace-loving democracies theory*) объясняется тем, что они разделяют общие либеральные и демократические нормы, что ведет к невозможности ведения войны друг с другом (нормативные объяснения). Структурные или институциональные объяснения исходят из того, что лидеров сдерживает власть законодательного органа или общественное мнение. Обе эти составляющие объединяет Джон Оуэн, утверждающий, что демократическое государство – это государство, в котором либерализм является доминирующей идеологией, и граждане имеют возможности влиять на принятие решений о вступлении в войну. Но, по утверждениям Мэнсфилда, Оуэна и Снайдера, эта теория работает лишь при условии, что одно государство воспринимает другое как демократию (*Theories of War and Peace: An International Security READER / Michael E. Brown, Owen R. Cote, Jr. Sean M. Lynn-Jones and Steven E. Miller (eds.). Cambridge, Massachusetts, London (England): The MIT Press 1998*). Гораздо менее стабильны страны в переходный к демократии период: процесс перехода к демократии обратим (вспомним, например, Веймарскую республику).

11. Некоторые страны и сейчас оставляют за собой право использовать силу для защиты или захвата спорных территорий. И, наконец, несмотря на революцию в сфере высоких технологий, серьезным фактором для успешного экономического развития остается контроль над ключевыми природными ресурсами.

12. *Barry Buzan. Rethinking Security After the Cold War // Cooperation and Conflict. 1997. № 32. P. 6–21.*

13. *Victor D. Cha. Globalization and Security // Journal of Peace Research. May 2000. No 37. P. 393-394; Lawrence Freedman. International Security: Changing Targets // Foreign Policy. 1998. № 110. P. 56; Wolfgang Reinicke. Global Public Policy // Foreign Affairs. 1997. № 76. P. 134.*

14. Хотя характерной чертой таких гражданских войн зачастую является их «выплескивание» за рамки данного государства в масштабе целого региона. (Варвик Йоханнес. Недопущение войн и сохранение мира. Поиск надежных средств предотвращения конфликтов // *Internationale Politik. Предупреждение конфликтов или интервенция.*

2002. № 11–12. С. 6). См. также: International Commission on Intervention and State Sovereignty (ICISS) // *The Responsibility to Protect: Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty*. Ottawa: International Development Research Centre. 2001. P. 4.

15. *Stathis N Kalyvas*. “New” and “Old” Civil Wars: A Valid Distinction? // *World Politics*. 2001. № 54. P. 99.

16. *Mary Kaldor*. *New and Old Wars: Organized Violence in the Global Era*. P. 6.

17. В англосаксонской литературе эту проблему, хотя и как второстепенную, рассматривали в работах: Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflicts // *Preventing Deadly Conflict, Final Report*. New York: Carnegie Corporation, 1997 (<http://www.wilsoncenter.org/subsites/ccpdc/pubs/rept97/finfr.htm>); *Daniel C. Esty, Jack Goldstone, etc.* *The State Failure Project: Early Warning Research for US Foreign Policy Planning in Preventive Measures: Building Risk Assessment and Crisis Early Warning Systems* / John L. Davies, Ted Robert Gurr (eds.). Boulder: CO & Totowa: Rowman and Littlefield, 1998. P. 27–38.

18. Тезис, что глобализации присущ конфликт, характерен для исследований антиглобалистов. Хотя по наблюдениям М. Миллера, ученые, пытающиеся найти прямую связь между деградацией окружающей среды и обострением демографической ситуации с началом и эскалацией конфликта, не смогли объяснить, «когда, где и как напряженность и стресс переходят в вооруженный конфликт» (*Morris Miller*. *Poverty as a Cause of Wars?* // *Interdisciplinary Science Review*. 2000. № 25 (4). P. 282).

19. *Craig Calhoun*. *A World of Emergencies: Fear, Intervention, and the Limits of Cosmopolitan Order* // *The Canadian Review of Sociology and Anthropology* (Toronto). 2004. № 41 (4). P. 373-395.

20. *Dietrich Jung*. *A Political Economy of Intra-State War: Confronting a Paradox* // *Shadow Globalization, Ethnic Conflicts, and New Wars: A Political Economy of Intra-State War* / Dietrich Jung (ed.). London: Routledge, 2003. P. 12; *Mats Berdal, David M. Malone*. Introduction // *Mats Berdal, David M. Malone*. (eds.). *Greed and Grievance: Economic Agendas in Civil Wars*. Boulder: Lynne Rienner, 2000. P. 3; *Ian Beckett*. Forward to the Past: *Insurgency in Our Midst* // *Harvard International Review* (Cambridge). 2001. № 23. P. 59–63.

21. *Mark Duffield*. *Global Governance and the New Wars: The Merging of Development and Security*. London: Zed, 2001. P. 14

22. *Peter Wallensteen, Margareta Sollenberg*. *Armed Conflict, 1989–2000* // *Journal of Peace Research*. 2001. № 38. P. 633–634.

23. *Edward Newman*. *Op. cit.* P. 175

24. По мнению Я. Бекетта, классификация внутригосударственных войн затрудняется ввиду стирания граней между борцами за освобождение (национальное, социальное, культурное т.п.) и преступными группировками. См.: *Ian Beckett*. Op. cit. P. 59-63.

25. *Frank R. Pfetsch, Christoph Rohloff*. Kosimo: a Databank on Political Conflict // *Journal of Peace Research*. 2000. № 37 (3). P. 382–383.

-26. *Kaldor Mary*. Wanted: Global Politics. P. 15–18.

27. *John Mueller*. Policing the Remnants of War // *Journal of Peace Research*. 2003. № 40 (5). P. 507–518.

Вопросы

1. Чем объясняется отсутствие единого мнения относительно определения понятия «конфликт»?

2. Какой конфликт называют «классическим»? Почему теоретики предполагают «устаревание» этого вида конфликтов?

3. Назовите основные теоретические признаки конфликтов «нового поколения».

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ПО КУРСУ «ОСНОВЫ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

1. Что является объектом изучения дисциплины «Теория международных отношений»?

2. Что первоначально обозначал термин «international relations» – международные отношения, предложенный английским философом в XVIII веке?

3. Какие идеи христианства стали основой европейской традиции международных отношений?

4. Заполните пробел в рассуждении: «в понятие «чужие» у жителей Древней Руси включалось полумифическое население дальних неведомых стран, иноплеменики, с которыми приходилось сталкиваться в реальной жизни, и так называемые «свои чужие», отличительной чертой которых было _____».

5. Заполните пробел в рассуждении: «для признания международных отношений в принципе международными, необходимо, в частности: наличие как минимум двух организационно оформленных социумов; осознание представителями этих социумов разницы «свой-чужой»; _____ и т.д.».

6. Что понимают реалисты под понятием «национальный интерес»?

7. Какая из классических теорий международных отношений приравнивает международные отношения к межгосударственным?

8. Что в теории международных отношений называют относительно равномерным распределением силового потенциала между возможными противниками?

9. Принципы какой теории (парадигмы) воплощены в политической практике Пактом Бриана-Келлога (5 июня 1928 г.), декларирующим незаконность использования войны в качестве инструмента для решения международных споров?

10. В чем, по мнению неомарксистов, проявляется зависимость государства от миросистемы?

11. Установите соответствие:

1) реализм	а) рациональное поведение
2) либерализм	б) социальные классы
3) марксизм	в) всеобщее законодательство

12. Заполните пробел в рассуждении: «поведение государств на международной арене неореализм объясняет действием _____, приводящей к расхождению между намерением и результатом».

13. Заполните пробел в рассуждении: «сторонники современного марксизма полагают, что капиталистический мир-система имеет довольно жесткую иерархическую структуру, каждый ее элемент – _____ занимает свое место, определенное не только его внутренними характеристиками, но и характеристиками мира-системы».

14. Представителю какой теории принадлежит следующее формулировка: «Мы считаем самоочевидными истины: все люди созданы равными и наделены Творцом врожденными и неотъемлемыми правами, среди которых – право на жизнь, на свободу и стремление к счастью... для обеспечения этих прав люди создают правительства» (*«Декларация представителей США, собравшихся на общий конгресс», 1776 г.*).

15. Почему теорию современного политического реализма называют «структурным реализмом»?

16. Заполните пробел в рассуждении: «сторонники современного марксизма отказались от идеи мировой социалистической революции, заменив ее идеей _____ разрыва, совершить который должен будет фронт народных сил».

17. Представителю какой теории принадлежит следующее высказывание: «... мы должны быть в наше время настолько сильны, насколько это возможно, сильнее, чем любое другое государство мира, равное нам по численности населения» (*Из речи Бисмарка в рейхстаге. Февраль, 1888 г.*)

18. В чем, по мнению либералов, состоит причина анархичности международных отношений?

19. Какая из теорий считает основанием международных отношений совокупность господствующих производственных отношений?

20. Представителю какой теории принадлежит следующая формулировка: «В случае если какая-либо великая держава, не являющаяся участницей настоящего договора, будет угрожать безопасности одной из выше названных сторон и тем самым угрожаемая сторона будет вынуждена вступить с этой державой в войну, то обе другие обязуются соблюдать в отношении их союзницы благожелательный нейтралитет...» (*п. 4. Союзного договора между Германией, Австро-Венгрией и Италией, заключенного в Вене 20 мая 1882*).

21. Почему теорию реализма называют «политическим реализмом»?

22. Представителю какой теории принадлежит следующее высказывание: «Прежде всего американские вооруженные силы должны быть в состоянии решительно противостоять любой возникающей военной угрозе в Азиатско-тихоокеанском регионе, на Ближнем Востоке, в Персидском заливе и в Европе, т.е. в тех регионах, где на карту поставлены интересы не только США, но и наших ключевых союзников. Только американская военная мощь способна выполнить такую сдерживающую функцию, и поэтому не следует ее расплывать и отвлекать в другие регионы, чтобы не помешать выполнению этой основной задачи (Райс К. Во имя национальных интересов // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 2. Весна, 2000. С. 109).

23. Принципы какой теории отражены в следующей цитате: «ядерное оружие рассматривается нами не как средство ведения военных действий, а как средство сдерживания от развязывания агрессии...» (Военная доктрина и безопасность России, 1993 г.)

24. Какая из классических теорий называет международные отношения суммой «внешних политик государств»?

25. Назовите одну из наиболее общих закономерностей международных отношений, сформулированных в рамках государственно-центристской парадигмы.

26. Почему в сфере международных отношений невозможно установить строгие законы?

27. В чем заключается наиболее существенный недостаток государственно-центристской теории международных отношений?

28. Заполните пробел в рассуждении: Сторонники государственно-центристской теории полагают, что основой всех международных действий государства является национальный интерес, наиболее существенные составные элементы которого следующие: безопасность, выживание, _____.

29. Заполните пробел в рассуждении: «Сторонники реализма утверждают, что _____, связанный с его главным выразителем – государством, сам по себе является закономерностью международных отношений».

30. Заполните пробел в утверждении: А. Богатуров полагает, что альтернативой как биполярности, так и многополярности может быть, например, кольцевая структура международных отношений, одна из характеристик которой заключается в _____ (по материалам статьи А.Д. Богатунова «Плюралистическая однополярность и интересы России»)

31. Какой фактор стал решающим условием стабильного функционирования Ялтинско-Потсдамского порядка?

32. Какое событие эпохи Ялтинско-Потсдамской системы позволяет утверждать переход от фазы столкновения и консолидации к устойчивому развитию?

33. Назовите один из факторов дестабилизации Венской системы (1814–1914 гг.).

34. Назовите один из факторов дестабилизации Версальско-Вашингтонской системы (1919–1939 гг.).

35. Какой из этапов развития модели международных отношений характеризует следующее событие: Вашингтонская конференция 12 ноября 1921 г. по 6 февраля 1922 г. (участники США, Великобритания, Франция, Япония, Китай, Италия, Бельгия, Голландия, Португалия). Переговоры, проходившие на конференции, привели к ряду соглашений как по вопросам, касающимся Тихоокеанского региона, так и по более общей проблеме морского разоружения.

36. Установите соответствие:

1) система МО	а) то, что окружает систему, влияет на систему и взаимодействует с ней;
2) среда системы	б) простейшие составные части системы;
3) элементы системы	в) множество закономерно связанных друг с другом элементов, представляющих собой определенное единство

37. Назовите одну из предпосылок формирования единой общеевропейской системы международных отношений?

38. Какой из этапов развития модели международных отношений характеризует следующее событие: Ялтинская конференция 1945 г., февраль. Достигнута договоренность о зонах оккупации в Германии, детализированы договоренности о создании ООН. СССР дал письменное согласие вступить в войну с Японией через 3 месяца после капитуляции Германии.

39. Установите соответствие:

1) лидерская система	а) способность «фоновых» стран нейтрализовать влияние наиболее мощного полюса (полюсов)
2) пространственная	б) бесспорное преобладание жестко система ограниченного круга государств
3) пространственная система	в) тип организации среды

40. Что, по мнению А. Богатурова, характеризует смягченную, «плюралистическую» однополярность, начавшую формироваться в период постбиполярной эпохи?

41. Что, по мнению А.Д. Богатурова, является доказательством лидерства и невозможности гегемонии США? *(по материалам статьи А.Д. Богатурова «Плюралистическая однополярность и интересы России»)*.

42. Установите соответствие:

1) мировой лидер (доминант)	а) нуждается в поддержке мирового сообщества;
2) гегемон	б) не контролирует вооруженные силы региональных держав;
3) мировой лидер (доминант)	в) изменяет мировую систему

43. Заполните пробел в рассуждении: Стабильность пространственной системы обеспечивает _____, способная нейтрализовать лидера.

44. Установите соответствие:

1) гегемон	а) ведущий, руководитель
2) гегемония	б) господствующий, преобладающий
3) лидер	в) международная ситуация, в которой одно государство является достаточно сильным, чтобы утверждать основные правила, регулирующие МО, и обладает волей поступать таким образом

45. В чем, по мнению составителей «Стратегии национальной безопасности США» (2002 г.) состоят «глобальные обязательства безопасности» Соединенных Штатов Америки перед миром?

46. Что А.Д. Богатуров понимает под термином «стратегия перемалывания» США?

47. Опровергните или подтвердите правильность следующего высказывания: «Конфликт между либеральной демократией и марксизмом-ленинизмом был конфликтом идеологий, которые, невзирая на все различия, хотя бы внешне ставили одни и те же основные цели: свободу, равенство и процветание. Но Россия традиционалистская, авторитарная, националистическая будет стремиться к совершенно иным целям» *(С. Хантингтон. Столкновение цивилизаций? 1994)*.

48. Чем объясняется отказ к началу 1920-х гг. Советского Союза от идеи «мировой революции» и переход к политике «мирного сосуществования» в военном и политическом смысле?

49. Докажите на примере политики какого-либо государства правильность следующего высказывания: «...способ, каким государство определяет свой национальный интерес, не универсален, он покоится на предшествующем идеологическом базисе...» (*Ф. Фукуяма. Конец истории? 1989*).

50. Докажите или опровергните данное высказывание: «Ни одно государство-нация, вероятно, не сможет сравняться с Америкой в четырех главных аспектах силы (военном, экономическом, техническом и культурном), которые в совокупности и определяют решающее политическое влияние в мировом масштабе. В случае сознательного или непреднамеренного отказа Америки от своего статуса единственной реальной альтернативой американскому лидерству в обозримом будущем может быть только анархия в международном масштабе. В связи с этим представляется правильным утверждение о том, что Америка стала, как определил президент Клинтон, «необходимым» для мира государством» (*Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы. – М., 1998*).

51. Что понимается под понятием «национальный интерес» в Концепции национальной безопасности РФ (2000 г.)?

52. Докажите или опровергните следующее высказывание: «Во время холодной войны... конфликт воплотился в борьбу двух сверхдержав, ни одна из которых не была нацией-государством в классическом европейском смысле» (*С. Хантингтон. Столкновение цивилизий? 1994*).

53. Что понимается под формулировкой «баланс сил» в «Стратегии национальной безопасности США» (2002 г.)?

54. Заполните пробел в рассуждении: Иран назван главной угрозой Соединенным Штатам в Стратегии национальной безопасности, опубликованной в _____ году.

55. Назовите межправительственную организацию, которая выступает в роли одного из неформальных механизмов регулирования современного международного порядка?

56. В чем заключается недостаток механизма поддержания мирового порядка отраженного в статье 51 Устава Организации Объединенных Наций? «Настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если про-

изойдет вооруженное нападение на Члена Организации, до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности. Меры, принятые Членами организации при осуществлении этого права на самооборону, должны быть немедленно сообщены Совету Безопасности и ни коим образом не должны затрагивать полномочий и ответственности Совета Безопасности, в соответствии с настоящим Уставом, в отношении предпринятия в любое время таких действий, какие он сочтет необходимыми для поддержания международного мира и безопасности» (Ст. 51 Устава ООН).

57. Укажите одну из черт, характеризующих современный международный порядок. Объясните содержание термина «игра с нулевой суммой»?

58. Укажите автора следующего высказывания: «Существует 3 элемента войны: политическая рациональность, абстрактная сущность, природная стихия иррациональных сил («туман войны») – к которому следует отнести неопределенность, случайность»

59. Расставьте элементы развития конфликта в хронологической последовательности:

- 1) порог «принуждающего поведения» – использование дипломатического, или иного давления; _____
- 2) конфликтное взаимодействие сторон (латентная стадия конфликта); _____
- 3) резкое повышение интенсивности конфликтного взаимодействия; _____
- 4) порог применения насилия в массовом или организованном масштабе. _____

60. Какая из формулировок, с точки зрения теории, является неверной?

- 1) войной является вооруженное соперничество между любыми политическими единицами (между государством и его федеративными округами; между двумя федеративными округами и т.д.);
- 2) на войне уничтожение соперников не рассматривается как убийство;
- 3) война – это конфликт, который специально организован и санкционирован;
- 4) война является продолжением политики (государственной, национальной, племенной) другими средствами.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	1
Раздел I. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНЫ ТМО	2
Тема 1. ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	2
<i>Косолапов Н.А.</i> Явление международных отношений: историческая эволюция предмета исследования (<i>с сокращениями</i>)	5
<i>Богатуров А.Д.</i> Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе (<i>с сокращениями</i>)	10
<i>Цыганков П.А.</i> Мировая политика и ее содержание (<i>с сокращениями</i>)	21
Темы 2–4. ОСНОВНЫЕ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ, ЛИБЕРАЛЬНО-ИДЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ, МАРКСИСТСКАЯ (СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ) ТЕОРИЯ	30
<i>Моргентау Г.</i> Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир	35
<i>Най Джозеф.</i> «Мягкая» сила и американо-европейские отношения	46
<i>Валлерстайн И.</i> Система переживает коллапс	54
<i>Амин С.</i> Интервью о глобализации	61
Тема 5. ЗАКОНОМЕРНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	66
<i>Грум Дж.</i> Растущее многообразие международных акторов	68
Раздел II. СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЕЕ ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	75
Темы 6–7. СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. СТРУКТУРА СМО	75
<i>Мортон Каплан.</i> Система и процесс в международной политике	79
<i>Богатуров А.Д.</i> Плюралистическая однополярность и интересы России (<i>отрывок</i>)	83
<i>Страус А.</i> Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России (<i>с сокращениями</i>)	90
Тема 8. ГЛОБАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО	97
<i>Воскресенский А.</i> Китай в контексте глобального лидерства?	103
<i>Тодд Э.</i> После империи. Рах Americana – начало конца	110
<i>Икенберри Дж. Джон.</i> Химеры империи: что такое новый американский миропорядок	113

Раздел III. СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ И СИСТЕМОРАЗРУШАЮЩИЕ ФАКТОРЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ	122
Тема 9–10. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА	122
<i>Стенограмма вопросов и ответов Президента Российской Федерации Владимира Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности .....</i>	<i>126</i>
<i>Стратегия национальной безопасности США 2002 г. ....</i>	<i>134</i>
<i>Ренан Э. Что такое нация? .....</i>	<i>138</i>
Тема 11–12. МИРОВОЙ ПОРЯДОК В ТМО.....	143
<i>Богатуров А.Д. Современный международный порядок .....</i>	<i>144</i>
<i>Джадт Т. Новый мировой порядок.....</i>	<i>151</i>
<i>Сорос Дж. Мирового порядка больше не существует (интервью финансиста, миллиардера и филантропа Джорджа Сороса).....</i>	<i>158</i>
Тема 13–15. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ МО	163
<i>Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995 гг.) .....</i>	<i>167</i>
<i>Панова В. Современные западные исследования международного конфликта.....</i>	<i>171</i>
КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ПО КУРСУ «ОСНОВЫ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»	181